

МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

ЖУРНАЛ НАУЧНЫХ ГИПОТЕЗ И УСПЕШНЫХ БИЗНЕС-РЕШЕНИЙ

Н.Н. Думная,
главный
редактор,
д-р экон. наук,
профессор
кафедры
«Экономическая
теория»
Финансового
университета

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Тема санкций, которые введены против России, в настоящий момент самая актуальная и обсуждаемая. Каковы размеры прямых и косвенных потерь российской экономики от действующих санкций? Как влияют основные механизмы санкций на экономику России? Кто выигрывает, а кто проигрывает в результате санкций? И какие изменения в экономической политике необходимы для снижения потерь от санкций? Ответы на эти и другие вопросы дают заместитель председателя «Внешэкономбанка», заведующий кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета МГУ А.Н. Клепач и ведущий научный сотрудник Центра инновационной экономики Института экономики РАН В.И. Филатов.

Обращаю ваше внимание на статью профессора С.В. Казанцева, в которой он анализирует прошлый опыт и предлагает комплекс мер для нейтрализации угроз и последовательного преодоления главных препятствий для успешного развития экономики и общества.

В.Ю. Малов, Б.В. Мелентьев и О.В. Тарасова исследуют подходы к оценке экономической безопасности экспортных поставок топливно-энергетических ресурсов в условиях возможного противодействия мирового рынка.

Статья Л.М. Куприяновой посвящена различным аспектам антикризисного управления.

Кандидат экономических наук Б.А. Мясоедов, продолжая рубрику «Экономическое наследие», рассказывает о выдающемся русском экономисте А.В. Чаянове, труды которого почитаемы мировой научной общественностью.

Ваша Наталья Думная

DEAR READERS!

The theme of the sanctions imposed against Russia is the most urgent and discussed at the moment. What are the direct and indirect losses of the Russian economy from the existing sanctions? What is the impact of sanctions on the basic mechanisms of the Russian economy? Who wins and who loses as a result of sanctions? And what changes in the economic policies are needed to reduce losses caused by sanctions? Answers to these and other questions are given by the Deputy Chairman of "Vnesheconombank", Head of the Department of the Macroeconomic policy and strategic management of the Faculty of Economics of Moscow State University A.N. Klepach and lead researcher of The Innovation Economy Centre of the Institute of Economy (RAS) V.I. Philatov.

I would like to draw your attention to an article by Professor S.V. Kazantsev, in which he analyzes past experience and offers a range of measures to neutralize threats and provide the possibility of consistent overcoming of major obstacles to the successful development of economy and society.

V. Yu. Malov, B. V. Melentiev and O. V. Tarasova explore the approaches to assessing the economic security of exports of fuel and energy resources in the face of a possible counteraction of the global market.

An article by L.M. Kupriyanova is devoted to various aspects of crisis management.

Continuing the "Economic Heritage" column B.A. Myasoyedov (PhD in Economics) tells the readers about an outstanding Russian economist A.V. Chayanov, whose writings are revered by the international scientific community.

Yours faithfully, Natalja Dumnyaya

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. Н. Сильвестров — председатель совета, д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой «Мировая экономика и международный бизнес» Финуниверситета, Заслуженный экономист РФ;

А. О. Блинов, д-р экон. наук, академик РАЕН, руководитель секции «Экономика управления» Дома ученых РАН, профессор кафедры «Общий менеджмент» Финуниверситета;

В. В. Герасименко, д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой маркетинга МГУ им. М. В. Ломоносова;

А. Ю. Грибов, канд. экон. наук, председатель Совета директоров КБ «Платина»;

Г. П. Журавлева, д-р экон. наук, профессор, руководитель научной школы «Экономическая теория» РЭУ им. Г. В. Плеханова, Заслуженный деятель науки РФ;

Л. М. Кветной, канд. экон. наук, член Совета директоров КБ «Национальный стандарт»;

Я. М. Миркин, д-р экон. наук, профессор кафедры «Финансовые рынки и финансовый инжиниринг Финансового университета»;

Р. М. Нуреев, д-р экон. наук, профессор, руководитель Департамента экономической теории Финуниверситета, зав. кафедрой «Экономическая теория» Финуниверситета, Заслуженный работник высшей школы РФ;

А. А. Пороховский, д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова;

Д. Е. Сорокин, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, проректор по научной работе Финуниверситета;

А. В. Холопов, д-р экон. наук, профессор, декан факультета Международных экономических отношений МГИМО (Университет МИД РФ).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Д. Диккинсон, д-р, профессор, руководитель Департамента экономики Бирмингемского университета (Великобритания);

П. Леочи, д-р, профессор Университета Саленто г. Лечче (Италия);

А. Мазараки, ректор Киевского национального торгово-экономического университета (Украина);

Н. Павлов, д-р экон. наук, профессор Государственного университета национального и международного хозяйства, зам. председателя Экономического и социального совета Республики

Болгария, зам. председателя Союза экономистов Болгарии (Болгария);

Г. Симон, д-р, профессор, председатель правления «Саймон, Кухер энд партнерс стрэтэджи энд маркетинг консалтенс» в Бонне (Германия) и Кембридже (США);

Т. Хаймер, д-р, профессор Франкфуртской школы финансов и менеджмента/Университет (Германия);

С. Хан, руководитель Департамента экономики Блумбергского университета, д-р, профессор (США);

Х. Хирш-Крайсен, д-р, профессор Дортмундского технологического университета (Германия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **Н. Н. Думная**, д-р экон. наук, профессор кафедры «Экономическая теория» Финуниверситета, Заслуженный работник высшей школы РФ;

А. Ю. Юданов, заместитель главного редактора, д-р экон. наук, профессор кафедры «Экономическая теория» Финуниверситета;

А. С. Генкин, заместитель главного редактора, д-р экон. наук, профессор, действительный член РАЕН;

С. В. Казанцев, заместитель главного редактора, д-р экон. наук, профессор, заместитель директора Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, главный научный сотрудник Финуниверситета;

С. Л. Ермаков, канд. экон. наук, доцент кафедры «Банковское право и финансово-правовые дисциплины» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Л. М. Куприянова, канд. экон. наук, доцент кафедры «Экономический анализ» Финуниверситета, директор Инновационного Центра прикладных научных исследований «РИМ Университет»;

М. Б. Медведева, канд. экон. наук, профессор кафедры «Мировая экономика и международный бизнес» Финуниверситета;

Г. Л. Подвойский, канд. экон. наук, советник генерального директора Международного союза экономистов, член-корреспондент Международной академии менеджмента;

Б. Б. Рубцов, д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой «Финансовые рынки и финансовый инжиниринг» Финуниверситета;

В. Н. Сумароков, д-р экон. наук, профессор, декан факультета «Международные экономические отношения» Финуниверситета.

EDITORIAL COUNCIL

S.N. Silvestrov – Chairman of the Board, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of world economy and international business of Finance University, Honored Economist of the Russian Federation;

A.O. Blinov, Doctor of Economics, Professor of Department of the general management of Financial University under the Government of the Russian Federation, academician of the RANS, Head of the section “Managerial economics” of the House of the scientists of the RAS;

V.V. Gerasimenko, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Marketing, Lomonosov Moscow State University;

A. Yu. Gribov, PhD in Economics, Chairman of Board of directors of the Commercial Bank “Platina”;

G.P. Juravlyova, Doctor of Economics, Professor, Director of the science school “Economic theory” of Plekhanov Russian University of Economics, Honored Scientist of Russia;

L.M. Kvetnoy, PhD in Economics, Board member of the commercial bank “National Standard”;

Ya. M. Mirkin, Doctor of Economics, Professor of Chair of Financial markets and financial engineering of Financial University;

R.M. Nureev, Doctor of Economics, Professor, Head of Department of Economic Theory of Financial University, Honoured University Worker of Russia;

A.A. Porokhovskiy, Doctor of Economics, Professor, Head of Department of Political Economy, Lomonosov Moscow State University;

D.E. Sorokin, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of RAS, Pro-rector of Scientific work;

A.V. Kholopov, Doctor of Economics, Professor, Dean of International Economic Relations Faculty of MGIMO-University.

INTERNATIONAL PUBLISHING COUNCIL

D. Dickinson, Doctor, Professor, Head of Economics Department of University of Birmingham (Great Britain);

P. Leoci, Doctor, Professor of the University of Salento, Lecce (Italy);

A. Mazaraki, Rector of Kyiv National University of Trade and Economics (Ukraine);

N. Pavlov, Doctor of Economics, Professor of University of National and World Economy, Deputy Chairman of Economic and Social Council

of Bulgaria Republic, Deputy Chairman of The Union of Economists of Bulgaria (Bulgaria);

G. Simon, Doctor, Professor, President of “Simon, Kucher & Partners Strategy & Marketing Consultancy” in Bonn (Germany) and Cambridge (USA);

T. Heimer, Doctor, Professor of Frankfurt School Of Finance & Management (Germany);

S. Han, Doctor, Professor, Head of Economics Department of Bloomsburg University (USA);

H. Hirsch-Kreisen, Doctor, Professor of Dortmund Technical University (Germany).

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief – **N.N. Dumnaya**, Doctor of Economics, Professor of Economic Theory Chair of Financial University, Honoured University Worker of Russia;

A. Yu. Yudanov, Deputy editor-in-chief, Doctor of Economics, Professor of Economic Theory Chair of Financial University;

A.S. Genkin, Deputy editor-in-chief, Doctor of Economics, Professor, full member of Russian Academy of Natural Sciences;

S.V. Kazantsev, Deputy editor-in-chief, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher of Financial University, Deputy Director of The Institute of Economics and Industrial Engineering (Siberian Branch of RAS);

S.L. Ermakov, PhD in Economics, Associate Professor of Department “Banking law and financial and legal disciplines” The Russian presidential academy of national economy and public administration;

L.M. Kupriyanova, PhD in Economics, Associate professor of Economic Analysis Chair of Financial University, Director of Innovation Center of Applied Science Researches “RIM University”;

M.B. Medvedeva, PhD in Economics, Professor of The Chair of World Economy and International business of Financial University;

G.L. Podvoyskiy, PhD in Economics, Deputy director of the publishing house of Financial University, Councilor of director general of International Union of Economists, corresponding member of International Academy of Management;

B.B. Rubtsov, Doctor of Economics, Professor, Head of Chair “Financial Markets and Financial Engineering” of Financial University;

V.N. Sumarokov, Doctor of Economics, Professor, Dean of International Economic Relations Faculty of Financial University.

© Журнал
«МИР НОВОЙ
ЭКОНОМИКИ».
Свидетельство
ПИ № ФС77-29915.
Издается с 2007 г.
Усл. печ. л. 12.
Тираж 125 экз.
Учредители: ФГБОУ ВПО
«Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации»
и Н. Н. Думная

Главный редактор
Н.Н. Думная

Заведующий редакцией
научных журналов
В.А. Шадрин

Выпускающий редактор
Ю.М. Анютина

Корректор
Е.В. Маурина

Переводчик
О.Н. Ефимова

Верстка
С.М. Ветров

Адрес редакции:
125993, ГСП-3, Москва,
Ленинградский пр., 51,
д. 3, к. 104.
Тел.: 8 (499) 943-93-30,
8 (499) 943-99-09.
E-mail:
info@worldneweconomy.ru,
yumanjutina@fa.ru;
сайт: www.fa.ru.

Мнение редакции и членов
редколлегии может
не совпадать с мнением
авторов.

Перепечатка материалов
только с письменного
разрешения редакции.

Ссылка на журнал
обязательна.

Подписано в печать:
04.03.2015

Формат 60 × 84 1/8

Заказ № 167 от 04.03.2015

Отпечатано:

в ОПП Издательства
Финансового университета
(Ленинградский пр-т, 49)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Клепач А.Н.

Международные санкции и ответные меры: возможен ли позитив для российской экономики? Заседание диспут-клуба Ассоциации независимых центров экономического анализа 6

Казанцев С.В.

Антироссийские санкции — монолог с позиции силы 13

Филатов В.И.

Структурный аспект новой модели экономического роста российской экономики 31

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА

Андрюшин С. А.

Кредитный потенциал банковского сектора России: состояние и перспективы роста (Н.В. Отозвана 20.08.2018) 40

Кузнецова В.В.

Курсовая политика Банка России и выбор режима обменного курса 50

ЭКСПЕРТИЗА

Малов В.Ю., Мелентьев Б.В., Тарасова О.В.

Оценка угроз сокращения экспортных поставок топливно-энергетических ресурсов 60

МЕНЕДЖМЕНТ

Куприянова Л.М.

Методика антикризисного анализа и пути ее совершенствования . . 67

Пащенко Д.С.

Как инженеры софтверных компаний воспринимают производственные изменения 74

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Мясоедов Б.А.

Александр Васильевич Чайянов. Бессмертные идеи великого ученого 83

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ

Ратников Г.Н.

Жан Тироль — лауреат Нобелевской премии по экономике 2014 г. 96

ECONOMIC POLICY*Klepach A.N.***International sanctions and retaliatory measures: is the positive result possible for the Russian economy? Association of Russian Economic Think Tanks (ARETT) 6***Kazantsev S.V.***Sanctions on Russia as a Monologue from a Position of Strength 13***Filatov V.I.***New economic growth model of Russian economy: the structural aspect 31****FINANCIAL ANALYTICS***Andryushin S.A.***The Russia's banking sector credit potential: conditions, and growth prospects 40***Kuznetsova V.V.***Bank of Russia's exchange rate police and option of exchange rate regime 50****EXPERTISE***Malov V. Yu., Melentiev B.V., Tarasova O.V.***Reduction of energy resources export deliveries: threat assessment . . 60****MANAGEMENT***Kupriyanova L.M.***Crisis analysis and methodology the ways of its improvement 67***Paschenko D.S.***How software company engineers perceive changes in production. . . . 74****ECONOMIC LEGACY***Myasoyedov B.A.***Alexander Vasilievich Chayanov. Immortal Ideas of a Great Scientist . . 83****INFORMATION FIELD***Ratnikov G.N.***Jean Tirole – Nobel Prize in Economics in 2014. 96**

© «WORLD OF NEW ECONOMY» Journal Certificate
 ПИ № ФС77–29915.

Issued since 2007
 Relative printer's sheet 12
 Number of (printed) copies 125
 Founders: Financial University Under The Government Of The Russian Federation and N.N. Dumnaya

Editor-in-chief
N.N. Dumnaya

Science journal editorship manager
V.A. Shadrin

Publishing editor
Yu. M. Anyutina

Proofreader
E.V. Maurina

Translator
O.N. Efimova

Makeup
S.M. Vetrov

Editorial office address:
 125993, Moscow,
 Leningradskiy Prospekt, 51
 build 3, room 104.
 Tel.: 8 (499) 943–95–78,
 8 (499) 943–99–09
 E-mail:
 info@worldneweconomy.ru,
 yumanyutina@fa.ru;
 http://www.fa.ru.

Editorial board opinion may differ from authors' opinion. To republish content explicit written permission must be obtained from the editorial board.

Link to the journal is mandatory.

Signed off to printing:
 04.03.2015

Format 60 × 84 1/8

Order № 167

Printed at:

OPP Publishing
 house of Financial University
 (Leningradskiy prospekt, 49)

УДК 338.1

Международные санкции и ответные меры: возможен ли позитив для российской экономики?

А.Н. Клепач, заместитель председателя «Внешэкономбанка».

Выступление на заседании диспут-клуба Ассоциации независимых центров экономического анализа

International sanctions and retaliatory measures: is the positive result possible for the Russian economy?

A.N. Klepach, Deputy Chairman of Vnesheconombank. Speech at the Association of Russian Economic Think Tanks (ARETT)

Тема санкций сейчас самая важная. Каковы основные механизмы воздействия санкций на экономику России? Каковы размеры прямых и косвенных потерь российской экономики от действующих санкций и контрсанкций в короткой и длинной перспективе? Какие экономические агенты выигрывают, а какие проигрывают в результате санкций? И какие изменения в экономической политике необходимы для снижения потерь и максимизации выигрыша от санкций?

20 ноября 2014 г. в Ассоциации независимых центров экономического анализа состоялось заседание диспут-клуба «Узлы экономической политики» на тему «Международные санкции и ответные меры: возможен ли позитив для российской экономики?», где заместитель председателя «Внешэкономбанка», заведующий кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета МГУ **Андрей Клепач** ответил на вопросы аудитории. Мы публикуем сокращенный текст его выступления.

— Я сразу дам ответ, а потом попытаюсь его обосновать. Считаю, что в среднесрочном, а тем более в долгосрочном плане санкции могут дать

позитив для российской экономики. Весь вопрос — как мы их возможности используем.

Если говорить об основных каналах воздействия санкций, то первый канал — это существенное ухудшение доступа к рынкам капитала, что проявилось в резком росте чистого оттока капитала и сужении возможностей для рефинансирования как для корпораций, так и в первую очередь для банковского сектора, он еще более чувствителен к этому.

Второй канал — это некоторое сдерживание или ограничение для нашего экспорта. В явном виде эти санкции пока не проявились, хотя обсуждались в виде возможной следующей волны. Это определенные ограничения наших поставок на европейские рынки целого ряда товаров, начиная от энергоносителей и заканчивая еще достаточно значимыми группами. Иначе говоря, у нас в Европу идет достаточно большой экспорт металлов, и есть квоты, по которым мы их поставляем, экспорт удобрений и другой продукции химической промышленности.

Естественно, возможны санкции на икру, водку в качестве экзотики, точнее, наиболее чувствительного для европейцев и для нас товара, что, если кто помнит, вводилось и в 1983 г.,

после того как наши ПВО сбили корейский «Боинг». Такого рода санкции еще не введены, тем не менее, эта угроза существует.

Третий аспект, который здесь можно выделить (тоже на самом деле очень значимый), — это введение определенных ограничений на расчеты. Они касаются списка ряда предприятий оборонного комплекса, крупных банков; тех лиц и компаний, которые они контролируют, кто тоже попал в известный список. Хотя макроэкономический эффект этого оценить трудно и он, в общем-то, вряд ли имеет сейчас большие размеры, но транзакционные издержки и проблемы для наших банков и компаний это создает. Имеются в виду ограничения на расчеты за поставляемую продукцию военно-технического назначения, на переводы и расчеты в валюте. Все эти расчеты идут через американские банки, счета в них, соответственно идет отслеживание и контроль: поступают ли платежи в те предприятия и банки, которые попали под санкции, каковы сроки этих платежей.

Причем это затрагивает необязательно какие-то операции за рубежом. Условно говоря, любая валютная сделка между Сбербанком и его «дочкой» на Украине или в Белоруссии, как и сделка любого другого банка, попавшего под санкции, в этом смысле проходит через корсчета в США и подпадает под такого рода ограничения. Отсюда, в общем, это существенное ограничение для тех операций, которые проводят наши банки и компании. По сути дела, вопрос даже не в увеличении сроков, а в том, что от ряда сделок, от ряда операций приходится отказываться.

Угроза отключить Россию от *SWIFT* (что было сделано в свое время для Ирана) пока не реализована. Надеюсь, этого все-таки не будет. Но надо понимать, что, конечно, это существенно может выбросить нашу банковскую систему из международной системы расчетов. Хотя, опять же, платежи можно проводить, пользоваться телексом там, где он за рубежом остался, так или иначе, возвращаться к более древним, архаичным формам расчетов.

Четвертый блок санкций — это технологические и секторальные ограничения, которые ведут не только к сворачиванию инвестиций, но и к эскалации запретов на поставки нам современной техники, те точечные секторальные запреты, которые касались, естественно, проектов,

связанных с арктическим шельфом, вязкими нефтями. Причем грань здесь достаточно условная, в том смысле, что фактически под эти санкции может попадать оборудование, которое используется для горизонтального бурения на действующих месторождениях в Западной Сибири, а не только месторождения, связанные с вязкой нефтью, где мы пока и так особо ничего не добываем.

Поэтому технологические проблемы и риски здесь возникают. Степень технологической зависимости у нас просто грандиозна. Причем она намного больше, чем это следует из общих цифр, что мы покупаем на 100 с лишним миллиардов долларов в год машин и оборудования.

Например, наша нефтянка: хотя под санкциями находятся только, как я уже сказал, шельфовые работы и работы на вязких нефтях, фактически можно распространить этот список (вопрос имплементации и трактовки) даже на все оборудование, связанное с горизонтальным бурением. А это значительная часть даже месторождений Западной Сибири, которые находятся на падающей добыче.

Обслуживание месторождений. У нас, за исключением Сургутнефтегаза, практически все обслуживание сосредоточено в американских фирмах или ведется американскими фирмами, но в значительной мере российским персоналом. Поэтому часть специалистов должна была уехать, свернуть свою работу здесь. Тем не менее это создает серьезные риски для самой эксплуатации уже действующего состава скважин и проведения разведывательных работ. И компании вынуждены форсированно предпринимать меры для повышения своей самостоятельности.

Катализаторы. Несмотря на то что у нас были неплохие катализаторы в советское время, да и сейчас еще осталась, практически 80% катализаторов, которые стоят сегодня на нефтеперерабатывающих предприятиях, и почти 100% на автомобилях — это импорт. Так что если прекращается поставка запчастей, то в течение года оборудование останавливается. Я здесь никого не хочу пугать страшилками, но просто надо понимать, что масштаб нашей технологической зависимости очень большой.

Продовольствие. С одной стороны, мы за эти годы достигли очень приличного уровня самообеспеченности. Например, по птице у нас (если

я правильно помню) импорт сейчас меньше 20%. А после того, как мы закрыли импорт из Евросоюза и Соединенных Штатов, можем считать, что это 10%. Тем не менее 80% племенного поголовья птицы — это импорт. И если он прекращается, соответственно через год производство птицы обваливается до непонятно каких размеров, потому что за один год это сложно возобновить. То же самое относится к 80% племенного поголовья свиней и примерно 80% семян под сахарную свеклу, которую мы выращиваем.

В общем, и по многим другим позициям мы очень сильно сидим именно на импортной зависимости. Но это не означает, что кто-то нам это враз прекратит, потому что себе дороже — во-первых, а во-вторых, — это прямая экономическая война. Это вообще уже не вопрос санкций, это вопрос другого режима и вопрос экономической войны.

Но, по сути дела, санкции действительно привели в чувство не только многие государственные структуры, но и сам бизнес, потому что он понял, насколько плотно «сидит на игле», и что с этим что-то надо делать. На мой взгляд, если не брать выступления некоторых депутатов, про автаркию никто не то что ничего не говорит, про это даже и не думают. А вот осознание того, что надо повысить свою технологическую самостоятельность (хотя бы до каких-то минимальных пределов), у всех, я так понимаю, засело достаточно прочно в голове. Проблема только в том, что это процесс длительный. Чтобы фактически сформировать необходимое племенное поголовье той же птицы, потребуется, как минимум, до 3 лет, в свиноводстве — 5–7 лет. Это достаточно серьезный труд: инвестиции и работа специалистов.

Если говорить о технологиях, есть разные оценки. По многим критическим направлениям это все-таки 2–3 года. Опять же, если всерьез этим всем начинать заниматься. Но определенные подвижки есть, и не только в части двойных технологий. Я специально приводил примеры из гражданских отраслей: нефтехимия, газодобыча — здесь начинается определенное обсуждение и выстраивание планов. Надеюсь, что и планы сформируются, и, главное, начнутся конкретные действия.

Выделить эффект чисто санкций от всего остального очень сложно, если это вообще имеет смысл. Не только санкции, а сам геополитический конфликт оказал существенное и значимое

влияние на ситуацию. Потому что есть прямой эффект санкций как некоторых организованных действий, а есть еще не менее существенный прямой эффект антисанкций. Тут есть разные оценки. Но, на самом деле, исходная проблема заключалась в том, что сам по себе геополитический конфликт и тот кризис доверия, который есть между нами, Украиной (где у нас существует взаимозависимость) и Западом начинали оказывать негативное влияние еще до того, как санкции приобрели значимое влияние.

Официальный прогноз по оттоку капитала на 2014 г., если я правильно помню, был порядка 40–50 млрд. Причем он был занижен, т.е. реально мы считали, что он будет выше. По факту, я думаю, мы получим, порядка 110, может быть, 120 млрд по этому году. Фактически, дельта в 60–70 млрд только по линии оттока капитала — это эффект как геополитического конфликта, так и собственно санкций, которые потом были реализованы.

Очевидно, что картина на последующие годы, в том числе на 2015 г., тоже будет связана со значительным оттоком капитала. Есть разные оценки: от 70 до 100 млрд долл., хотя до этого предполагалось, что при нормальных условиях отток капитала может резко снизиться до 20–30 млрд т.е., по сути, 50–70 млрд из экономики уйдут. Помимо давления на курс рубля со всеми вытекающими инфляционными и прочими последствиями, это, естественно, прямой вычет из тех ресурсов, которые могли быть инвестированы в экономику.

Следующий вопрос: а как на долго это все? Базовый прогноз исходил из того, что все-таки мы найдем какой-то компромисс, диалог восстановится, и санкции к концу лета 2015 г. будут отменены. Наряду с этим в официальных документах (это сентябрьский прогноз, корректировка основных направлений денежно-кредитной политики, с которыми вышел Центральный банк) рассматривается и вариант сохранения санкций на более длительное время, т.е. они не отменяются. Правительство с официальным прогнозом не выходило, хотя такого рода прогнозы были сделаны, но, поскольку они не публичные, я их комментировать не могу. Но исхожу из того, что наиболее реалистичный сценарий — это сохранение санкций либо даже в большем формате, чем сейчас, либо примерно в этом же формате, как минимум, до 2017 г.

Хотя, опять же, можно привыкнуть ко всему и научиться жить с чем угодно. И даже те 1970–1980-е — это годы, когда советская экономика, вообще говоря, развивалась, особенно если взять 80-е годы. Там было все: и умеренный рост, и стагнация, а в 1979–1980 гг., если кто помнит, было даже ускорение. Но потом в конце 1980-х было многообразное количество факторов, когда экономика начала буксовать и опять вползла в стагнацию. Еще до проведения всех известных реформ, ну, и развала государства.

Поэтому, так или иначе, при санкциях может быть все. Может быть стагнация, в которую мы и так вползли сейчас, и она может продолжиться, если брать прогноз Центрального банка, и в 2016 г. При том, как сейчас все складывается, это наиболее вероятный сценарий: либо стагнация, либо, с большей вероятностью, — падение ВВП как в силу санкционных эффектов, так и в силу снижения цен на нефть (хотя, я думаю, они отскочат, весь вопрос, когда и на сколько). Поэтому наиболее вероятным, я думаю, будет снижение ВВП в 2015 г., не нулевая динамика. Весь вопрос в том, будет это минус 0,2–0,3% или, при определенных условиях, это может быть и большее падение ВВП.

Но, тем не менее, окно возможностей, для того чтобы расти в этих условиях, есть. И это связано не только с вопросами импортозамещения, но, на мой взгляд, с тем, что проводить ту экономическую политику, которую мы проводили все предыдущие годы и без санкций, в условиях санкций уже не получится.

Во-первых, наша экономическая модель развития все-таки строилась на том, что мы имеем достаточно благоприятную ситуацию с ценами на нефть. В принципе, цена на нефть 80–90 долларов за баррель — это нормально. Я думаю, к 90–100 долларам она поднимется. Но важно то, что она будет стабильна и не станет расти. Все 2000-е гг., если не брать кризисный провал на несколько месяцев, ну, на полгода, мы жили в условиях растущих цен на нефть и растущих объемов экспорта нефти и нефтепродуктов. Сейчас мы скорее придем к ситуации, когда после всех пертурбаций цена на нефть будет более или менее стабильна, и наращивать объемы экспорта мы не сможем: ни нефти, ни нефтепродуктов, ни, по-видимому, газа, с учетом размена между Европой и Востоком.

Во-вторых, наша модель строилась на доступе к мировым финансовым рынкам. Так или иначе, на ближайшие два, а то и три года он будет либо закрыт для части банковской системы, либо сильно ограничен. Потому что переориентироваться на азиатские рынки непросто, это требует времени, собственных издержек. Хотя частично, я думаю, это произойдет. Правда, там тоже все боятся санкций, даже те страны, которые не участвуют в санкциях против России.

И это не вопрос автаркии, я бы сказал иначе: у нас есть неизбежность в том, что мы будем вынуждены формировать другую экономическую политику. Вопрос в том, будет эта политика связана с тем, что мы лежим и просто адаптируемся (со временем можно адаптироваться к чему угодно), либо мы сможем создать такую модель экономической политики, которая обеспечивает развитие. Это, помимо решения вопросов, связанных с импортозамещением, причем особенно технологичным импортозамещением, где нужна серьезная организационная деятельность государства и финансовая поддержка, и мобилизация ресурсов компаний — той же Роснефти и других.

Это вопрос перестройки бюджетной политики, потому что вписаться в бюджетные правила с нашими реформами и без санкций было невозможно, а в условиях санкций — тем более. Либо мы должны их остановить и переходить на платную медицину и платное образование, либо находить компромисс: все-таки идти на бюджетные дефициты и изыскивать ресурсы внутри страны и за рубежом, для того чтобы финансировать его.

То же самое касается валютной политики. Было много споров, но, к сожалению, мы не пошли на то, чтобы создать такой девальвационный запас или заниженный курс рубля, который позволил бы нам амортизировать те шоки, с которыми мы сейчас столкнулись. Я думаю, что из этого урока будут сделаны выводы, хотя из предыдущего кризиса, я так понимаю, мы никаких выводов не сделали. Мы перешли к плавающему курсу, но «плавать» можно по-разному. Вот как плавать — эту модель еще во многом надо выработать.

Понятно, что все рассчитывают на то, что сотрудничество с западными компаниями, в том числе и в технологической сфере, сохранится. Оно и сейчас сохраняется по действующим

проектам. Ищутся пути, как его продолжить там, где сейчас это нормально делать нельзя.

Если говорить о сроках, опять же, — они очень разные. Я уже сказал, что по ряду направлений животноводства, на мой взгляд, это 5–6 лет. В нефтехимии, в ряде секторов, связанных с электроникой, элементно-компонентной базой, в течение трех лет можно действительно целый ряд проблем решить. Хотя есть вопросы, которые мы никогда не заместим, надо искать другие пути решения. Но по многим позициям в течение трех лет это возможно.

Мы продолжаем там, где с нами сотрудничают, работать и с европейскими, и с американскими партнерами. Надо искать новые ходы, новые возможности, чтобы это сотрудничество продолжать. Но есть другой вопрос — переориентация на партнеров в странах более стабильных с точки зрения партнерства и сотрудничества с нами. Отсюда идет поиск переноса заказов, допустим, в той же электронике, в Малайзию, в Китай, где и так много чего заказывалось, даже для оборонки. Поэтому надо то, что мы не можем сделать сами в таком качестве и с такой ценой, делать там, а не в европейских странах, которые прибегли к санкциям.

Все компании, которые я знаю, и все проекты так или иначе завязаны на сохранение технологического сотрудничества и, более того, завязаны, в том числе, на экспортные проекты и в Европе, и на азиатских рынках.

Мы можем, так или иначе, достаточно многое. Поскольку у нашего государства долгие годы не было приоритета какой-то технологической самостоятельности во многих секторах, кроме оборонки, то никаких усилий со стороны государства здесь не предпринималось. Никаких обязательств в отношении компаний, ни когда они приватизировались, ни даже когда они являлись государственными. По сути дела, государство на их технологическую политику не влияло.

Определенный поворот начался где-то с 2011 г., когда государство перед компаниями, которые оно контролирует, такими как Газпром, Роснефть и т. д., поставило задачу, что они выработают так называемые программы инновационного развития, где пропишут, какие технологические проекты они развивают, сколько денег и в какой форме собираются тратить на НИОКР, как будут сотрудничать

с университетами и даже привлекать малый бизнес. Эти программы были разработаны, они реализуются, мониторятся. Другое дело, что, как и большинство наших программ, реализуются где-то по остаточному принципу. Серьезной озабоченности и спроса на это не было, хотя проводились совещания на достаточно высоком уровне, и было несколько попыток разработать программы по развитию отечественного оборудования для нефтегазовой отрасли, но их даже не приняли.

Сейчас ситуация заключается не в том, что нужно отказаться от услуг *Halliburton* или вообще прекратить импорт. Он сохраняется, и сотрудничество сохраняется. Но это означает, что нам надо по ряду направлений иметь свой собственный технологический задел и поддерживать те работы, которые у нас когда-то велись, чтобы не быть стопроцентно зависимыми. Тем более что мы знаем много примеров, когда вводятся прямые запреты, прямые ограничения, и это приводит к тому, что мы проекты должны свернуть или остановить, отложить во времени, в том числе и проекты, связанные с арктическим шельфом. Есть масса вещей, более чувствительных для человека. Медицинское оборудование нам поставляют, но если мы прекращаем производство (а мы его почти прекратили) отечественных рентгеновских аппаратов, то в случае необходимости мы останемся просто без обследований и без всего этого.

Можно сколько угодно честить и вспоминать наш авиапром, но у нас уже сейчас есть прецеденты, и все это может закончиться тем, что нам просто перестанут поставлять запчасти (но, надеюсь, до этого не дойдет). И тогда на чем мы будем летать? Или, точнее, сколько лет еще мы пролетаем, используя «беушные» запчасти и ту технику, которая у нас сейчас есть? Потому что у нас весь авиационный парк, за исключением 20 Ту-204, примерно 15 «Суперджетов» и 148-х, импортный. Поэтому, опять же, это не вопрос, чтобы их заместить. Мы не могли до этого хоть что-то свое продать и на нем летать в России, но иметь хоть какую-то точку опоры — необходимо. И, надеюсь, здесь определенный поворот происходит или начался, во всяком случае, начнется в ближайшее время.

Если говорить о каких-то антисанкциях, сейчас их нет. Оттого, что кто-то что-то не отменит (по-моему, никто особо сейчас не ожидает, что

санкции отменяют), не думаю, что мы будем вводить что-то свое.

Санкции и в том виде, как они введены, уже нанесли и будут иметь существенный негативный эффект для всей экономики в целом и для всего общества. Собственно говоря, на это они всегда и рассчитывались, с тем чтобы создать в обществе недовольство и заставить либо власть измениться, либо общество изменить власть, вплоть до ее смены, — никто секрета из этого не делает. Поэтому, будут ли дополнительные ответные меры с нашей стороны — будет зависеть от того, будут ли дополнительные меры с западной стороны. В случае их значимого введения не исключаю, что какие-то меры последуют и с нашей стороны. Проще говоря, навредить мы можем, но масштабно ответить вряд ли получится.

Мне задали вопрос про ГЛОНАСС — замену *GPS*: как я оцениваю соотношение положительного эффекта с расходами? Понимаете, мы не можем наводить ракеты и самолеты по *GPS*. Тем более у нас есть прецеденты, когда вводится искажающий параметр, в том числе это происходило во время конфликта с Грузией. Проблема в том, что степень покрытия или использования отечественной навигационной системы на порядок меньше, чем у *GPS*. Хотя, с точки зрения космических возможностей, они сейчас применительно к России сопоставимы. У нас сильно отстают наземная база и распространение самих приемных устройств с опцией возможности работы с ГЛОНАСС, а не только *GPS*. Но есть определенный набор требований государства к пассажирскому транспорту, к транспорту, перевозящему химические грузы, есть еще целый ряд требований, который частично эту проблему решает. Поэтому об отдаче сейчас говорить сложно. В целом на ГЛОНАСС потратили, наверное, 100 с лишним миллиардов, и еще потратим, если я правильно помню, на второе поколение около 100. Но сейчас оценивать их эффект пока рано. Тем более что трудно разделить военную и гражданскую составляющие.

Есть более успешный пример — это те меры, которые с 2003 г. предпринимались для стимулирования сельскохозяйственного производства. Потому что их мы действительно провели и создали современное индустриальное производство птицы, кардинально изменив ситуацию

на рынке, так как раньше у нас половина приходилась на «ножки Буша» и импорт из Европы. Мы очень сильно изменили ситуацию и по свинине, но при этом не решили эту проблему комплексно, потому что, как я уже сказал, племенное, маточное поголовье здесь импортное.

Если говорить о тех шагах, которые сейчас предпринимаются, в части сельского хозяйства добавлено 20 миллиардов к той первоначальной программе, которая была утверждена Правительством на этот год. И, я так понимаю, 20 миллиардов то ли добавили, то ли еще добавят на следующий год. Часть из этих денег, помимо покрытия накопившихся долгов, пойдет как раз именно на племенную работу, и в том числе на меры, связанные с импортозамещением по овощам закрытого грунта, где у нас импорт 40–50%, что, в том числе, дает очень большой инфляционный эффект в условиях антисанкций и падения курса рубля. Поэтому определенные шаги здесь предпринимаются. Есть некоторые меры и дополнительное финансирование под двойные технологии и оборонку. Эти решения приняты.

Но масштабных финансовых вложений на импортозамещение действительно нет. Предполагается, что это будет происходить за счет внутренних ресурсов предприятий и кредитного рычага, который сейчас, как вы знаете, по стоимости идет 11–13%, даже для первоклассных заемщиков. Поэтому проблема здесь есть. Но, я еще раз говорю, имеется определенный набор мер, решений, подготовлен план по номенклатуре примерно в 1000 позиций Минпромом, который утвержден Правительством: как, когда и чем определенные критические позиции для оборонки будут замещаться. Поэтому идет перераспределение средств внутри тех программ, которые уже приняты.

Хотя, на мой взгляд, это потребует значительно больших и массивных вложений. И, в частности, это означает, что придется распечатывать Фонд национального благосостояния. По сути дела, это уже сделано — первый шаг, 40%. Но я думаю, что будут тратить 70 или 80%, и все. Но надо, чтобы они тратились не просто на поддержку банков или на некоторые проекты, которые будут развивать и спасать наш нефтегазовый комплекс, а чтобы они были действительно реально привязаны к тем приоритетам, которые завязаны на импортозамещение, на

технологическое развитие, на решение вот этих вопросов структурной уязвимости. Пока такого решения не принято.

В этом смысле наша политика адаптивная, и она достаточно последовательна. Неопределенность возникает не в том, что наша политика непоследовательна: мы как сказали, что будем держаться бюджетного правила, так его и держимся. А в том, что есть противоречия между нашими обещаниями, планами, намерениями и тем, что происходит в жизни. И это создает неопределенность. А мы считаем, что мы как выбрали свой курс, так его и будем реализовывать, ничего не меняя.

Меня спрашивали, насколько и в чем сотрудничество с Китаем может заместить сократившиеся связи с Западной Европой. Опять же с Китаем связано столько страхов, что это больше напоминает страхи американцев, когда японцы приходили на американский рынок, а сейчас американские компании тесно кооперируются с японцами. Значительная часть «Боинг-787» изготавливается из комплектующих, которые делает японская фирма «Скайтек».

Поэтому для нас вопрос Китая — это вопрос диверсификации нашего экспорта, наших зависимостей. И в этом смысле мы зависим от Китая на порядок меньше, чем Европа, у которой взаимосвязь торговли, технологических поставок с Китаем на порядок выше, чем у нас. Мы предпоследние в этом списке. Поэтому, скорее, у нас вопрос другой: а с чем мы готовы прийти на китайский рынок? Мы можем там закрепить, мы можем там инвестировать?

Когда-то, мало кто помнит, но мы были одним из крупнейших экспортеров автомобилей в Китай. Мы там начинали сборку, и сейчас там КамАЗы собираются. Но теперь китайский рынок занят не нами, там «Ниву» или «Жигули» никто не собирает. Там собирают всю линейку европейских, японских и американских машин. И мы скоро здесь будем иметь как китайское отечественное производство, так и поставки китайской продукции.

Значительная часть нашего технологического импорта, допустим, в металлургии, который идет от австрийских, итальянских, немецких фирм, — это все собирается и делается в Китае, там только марка немецкая или австрийская. Все последние станы, которые мы вводили, — это все оборудование, поставленное из Китая,

вместе с китайскими рабочими, но под нашим российским руководством, ну, и с определенным участием.

Поэтому здесь скорее не вопрос, чего бояться, а проблема — бояться того, что мы не сможем на рынке Китая занять серьезные позиции, как, кстати, и на рынке Индии, и тогда мы будем отставать. В долгосрочном плане мы не сможем выиграть от набирающих силу гигантов мировой экономики.

То же самое касается технологических вещей. Китайцы на самом деле развиваются технологически очень быстро. Если у нас расходы на НИОКР 1,1% ВВП, из них у частных компаний — вообще 0,2%, то в Китае уже сейчас 1,78%. Так что скоро мы оттуда не только ширпотреб и металлургическое оборудование будем получать, а в том числе и технологические наработки. И не только в электронике, где мы и так сидим «по самые уши».

Но я что хотел сказать: чем больше Россию загоняют в какое-то безвыходное положение и чем хуже становится, тем, в конечном счете, Россия быстрее собирается и поднимается. Я думаю, что с санкциями (хотя это надолго) произойдет то же самое. Можно сколько угодно говорить, что у нас того нет, специалистов нет. На самом деле есть! Я достаточно много работаю с предприятиями и в электронике, и в «авионике», и в судостроении, и в авиации. Есть сейчас хорошая молодая генерация специалистов — и 20-, и 30-летних. Есть достаточно интересные и серьезные идеи и заготовки. Поэтому есть возможность сделать рывок.

Вот сможем ли мы этим управлять? На мой взгляд, главная проблема даже не в деньгах. У нас и деньги есть, если брать Фонд национального благосостояния с Резервным фондом — это 8% ВВП, это примерно почти 8 триллионов рублей. Там нельзя их все сразу использовать, но, так или иначе, есть ресурс. И никто закрытую экономику не собирается делать — ищут возможности заимствований за рубежом и на азиатских рынках, а это процесс длительный, не такой быстрый. Но возможности есть. Ключевой дефицит — и отсюда главная проблема — как скоординировать это, как управлять. Ну и надо, по-любому, в это верить. Если мы изначально не верим, что мы можем сделать хоть что-то, мы никогда точно ничего не сделаем.

УДК 338.1

Антироссийские санкции — МОНОЛОГ С ПОЗИЦИИ СИЛЫ*

КАЗАНЦЕВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,*д-р экон. наук, профессор, заместитель директора Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск***E-mail:** kzn-sv@yandex.ru

Аннотация. В марте 2014 г. США и ЕС объявили о начале введения санкций в отношении России. Санкции не были утверждены или одобрены каким-либо полномочным международным органом, однако позднее к ним присоединились некоторые другие страны, в основном члены НАТО и союзники США. Необходимость санкций представляли как меру воздействия на Российскую Федерацию с целью заставить ее безоговорочно выполнять требования Соединенных Штатов и ряда стран Запада в отношении занимаемой РФ позиции в вопросе об Украине. По существу же они были направлены на международную изоляцию России, ослабление ее экономики, дискредитацию российского Президента и формирование образа страны-изгоя.

Международная изоляция Российской Федерации организована в нескольких сферах деятельности: торговли, инвестиций, экономического, научно-образовательного, технико-технологического и военного сотрудничества. Есть основания ожидать, что ближайший среднесрочный период будет весьма трудным для российской экономики в целом и для отечественной финансово-кредитной системы в частности. Непростые внешние и внутриэкономические условия повлекут за собой нежелательные последствия: ухудшение ситуации в сфере внешней торговли и финансов; ускорение оттока из страны капиталов, уменьшение объемов производства и прибыли ряда товаропроизводителей, прежде всего работающих на экспорт; замедление темпов технологического перевооружения производства и т.д.

В этих условиях центр тяжести экономической политики отечественных хозяйствующих субъектов закономерно переносится на использование внутренних источников финансирования, а государства — на содействие социально-экономическому развитию Российской Федерации, стимулирование и поддержку перспективных видов деятельности, инновационно-активных индивидов, секторов экономики и регионов страны.

Ключевые слова: международные санкции, экономические угрозы, субъекты Российской Федерации.

Sanctions on Russia as a Monologue from a Position of Strength

KAZANTSEV SERGEY VLADIMIROVICH,*Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberia Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk.***E-mail:** kzn-sv@yandex.ru.

Abstract. In March 2014, the US and the EU announced sanctions against Russia. No one authoritative international body approved or endorsed these sanctions, but by some other countries imposed them later too. Mostly they were NATO members and allies of the USA. The sanctions were explained as measures that can forced the Russian Federation to strictly follow the requirements of the United States and some other Western nations for Russian position on the issue of Ukraine. Basically, sanctions were aimed at the international isolation of Russia, the

* Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН в рамках приоритетного направления IX.87 (проект IX.87.1.3).

weakening its economy, discrediting the President of the Russian Federation, and the formation of the image of Russia as a rogue state.

International isolation of the Russian Federation is organized in several areas: in the areas of trade, investment, economic, scientific, educational, technical-technological and military cooperation. There are reasons to expect that the next medium-term period will be rather difficult for the Russia» economy in general and for the domestic financial system. The challenging external and domestic economic conditions will entail undesirable consequences: the deterioration a situation in external trade and in financial sphere, the acceleration of the capital outflow, the decrease in volumes of production and profits of a number of producers, primarily working for export, the slowdown in technological re-equipment of production, etc.

Under these conditions, the center of gravity of economic policy of domestic economic entities logically shifts from external to internal sources of financing, and the state concentrates on promoting socio-economic development of the Russian Federation, encouraging and supporting advanced and promising activities, innovative individuals, sectors and regions of the country.

Keywords: the Russian Federation, international sanctions, economic threats, the Federal budget, the consolidated budgets of subjects of Federation

Санкции

Как только война становится реальностью, всякое мнение, не берущее ее в расчет, начинает звучать неверно.

А. Камю (1913–1960), французский писатель и философ

В международном праве санкция — это «мера воздействия (экономическая, военная, финансовая), применяемая против государства, нарушившего нормы международного права, свои международные обязательства» [1].

Санкции — это силовое воздействие. У них тем больше шансов достичь поставленной цели, чем больше мощь того, кто их применяет, над силой того, к кому они применяются.

Чтобы воздействовать, надо быть сильнее того, на кого воздействуешь. Обычно тот, против кого применяют санкции, в чем-то слабее их применяющего. Типичными видами международных санкций выступают торговые, финансовые, дипломатические, процессуальные, спортивные, а также запрет на передвижение физических лиц.

Санкции применяются государством или группой государств. Поэтому противостоять им тоже должно государство. Тщетно надеяться на то, что рынок сам с ними справится, физические и юридические лица сами выстоят, и будет действовать третий закон Ньютона — «действию всегда есть равное и противоположное противодействие».

Санкции — это оружие. Поэтому надо не только от него защититься, но и лишиться его применяющих возможности и желания сражаться. Для этого

следует, по крайней мере, защитить свои слабые места (еще лучше их не иметь) и нарастить собственную мощь.

Использование инструментария санкций имеет давнюю историю. Правительство Соединенных Штатов Америки, например, прибегло к ним в 1807 г., приняв закон об эмбарго на торговлю сначала со всей Европой, а потом только с Францией и Англией.

В последние 65 лет, похоже, санкции стали привычным для США видом воздействия (*табл. 1*). В современном мире «все чаще звучит язык ультиматумов и санкций. Само понятие государственного суверенитета размывается. Неудобные режимы, страны, которые проводят независимую политику или просто стоят на пути чьих-то интересов, дестабилизируются» [2].

Традиционно санкции включают запреты на въезд в США и посещение попавшей под санкции страны гражданами Соединенных Штатов, экспорт и импорт, инвестирование, а также замораживание активов, счетов и операций для установленного ряда лиц и организаций.

По ряду параметров Российская Федерация уступает США, ЕС и некоторым другим экономически развитым странам¹, и для ее ослабления также используются международные санкции. В среднесрочной перспективе соотношение сил останется не в пользу России, и можно ожидать, что борьба против нее в экономической, политической,

¹ «Несомненно и то, что нынешняя Россия по демографическому, экономическому, оборонно-мобилизационному потенциалу и кругу союзников гораздо слабее, чем в предыдущую эпоху противостояния советского и западного блоков» [8].

Таблица 1

Санкции ООН и США против стран, их руководителей, представителей органов власти и других лиц, введенные в 1950–2014 гг.

Год	Инициатор	Страна, против которой введены санкции
1950	США	Корейская Народно-Демократическая Республика
1960	США	Республика Куба
1966	ООН	Южная Родезия (после 1980 г. – Республика Зимбабве)
1977	ООН	ЮАР, Республика Сьерра-Леоне
1979	США	Исламская Республика Иран. В начале 2012 г. к американским экономическим санкциям в отношении Ирана присоединились входящие в Европейский союз государства
1990	ООН	Республика Ирак, Государство Кувейт
	США	Республика Ирак
1991	ООН	Федеративная Республика Югославия
1992	ООН	Государство Ливия, Республика Либерия, Федеративная Республика Сомали
1993	ООН	Республика Ангола, Республика Гаити
1994	ООН	Республика Руанда
1997	США	Союз Мьянма (Бирмы). В 2003 г. санкции ужесточены
1999	ООН	Исламская Республика Афганистан
2000	ООН	Федеративная Демократическая Республика Эфиопия, Эритрея
2001	США	Республика Сербия, Черногория
2002	США	Республика Зимбабве
2003	ООН	Демократическая Республика Конго
2004	ООН	Республика Судан, Республика Кот-д'Ивуар
	США	Сирийская Арабская Республика
2005	ООН	Ливийская Республика
2006	ООН	Исламская Республика Иран, Корейская Народно-Демократическая Республика
	США	Демократическая Республика Конго
2007	США	Республика Судан
2010	США	Федеративная Республика Сомали
2011	США	Государство Ливия, Республика Беларусь, Республика Кот-д'Ивуар
2012	США	Государство Ливан, Йеменская Республика
2014	США	Украина при президенте В.Ф. Януковиче, Республика Южный Судан, Российская Федерация. Санкции против России поддержали Организация экономического сотрудничества и развития, Организация североатлантического договора, часть стран «Большой восьмерки», Европейский союз

Источник: [3, 4].

дипломатической, идеологической, военной, ин-
формационной, научной, технико-технологиче-
ской, культурной и других сферах продолжится.
Эта борьба началась не вчера, и, по крайней мере,

в вышеперечисленных сферах никогда не закон-
чится. Международные санкции служат лишь одним
из методов ведения такой борьбы, и интенсивность
их применения против Российской Федерации

в последнее время нарастает. «Мы имеем дело с ничем не закамуфлированной агрессией в отношении России с целью нанесения ей максимального экономического ущерба» [5].

Согласно имеющимся данным [6, 7], действие торговых и финансовых санкций в России распространяется на 119 физических и 23 юридических лица. Географические санкции относятся к Крыму. Это торговые, финансовые и дипломатические санкции, запрет на передвижение физических лиц. Секторальные санкции распространяются на юридических лиц в основном из оборонного, топливно-энергетического и финансового секторов. Под их действие попали такие компании, как «Газпром», «Роснефть», «Газпромнефть», «Транснефть», «ЛУКОЙЛ», «Сургутнефтегаз», «Оборонпром», газовая компания «НОВАТЭК», Сбербанк, Банк Москвы, Газпромбанк, Внешэкономбанк, Российский сельскохозяйственный банк, ВТБ банк, Государственная корпорация «Ростехнологии» и входящие в нее компании.

Санкции обязаны соблюдать компании, зарегистрированные в США или в ЕС, а также граждане США и Евросоюза. В случае с американскими санкциями им обязаны следовать еще и обладатели «гринкард» [9], где бы эти люди ни находились. На европейских «дочек» в России требования уже не распространяются, но если эти фирмы возглавляют граждане ЕС, то они несут персональную ответственность за нарушения. Что касается продуктового эмбарго, введенного РФ, то в случае ввоза, допустим, польских яблок на нашу территорию карать будут не производителя, а российское юридическое лицо или иностранного представителя на территории России, осуществившего внешнеэкономическую операцию.

... Наказание может настичь и спустя 5–7 лет с момента совершения бизнес-операции, если поступит сигнал и расследование подтвердит вину компании на момент действия санкций.

Санкции — оружие обоюдоострое, и Европейский союз их тщательно взвесил: при выработке санкций оценивал их эффективность, соотношение расходов и преимуществ, баланс между секторами и государствами-членами, обратимость и расширяемость, правовую защищенность и легкость внедрения, а также международную координацию [10].

Для введения международных санкций используются любые предлоги и поводы. Об этом в октябре 2014 г. писал секретарь Совета безопасности РФ Н.П. Патрушев:

«Действительно, если бы катастрофы на Украине не произошло, нашелся бы другой повод для активизации политики «сдерживания» нашей страны. Этот курс неукоснительно проводится многие десятки лет, меняются лишь формы и тактика его реализации» [11, с. 9].

Об этом говорил и Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию РФ 4 декабря 2014 г.:

«Кстати, о санкциях. Это не просто нервная реакция США или их союзников на нашу позицию в связи с событиями и госпереворотом на Украине и даже не в связи с так называемой «крымской весной». Уверен, что если бы всего этого не было, ... то придумали бы какой-нибудь другой повод для того, чтобы сдержать растущие возможности России, повлиять на нее, а еще лучше — использовать в своих интересах.

Политика сдерживания придумана не вчера. Она проводится в отношении нашей страны многие-много лет — всегда, можно сказать, десятилетиями, если не столетиями. Словом, всякий раз, когда кто-то считает, что Россия стала слишком сильной, самостоятельной, эти инструменты включаются медленно».

Политика подрыва экономической мощи, международного влияния и занимаемых в мире Российской империей, СССР и современной Россией позиций придумана не вчера и не завтра закончится. О ее продолжении открыто сказано в Заявлении президента США Барака Обамы о новых санкциях в отношении России 11 сентября 2014 г.: «Мы усилим и расширим санкции к российскому финансовому, энергетическому и оборонному секторам. Эти меры усилят политическую изоляцию России, а также ее экономические издержки, особенно в областях, важных для президента Путина и тех, кто к нему близок» [12]². В Указе президента от 19 декабря 2014 г. Обама подтвердил свою мысль: «Мы продолжим рассмотрение и калибровку наших санкций в тесном сотрудничестве с нашими международными партнерами» [13].

Обама не случайно говорит о международных партнерах: из опыта военных действий США уяснили, что в войне надо иметь союзников и использовать их по максимуму. При этом потери союзников

² Обратим внимание на то, что Заявление сделано в день 13-й годовщины четырех скоординированных террористических актов на территории США, жертвами которых стали 2977 человек. В.В. Путин охарактеризовал события 11 сентября 2001 г. как трагедию для всего мира.

Таблица 2

Меры по ослаблению экономики СССР 1982 г. (план Р. Рейгана) и санкции против РФ 2013–2014 гг.

Меры по ослаблению экономики СССР 1982 г. и их последствия	Санкции против РФ 2013–2014 гг.
Предотвращение строительства второй ветки газопровода из Сибири в Западную Европу. Пуск первой линии трубопровода был задержан усилиями Вашингтона на два с половиной года	Задержка строительства газопровода «Южный поток»
Снижение цены на нефть. Цены упали в четыре раза	Падение цен на нефть со 100 до 50 долл. за баррель в начале января 2015 г.
Ограничение поставки советского газа в Европу. Американцы путем шантажа и нажима заставили европейские компании вложить средства в разработку норвежских месторождений природного газа. Норвежский газ стоил дороже, но администрация Рейгана объявила, что повышение цен для потребителей – это «надбавка за безопасность», а увеличение поставок советского газа представляет «угрозу безопасности» Европы»	Предложение поставлять сланцевый газ из США в Европу
Прекращение предоставления займов Советскому Союзу и принуждение его к досрочной выплате процентов по кредитам	Ограничение кредитования российских юридических и физических лиц
Запрет на поставку технологий бурения вечной мерзлоты	Запрет на поставки ряда технологий, машин, оборудования, приборов элементной базы в РФ: - введен запрет на поставку оборудования для глубоководной добычи, бурения арктического шельфа и сланцевых месторождений; - торговлю оружием; - передачу технологий двойного назначения
Гонка вооружений: не только резкий рост расходов на вооружения, но и технологический прорыв. Цель: вынудить Советский Союз увеличить расходы на оборону. Стратегическая оборонная инициатива (СОИ)	Выход США в одностороннем порядке из договора по противоракетной обороне (2002 г.), приближение баз НАТО к границам РФ, отказ НАТО от сотрудничества с РФ
Идеологическое воздействие.	Идеологическая, психологическая и информационная война Запада против РФ
Одним из важнейших пунктов стратегии Рейгана было заставить европейцев следовать своему плану	К санкциям присоединились ЕС, Канада, Австралия, Япония и другие страны

Источник: [11, 16, 17].

могут оказаться больше, чем у США. Этот принцип они применяют на практике. К инициированным и поддерживаемым Соединенными Штатами санкциям против России [14] присоединились Австралия, Албания, Великобритания, Германия, Исландия, Канада, Латвия, Лихтенштейн, Молдавия, Новая Зеландия, Норвегия, Франция, Черногория, Швейцария, Япония [4].

Директор некоммерческой организации «Институт проблем глобализации» д-р экон. наук М.Г. Делягин верно подметил, что «сила Запада — в стандартах. В использовании везде, где только возможно, надежных, отработанных до автоматизма и проверенных временем эффективных схем» [15]. И в объявленных в отношении Российской Федерации санкциях легко просматривается аналогия с секретным планом президента Рональда Рейгана (1911–2004).

В то время, отмечает Н.П. Патрушев, «главным «уязвимым местом» нашей страны, как определило ЦРУ, была ее экономика. После детального моделирования американские специалисты выявили ее самое «слабое звено», а именно — высочайшую зависимость бюджета СССР от экспорта энергоресурсов. Была сформирована стратегия провоцирования финансово-экономического банкротства советского государства, предусматривающая две взаимосвязанные цели: организацию резкого снижения доходов в бюджет СССР от внешней торговли в сочетании с существенным ростом расходов на разрешение организуемых извне проблем.

В качестве основной меры сокращения доходной части бюджета рассматривалось снижение мировых цен на нефть. Этого удалось добиться

к середине 80-х годов, когда в результате сговора США с правителями ряда нефтедобывающих стран на рынке образовался искусственный избыток сырья, и цены на нефть упали почти в 4 раза» [11, с. 9].

Слабое для Советского Союза место осталось уязвимым и в современной России. Не удивительно поэтому, что развитие событий 2014 г. так походит на случившееся в 1980-х (табл. 2).

Тогда Советский Союз прекратил свое существование не без помощи плана президента США Рональда Рейгана. Сейчас Российская Федерация должна выстоять.

Условия, в которых предстоит хозяйствовать в 2015–2020 гг.

При невзгодах настоящего нужно утешаться мыслью, что были времена и более тяжкие, да и те прошли.

Н.М. Карамзин,
историограф (1766–1826)

Есть основания ожидать, что ближайший среднесрочный период будет весьма трудным и для российской экономики в целом, и для отечественной финансово-кредитной системы. Против страны развернута война на экономическое удушье. Основными направлениями ослабления и, в конечном счете, уничтожения экономики Российской Федерации на современном этапе выступают: международная изоляция России, снижение цен на основные товары российского экспорта, ограниченные возможности поступления в страну иностранной валюты.

Журнал *Forbes* писал, что «главная сила санкций в том, что они служат своего рода меткой. Можно назвать их финансовым эквивалентом проказы, которая отбивает желание у финансовых учреждений вести какие-либо дела с «помеченным» субъектом. ... Это не значит, впрочем, что санкции остановят Путина, но результатом его действий станут вечно растущие цены, что подорвет его и без того ослабленный режим».

Международная изоляция Российской Федерации происходит в нескольких сферах деятельности. Назовем основные из них, непосредственно влияющие на экономическое развитие.

1. В хозяйственной сфере изоляция, в частности, осуществляется путем:

а) создания условий, затрудняющих и прекращающих доступ российских хозяйствующих субъектов к внешним источникам финансирования;

б) создания условий, препятствующих движению финансовых средств российских хозяйствующих субъектов за рубежом;

в) ограничения, вплоть до полного прекращения, экспорта иностранных товаров в Россию;

г) препятствия экспорту российских товаров за рубеж;

д) замещения на мировом рынке основных экспортируемых из России товаров товарами других стран;

е) формирования экономических, политических и военных союзов без участия Российской Федерации.

2. В сфере высоких технологий изоляция осуществляется путем:

а) запрета на передачу в Россию высокотехнологичных изделий, материалов, технологий;

б) закрытия доступа к информации о передовых и перспективных разработках;

в) запрета на приглашение российских исследователей, инженеров и техников в зарубежные исследовательские центры, вузы и компании;

г) ограничения доступа представителей из России на международные выставки, ярмарки и другие мероприятия, на которых демонстрируются новые научно-технические продукты и заключаются контракты на их покупку.

3. В сфере науки и образования нашу страну стараются изолировать с помощью:

а) свертывания научно-технического сотрудничества;

б) запрета на приглашения российских ученых, исследователей в зарубежные исследовательские центры, вузы и компании;

в) сокращения обмена студентами, аспирантами и соискателями ученых степеней;

г) сокращения обмена информацией и закрытия доступа к источникам научной информации;

д) непринятия материалов российских авторов к опубликованию в зарубежных научных журналах.

Значимость мировых рынков для отечественной экономики проиллюстрируем на некоторых цифрах.

После применения к Российской Федерации так называемых «секторальных санкций» возможности получения займов за границей на срок больше 30 дней существенно сократились. Совокупный внешний долг России составляет порядка 720 млрд долл. Эта величина сопоставима со всей денежной массой

в стране. 53% этого долга приходится на государство, государственные корпорации и банки. На обслуживание взятых банками и корпорациями займов в 2014–2015 гг. потребуются, по данным А.Н. Клепча³, 160 млрд долл. [18]. Это существенно сокращает возможности инвестирования в отечественную экономику.

При этом следует отметить, что доля кредитов банков в основном капитале в России мала, а кредитов иностранных банков — еще меньше. В целом по стране главными источниками инвестиций в основной капитал выступают собственные средства хозяйствующих субъектов и средства федерального и регионального бюджетов.

Что касается иностранных инвестиций в экономику России, то основная их масса направляется в добычу полезных ископаемых, оптовую и розничную торговлю и финансовую деятельность. Именно эти отрасли и топливно-энергетический комплекс могут пострадать от сокращения притока иностранных инвестиций в российскую экономику. В высокотехнологичные виды деятельности иностранцы инвестируют мало. В структуре накопленных в 2010–2013 гг. инвестиций США в Россию, например, 44% занимают инвестиции в ТЭК, 28% — в непромышленную сферу и 23% — в обрабатывающие отрасли.

Зависимость российского рынка от импортных продуктов существенна, в том числе и по наукоемким изделиям. Так, российские производители космических аппаратов теперь не могут покупать произведенные в США электронные компоненты.

Как долго продлится экономическая война против России, будет во многом зависеть от успехов российской дипломатии, характера, уровня и темпов развития хозяйства страны и ее оборонно-промышленного комплекса.

Наряду с внешними угрозами есть и застарелые внутренние: коррупция, нецелевое и нерациональное использование ресурсов (прежде всего финансовых), не отвечающие современным требованиям и рождающимся потребностям система технологий, инфраструктура и система управления, всепроникающая бюрократия, обескровленные и уничтоженные в 1990-е гг. производства, хозяйства и другие виды деятельности.

³ В настоящее время заместитель председателя Банка развития и внешнеэкономической деятельности, с февраля 2008 г. по июль 2014 г. был заместителем министра экономического развития и торговли РФ.

Последствия ожидаемых условий хозяйствования

*Не придавай важности
сегодняшним огорчениям.*

Завтра у тебя будут новые.

Арнольд Шенберг,
композитор, педагог, музыковед,
дирижер, публицист (1874–1951)

Неблагоприятная внутренняя обстановка и враждебная внешняя среда неизбежно привлекут за собой ряд негативных последствий.

Во-первых, поскольку доля доходов от внешнеэкономической деятельности в доходах федерального бюджета в последние годы близка к 40%, а в доходах консолидированного бюджета находится на уровне 18–22%, то сокращение экспорта российских товаров и услуг приведет к падению доходов федерального бюджета и экспортно ориентированных хозяйствующих субъектов.

Во-вторых, свертывание объемов производства работающих на экспорт товаропроизводителей и их доходов вызовет сокращение занятости и, как следствие, меньший объем налоговых поступлений в бюджеты всех уровней. В доходах консолидированного бюджета РФ только налоги на прибыль и доходы физических лиц составляют порядка 20%, в консолидированных бюджетах субъектов Российской Федерации — более 51%.

В-третьих, основными статьями российского импорта, на которые приходится более 80% общего объема импорта РФ из стран дальнего зарубежья, выступают машины, оборудование и транспортные средства; продукция химической промышленности; продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье. Сокращение объемов импорта, ограничения на экспорт в Россию технологий может затормозить развитие ряда производств, что также чревато уменьшением занятости, доходов населения и бюджетов всех уровней. В свою очередь, неудовлетворенный спрос будет стимулировать рост цен.

Следует также иметь в виду, что потерю внешних рынков, ниш в международной торговле вряд ли удастся относительно быстро и без ощутимых затрат восстановить в будущем. Меньшие объемы импорта, как и экспорта, через уменьшение размера таможенных пошлин неблагоприятно отразятся на доходах федерального бюджета: только налог на добавленную стоимость на товары, ввозимые на

территорию Российской Федерации, в 2010–2013 гг. у нас в среднем дает 13,5% доходов федерального бюджета. Негативным будет и влияние на доходную часть бюджета свертывания объемов производства, если оно повлечет за собой уменьшение прибыли и соответственно величины налога на прибыль.

В-четвертых, ограничение в 2014 г. возможностей получения зарубежных кредитов ухудшило ситуацию на внутреннем финансовом рынке. Многие хозяйствующие субъекты не смогли привлечь необходимые им финансовые ресурсы⁴. Недоступность внешних источников финансирования при отсутствии их равноценной замены внутренними источниками застопорит развитие производства, станет препятствием на пути технологического прогресса. Это приведет к уже описанным выше последствиям и, кроме того, — к углублению технологического отставания от высокоразвитых в научно-технологическом плане стран. Последнее к тому же углубит технологическую изоляцию нашей страны.

Отметим также, что поддержание технологического, научного и военного паритетов потребуют дополнительных сил и средств, что, с одной стороны, поможет создать новые рабочие места, прежде всего в перспективных секторах экономики, с другой — повысит нагрузку на расходную часть бюджетов.

В-пятых, блокируется проведение финансовых операций, попавших под санкции физических и юридических лиц через иностранные банки, они не могут пользоваться услугами международной финансовой системы. Как отмечает журнал *Forbes*: «Многие не осознают до конца, насколько вездесуща финансовая система США. ... Каждому финансовому учреждению необходимо иметь связь с банком-корреспондентом в США для того, чтобы вести бизнес. Штраф за сотрудничество с субъектами, «помеченными» Министерством финансов США, может быть огромным. Например, банк *HSBC* был оштрафован на 1,9 млрд долл. Поэтому, если банк хочет продолжать вести бизнес в Соединенных Штатах, он подчиняется. Если вы попадаете в список Минфина, вас просто исключают из международной финансовой системы».

⁴ По данным заместителя директора департамента финансовой политики Министерства финансов РФ А.Н. Воронцова, «в структуре госдолга субъектов РФ 60–65% — это заимствования путем привлечения средств финансового рынка».

Целевая ориентация бюджетов 2015–2017 гг.

Самая высокая степень человеческой мудрости — это умение приспособиться к обстоятельствам и сохранять спокойствие вопреки внешним угрозам.

Даниэль Дефо,
английский писатель и публицист (ок. 1660–1731)

Условия, в которых предстоит работать российским хозяйствующим субъектам, как минимум, в среднесрочной перспективе, и неизбежные (без принятия активных мер) последствия этих условий предопределяют основные цели необходимой стране бюджетной политики.

Во-первых, главной целью бюджетной политики и разрабатываемых в соответствии с ней бюджетов следует принять содействие социально-экономическому развитию Российской Федерации при плохих исходных внутренних и враждебных внешних условиях. Для этого надо иметь среднесрочный план развития страны, составленный с учетом финансово-кредитных возможностей, целям выполнения которого и служит бюджетная политика. Другими словами, высшая цель — развитие, а не обеспечение бездефицитности бюджета, ограничение объема денежной массы, борьба с инфляцией и т.п.

Во-вторых, необходима комплексная система мер нейтрализации угроз и последовательного преодоления главных препятствий успешному развитию экономики и общества — коррупции, бегства капиталов, «утечки умов», отсутствия потребности в результативных инновациях, теневой и криминальной экономики, несовершенства законов, бюрократических препонов и т.д. и ее безусловное выполнение. Важно, чтобы такая система была основана на использовании стимулов, а не только наказаний и запретов.

В-третьих, бюджетную политику следует нацелить на стимулирование и поддержку перспективных видов деятельности, активных индивидов, секторов экономики и регионов страны. В России уже более двух десятилетий идет прогрессирующее старение основных производственных фондов. Опережающими темпами их следует обновлять в тех видах деятельности, которые

позволят занять лидирующие позиции в современном технологическом прогрессе.

В-четвертых, развитие основных производственных фондов во многом зависит от очень многих факторов, условий и обстоятельств. Важнейшими среди них являются: состояние науки, качество человеческого капитала, профессиональное управление и возможности инфраструктуры. Поэтому в число приоритетов бюджетной политики (причем не только в краткосрочном и среднесрочном периодах) должно входить содействие сохранению и преумножению человеческого капитала. Это означает, что необходимо уделять особое внимание образованию, здравоохранению, культуре и науке.

Развитие России зависит не от отдельного звена, «ухватившись за которое, можно вытянуть всю цепь», не от одного-двух видов экономической деятельности, а от состояния всего хозяйственного комплекса страны и системы управления. Поэтому при распределении средств для бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации приходится учитывать не один-два-три, а комплекс приоритетов.

Формально возможны три подхода к распределению средств между заданным набором приоритетов. При первом за основу принимаются наличные средства. Считают, что их объем фиксирован и не может быть увеличен. При втором во главу угла ставят приоритеты, цели и задачи, которые должны быть выполнены, и изыскивают средства, необходимые для их осуществления. Третий подход сочетает два предыдущих.

Все три подхода применяются на практике и имеют, по крайней мере, две общие черты. Во-первых, поскольку элементы любой хорошо и длительно функционирующей системы объединены комплексом взаимосвязей и соотношений, при любом подходе к выделению средств необходимо рассчитать наилучшие пропорции их распределения. Во-вторых, поскольку потребности обычно превышают возможности, на чем-то приходится экономить, сокращать часть статей расходов бюджета.

По моим наблюдениям, в нашей стране со времен Л.И. Брежнева преобладает первый подход. А экономят большей частью на культуре, образовании и науке. В последнее время — еще и на медицине и здравоохранении. В нынешних условиях экономического кризиса и введенных по отношению к Российской Федерации санкций

более применим, как в условиях военного времени, второй подход. При этом не следует недофинансировать науку, образование и культуру — без их высокого развития не выйти на мировой уровень технологического прогресса. А без этого — не стать высокоразвитой страной и не победить в экономическом и прочем противостоянии тех, кто, обладая экономической мощью, задумал наказывать неугодных путем, например, введения санкций.

При определении приоритетов, выборе направлений и областей финансирования из бюджета, выработке мер следует сочетать необходимую реакцию на происходящее и долгосрочную стратегию действий. Ведь в годы Великой Отечественной войны ковали оружие для победы над фашизмом и работали над атомным проектом, строили театры и снимали художественные фильмы...

Кроме насыщения хозяйства деньгами, следует осуществить трудновыполнимый комплекс мер по обеспечению того, чтобы эти деньги действительно рационально использовались в отечественной экономике, шли в первую очередь на развитие прогрессивных технологий, секторов экономики в разных регионах страны. Ведь финансовые вливания могут, как не раз уже происходило, разворовываться, направляться на покупку валюты и выводиться за границу. Они могут попасть «не в те руки» (криминал, экстремисты), «уйти в тень» и т.д. Эта работа на много лет, но ее нельзя откладывать «на завтра». При этом не следует ждать предельного обострения проблем, надо заблаговременно готовить их решение, действовать на упреждение.

Обеспечивать социально-экономическое развитие — задача не только федерального центра, но и субъектов Российской Федерации. Важно правильно согласовать их цели, задачи и действия, разумно распределить средства и полномочия, рационально выстроить межбюджетные отношения. И, как верно отметил А.А. Нечаев⁵, «с точки зрения социально-экономического развития нам нужно кардинальным образом менять финансовую обеспеченность регионов и соотношение полномочий и ресурсов именно в регионах» [18].

⁵ В настоящее время президент банка «Российская финансовая корпорация», бывший министр экономики Российской Федерации в правительствах Б.Н. Ельцина, Е.Т. Гайдара и В.С. Черномырдина.

Надежен ли бюджетный щит?

Бережливость заключается не в том, чтобы уменьшить ложку, а в том, чтобы не пролить суп.

Леонид Лиходеев,
российский писатель, публицист (1921–1994)

Описав возможные условия, в которых будет находиться хозяйство Российской Федерации в ближайшие годы, и отвечающие этим условиям приоритеты экономической политики, рассмотрим через призму этих условий и приоритетов российский бюджет на 2015–2017 гг. Начнем с динамики доходов и расходов.

Экономический спад и дополнительное осложнение финансового положения и перспектив внешней торговли Российской Федерации из-за введенных против нее внешних санкций закономерно ведут к существенному снижению ожидаемых темпов роста доходов бюджетной системы страны (рис. 1).

Снижение темпов роста доходов федерального бюджета и консолидированных бюджетов субъектов РФ говорит об ожидаемом замедлении экономического роста, ухудшении общей экономической ситуации, уменьшении возможностей исполнительных органов власти всех уровней выполнять возложенные на них социально-экономические задачи. Причины известны — внутренняя ситуация и внешняя неблагоприятная среда.

При этом из рис. 1 можно видеть, что предусматривается опережающий рост доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации по сравнению с доходами федерального бюджета. Это указывает на то, что впервые за последние годы предполагается существенное замедление тенденции сосредоточения бюджетных средств в федеральном «центре». Думается, это правильный курс. Но как претворить его в жизнь?

Анализ материалов проекта федерального закона «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов», представленного к заседанию Президиума фракции «Единая Россия» 22 сентября 2014 г. (далее — Проект) и взятого за основу Федерального закона от 1 декабря 2014 г. № 384-ФЗ «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов», показывает: его разработчики полагают, что доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ будут расти главным образом за счет увеличения налоговых и неналоговых доходов на 37,9%. В то время как межбюджетные трансферты им из федерального бюджета станут больше всего на 3,4% (табл. 3).

Таким образом, основная ответственность за наполнение доходной части консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации возложена на самих субъектов. По существу, это верно. Но лишь в том случае, когда условия (внутренние и внешние, экономические и технологические, организационные и институциональные) позволяют им это

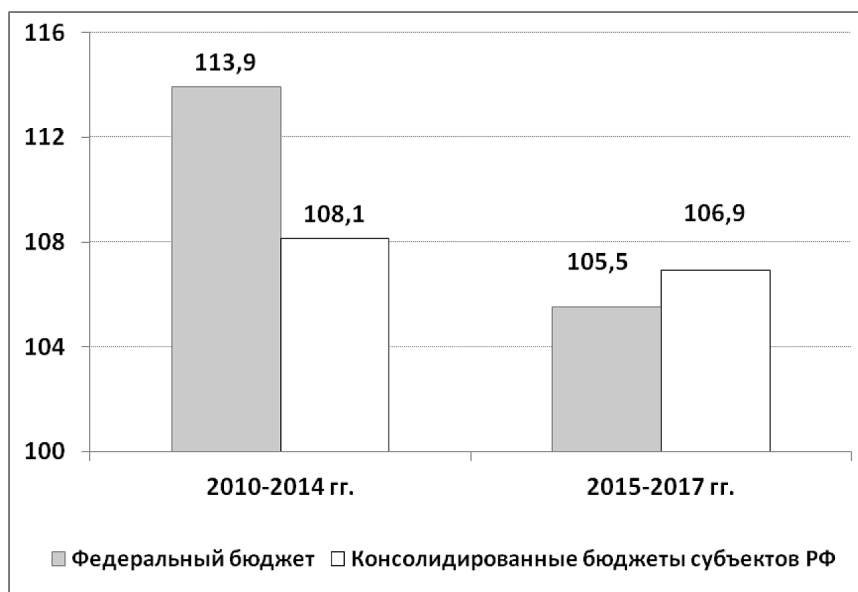

Рис. 1. Среднегодовые темпы роста доходов федерального бюджета и консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2010–2017 гг., %

Рассчитано по [19, 20].

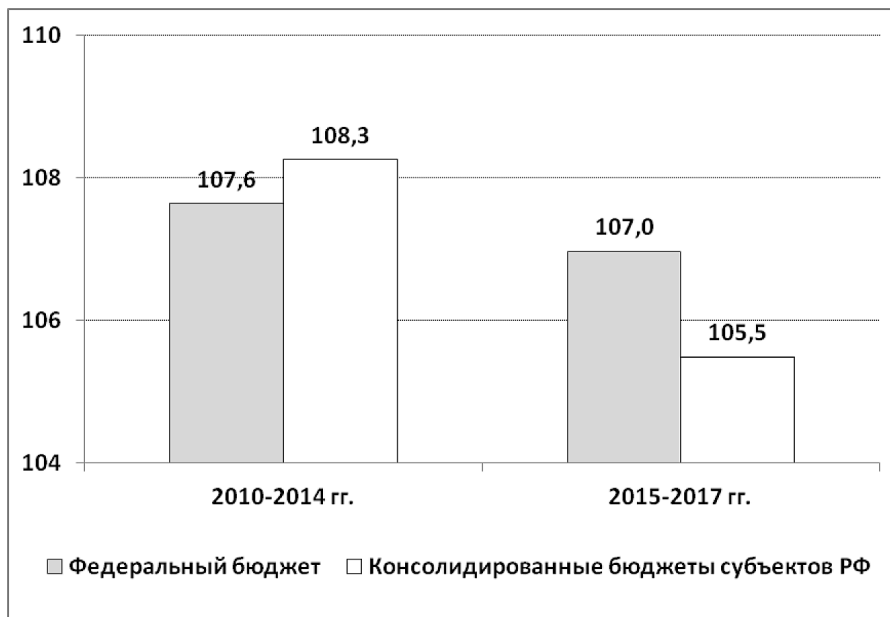

Рис. 2. Среднегодовые темпы роста расходов федерального бюджета и консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2010–2015 гг., %

сделать. А в этом как раз есть большие сомнения. Да и какими же в условиях экономического спада и последующей за ним стагнации внутри страны, международной ситуации на мировых финансовых и товарных рынках должны быть темпы роста прибыли и доходов населения, чтобы дать представленные в табл. 3 темпы прироста налога на прибыль и доходы физических лиц?

Замедление скорости роста доходов бюджетов неизбежно ведет к сокращению скорости наращивания бюджетных расходов (рис. 2). Содержательно это означает, что государственные органы исполнительной власти замедляют активность осуществляемой ими бюджетной и кредитной политики.

Последнее неизбежно отражается на разных сферах жизни общества: экономической, социальной, военно-политической.

Сравнение приведенных на рис. 1–2 данных показывает, что уменьшение темпов роста доходов влечет за собой сокращение скорости увеличения расходов. Такая связь доходов с расходами, вообще говоря, очевидна и закономерна, если власти не идут на значительное увеличение дефицита бюджета и существенно не повышают эффективность использования бюджетных средств. Думается, что нет достаточных оснований ожидать последнего в среднесрочной перспективе. Для этого просто нет предпосылок (кадровых, научных, технологических, технических, экономических,

информационных, инфраструктурных, управленческих, организационных).

Отметим другое. В проекте федерального закона «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» намечалось, что наиболее

Таблица 3

Заложенные в проект федерального закона «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» темпы прироста доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2015–2017 гг.

Вид дохода	Прирост, %
Доходы – всего	31,2
В том числе:	
налоговые и неналоговые доходы	37,9
В том числе:	
налог на прибыль	43,5
налог на доходы физических лиц	35,7
акцизы	10,0
налог на имущество организаций	64,4
прочие налоговые и неналоговые доходы	32,4
Межбюджетные трансферты	3,4

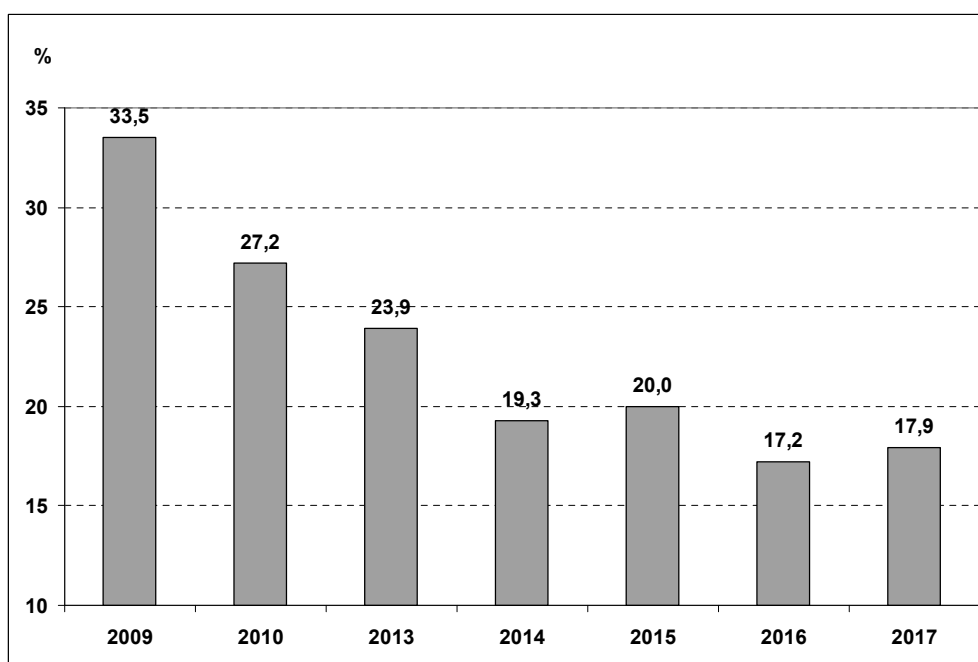

Рис. 3. Доля межбюджетных трансфертов из федерального бюджета в доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2009–2017 гг., %

сильное падение темпов роста как доходов, так и расходов испытают бюджеты государственных внебюджетных фондов. А это прежде всего социальные фонды — Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования. Следовательно, замедление бюджетной активности исполнительных органов государственной власти больше всего затронет социальную сферу жизни общества. Практика показывает, что в современных высокоразвитых странах это одна из главных сфер внимания государства.

В России многие области социальной сферы (здравоохранение, образование, культура, физкультура и спорт) отчасти деградировали после распада СССР и находятся в удручающем состоянии. Вряд ли на социальную сферу в России выделяется чрезмерный объем средств. Сомнительно, чтобы они массово недоиспользовались. Поэтому экономия бюджетных средств, выделяемых социальной сфере, представляется неоправданной, чреватой опасными для страны социально-политическими и демографическими последствиями.

В связи с этим возникает предположение, что составители проекта считают граждан России достаточно состоятельными, чтобы не только платить больше налогов в бюджетную систему страны, но и взять на себя бремя социальных расходов. А может

быть, у нас достаточно состоятельных филантропов и (или) предприниматели ориентированы на служение обществу, а не на получение прибыли всеми доступными им способами? Практический опыт, социологические исследования и статистика свидетельствуют, что это далеко не так.

Прогнозируемое более сильное сокращение темпов роста расходов консолидированных бюджетов субъектов Федерации, чем их доходов, представляется вполне логичным. Оно указывает на то, что взят курс на отказ от сложившейся в последние годы практики передачи полномочий государства на уровень субъектов РФ без выделения средств, необходимых для их полного и качественного выполнения. Этот курс объективно уже давно стал необходимым.

Несоответствие доходов расходам как бюджетов субъектов Российской Федерации, так и местных бюджетов привело к их формированию таким образом, что приходится ограничивать расходы рамками доходов. В результате бюджетные средства распределяются по минимуму на самые неотложные нужды, органы власти регионов и органы местного самоуправления выборочно финансируют свои обязательства, берут кредиты у банков, обслуживать и возвращать которые им просто не из чего. Государственный долг субъектов Федерации стремительно растет. По информации министра финансов

Таблица 4

Ранжирование расходов федерального бюджета по разделам классификации

Раздел бюджетной классификации	Ранг		Измерение объема расходов в 2017 г. по сравнению с 2014 г.
	доля в структуре расходов 2017 г.	темпы роста в 2015–2017 гг.	
Общегосударственные вопросы	5	4	Рост
Национальная оборона	2	2	Рост
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	4	10	Уменьшение
Национальная экономика	3	6	Рост
Жилищно-коммунальное хозяйство	14	14	Уменьшение
Охрана окружающей среды	13	7	Рост
Образование	7	8	Рост
Культура и кинематография	10	12	Уменьшение
Здравоохранение	9	13	Уменьшение
Социальная политика	1	3	Рост
Физическая культура и спорт	11	5	Рост
Средства массовой информации	12	11	Уменьшение
Обслуживание государственного и муниципального долга	8	1	Рост
Межбюджетные трансферты общего характера	6	9	Рост

России А.Г. Силуанова, в 2013 г. в стране был «беспрецедентный объем дисбаланса региональных бюджетов — около 630 миллиардов рублей». По данным Федерального казначейства РФ, с 2008 по 2013 г. число субъектов РФ, исполнивших консолидированный бюджет с профицитом, уменьшилось с 39 до 6, а имевших дефицит — выросло с 45 до 77.

Намечены, как отмечено ранее, высокие темпы роста собственных доходов консолидированных бюджетов субъектов Федерации (налоговые и неналоговые доходы в 2017 г. увеличиваются на 37,9% при росте всех доходов на 31,2%). А вот объем межбюджетных трансфертов из федерального бюджета повысится лишь на 3,4% (см. табл. 3). Результатом такого соотношения темпов роста собственных доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ и выделяемых им из федерального бюджета трансфертов является существенное снижение доли последних в доходах бюджетов субъектов Федерации (рис. 3).

Уменьшение зависимости региональных бюджетов от межбюджетных трансфертов из федерального бюджета — позитивный процесс, повышающий бюджетную самостоятельность регионов

и политическую самостоятельность их руководителей. Вопрос лишь в том, достаточно ли у субъектов РФ средств для выполнения имеющихся у них обязательств перед населением и федеральным центром?

Следующий аспект анализа среднесрочного бюджета — изучение заложенных в него приоритетов. Доступная информация позволяет судить о них на основе данных о расходах, расписанных по разделам бюджетной классификации.

Основными приоритетами в расходах федерального бюджета являются социальная политика, национальная оборона и национальная политика; в расходах других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации — социальная политика, образование и здравоохранение (табл. 4).

С учетом создавшейся ситуации (большая задолженность, возросший уровень внешних угроз) наивысшими темпами предполагается наращивать ассигнования из федерального бюджета на обслуживание государственного и муниципального долга, национальную оборону и социальную политику. Трудности с наполнением доходной части федерального бюджета и проводимая государственными

Таблица 5

Ранжирование расходов бюджетов бюджетной системы РФ за вычетом расходов федерального бюджета по разделам классификации расходов бюджетов

Раздел бюджетной классификации	Ранг		Измерение объема расходов в 2017 г. по сравнению с 2014 г.
	доля в структуре расходов 2017 г.	темпы роста в 2015–2017 гг.	
Общегосударственные вопросы	6	7	Рост
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	9	8	Рост
Национальная экономика	4	11	Рост
Жилищно-коммунальное хозяйство	5	10	Рост
Охрана окружающей среды	12	5	Рост
Образование	2	4	Рост
Культура и кинематография	7	1	Рост
Здравоохранение	3	2	Рост
Социальная политика	1	3	Рост
Физическая культура и спорт	8	9	Рост
Средства массовой информации	11	6	Рост
Обслуживание государственного и муниципального долга	10	12	Не меняется

органами власти политика в области жилищного хозяйства, здравоохранения и медицины обусловили сокращение его расходов на ЖКХ, здравоохранение, культуру и кинематографию, средства массовой информации. Их финансовое обеспечение перекладывается на другие бюджеты бюджетной системы РФ и плечи населения (табл. 5).

Подводя итог, отметим, что в федеральном бюджете РФ на 2015–2017 гг. учтены ухудшившиеся внутренняя ситуация и внешняя обстановка по отношению к России. При этом, думается, что в условиях финансово-экономического кризиса следовало бы усилить роль государственного присутствия в национальном хозяйстве. Так обычно делают многие государства, в том числе и с наиболее рыночной экономикой. К тому же санкции по отношению к нашей стране осуществляют государства, а не рынок, не частные предприниматели и отдельные физические лица. И отвечать на них тоже следует на государственном уровне, а не уповать на так называемые рыночные силы.

Кроме того, частные интересы хозяйствующих субъектов, как известно, могут не совпадать с интересами государственными. В силу этого российские предприниматели могут не помогать стране

преодолевать возникшие трудности, а использовать последние для личного обогащения. Например, повышать цены на товары и услуги, выводить из страны капитал, переносить деятельность и «центры получения прибыли» за пределы России, содействовать проникновению на наш рынок товаров из стран, к которым Российская Федерация применила ответные санкции, и т.п. Точно так же иностранные хозяйствующие субъекты, преследуя свои коммерческие интересы, могут стараться обойти антироссийские санкции.

Стараться менять к лучшему сложившиеся неблагоприятные условия следует с использованием возможностей государства регулировать хозяйственную жизнь с помощью экономических, законодательных, организационных и других инструментов и методов, преодолевая объективные и субъективные барьеры на пути социально-экономического развития. Использовать для этого и стимулы — помощь, задание ближайших и долгосрочных ориентиров, и нормативы — запреты и наказания. В нахождении наилучшего для каждого отрезка времени и обстановки соотношения таких инструментов, методов и приемов регулирования и состоит искусство государственного управления.

Источники финансирования развития российской экономики

Вы любую домохозяйку спросите, что нужно сделать, чтобы обеспечить рост, и она вам скажет, как в своем семейном бюджете: нужно больше зарабатывать, меньше неразумно тратить.

Е.Л. Николаева, первый зампред Комитета Государственной Думы РФ по жилищной политике и жилищно-коммунальному хозяйству

Для любого развития нужны ресурсы. Финансовые средства являются одним из важнейших ресурсов социально-экономического развития современного общества. Где их взять, теоретически известно. Так, выступавшие на парламентских слушаниях Комитета Государственной Думы по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству на тему «О предложениях по ускорению социально-экономического развития России» (22 сентября 2014 г.) назвали порядка 20 источников пополнения финансовых средств (табл. б).

По критерию «есть в наличии» высказываемые предложения об источниках средств делятся на две группы: предложения по использованию средств, которые где-то уже имеются, и предложения по созданию новых источников средств.

Начинать, естественно, надо с экономного, более эффективного использования того, что уже есть. Неслучайно поэтому в Президентском послании 2014 г. первой названа именно эта мера. «Что касается бюджетных расходов, — сказал Президент РФ, — то ключевыми требованиями здесь должны стать бережливость и максимальная отдача, правильный выбор приоритетов, учет текущей экономической ситуации. На ближайшие три года мы должны поставить задачу ежегодно снижать издержки и неэффективные траты бюджета не менее чем на пять процентов от общих расходов в реальном выражении» [20].

Задачу, конечно, поставить можно, но для повышения эффективности и снижения издержек нужны, как отмечено выше, соответствующие предпосылки (наличие высококвалифицированных кадров, передовых научных и технологических разработок,

современные технологии, управление и организация, новейшее информационное обеспечение и т.д.) и условия (активное бизнес-сообщество, привлекательный деловой климат, развитая инфраструктура и т.п.). Создание всего этого требует дополнительных средств и ориентирования на развитие социально-экономической политики.

Так, на возможности сокращения величины расходов финансовых средства влияют ценовая, налоговая и амортизационная политики. Они же во многом определяют бизнес-климат, влияют на инвестиционную активность.

Комплекс рачительного использования созданного включает и меры по ограничению вывоза за границу золота, валюты, капитала, «утечки мозгов», по деофшоризации и возвращению в страну ранее вывезенного.

Известно, что в стране уже не один год происходит отток капитала. В первую очередь это связано с различием условий приложения капитала в России и за рубежом, которое, как известно, сложилось не в пользу нашей страны. В какой-то мере утечка капитала обусловлена его криминальным или полукриминальным происхождением. Позже часть вывезенного капитала возвращается в Россию под видом иностранных инвестиций. «85% иностранных инвестиций, которые мы получаем, — отмечает академик С.Ю. Глазьев, — это офшорные деньги, которые наш бизнес возвращает из офшоров, предварительно отмыв их, уклонившись от налогообложения, от правоохранительных органов, половину по дороге потеряв, так сказать, ну, половину возвращают» [18].

Одним из важных ограничителей темпов экономического развития страны является недомонетизация российской экономики. Отношение объема денежной массы к величине валового внутреннего продукта и отношение к последнему объема предоставляемых в кредит средств в отечественной экономике в разы меньше, чем в экономически развитых странах. В первые годы после распада СССР нехватка денег породила бартер и неплатежи. Позже, до 2014 г., она компенсировалась за счет иностранных кредитов.

Помочь преодолеть трудности с обслуживанием и возвратом взятых государственными банками и корпорациями займов могут золотовалютные резервы. На сентябрь 2014 г. они составляли 465 млрд долл., что больше той части внешнего долга, которая приходится на государство. Часть из них могла бы быть направлена на обслуживание и покрытие внешнего долга.

Таблица 6

Источники и меры увеличения объема инвестиций в национальное хозяйство РФ

Источник	Предлагающий
Предложения по использованию средств, которые уже есть в наличии	
Более эффективное использование имеющихся ресурсов	Аганбегян А.Г., академик РАН, Юдаева К.В., первый заместитель председателя Центрального банка Российской Федерации
Временное ограничение на вывоз валюты и золота из страны.	Жириновский В.В., руководитель фракции ЛДПР в Государственной Думе
Уменьшение объемов вывоза капитала	Глазьев С.Ю., академик РАН
Деофшоризация	Глазьев С.Ю., академик РАН
Целевое использование средств амортизационного фонда	Глазьев С.Ю., академик РАН, Коломейцев Н.В., заместитель руководителя фракции КПРФ
Средства институтов финансовых рынков	Моисеев А.В., заместитель министра финансов РФ
Средства фонда национального благосостояния	Клепач А.Н., заместитель председателя Банка развития и внешнеэкономической деятельности
Золотовалютные резервы Центрального банка РФ	Клепач А.Н., заместитель председателя Банка развития и внешнеэкономической деятельности
Средства резервного фонда	Ивантер В.В., академик РАН
Предложения по созданию новых источников средств	
Снижение ставки рефинансирования Центрального банка РФ	Жириновский В.В., руководитель фракции ЛДПР в Государственной Думе
Инвестиционный банковский кредит	Аганбегян А.Г., академик РАН
Регулирование цен на газ, тарифов на электроэнергию	Жириновский В.В., руководитель фракции ЛДПР в Государственной Думе
Отступление от бюджетного правила – увеличить бюджетный дефицит до 2–3%	Аганбегян А.Г., академик РАН Ведев А.Л., заместитель министра экономики РФ
Увеличение темпа роста денежной массы до 20–30% в год.	Глазьев С.Ю., академик РАН
Кардинальное повышение качества управления в инновационной сфере	Глазьев С.Ю., академик РАН
Введение прогрессивной шкалы подоходного налога	Глазьев С.Ю., академик РАН
Налоговое стимулирование инвестиций	Нечаев А.А., президент банка «Российская финансовая корпорация»
Стабильная, без метаний, налоговая, кредитная и экономическая политика	Нечаев А.А., президент банка «Российская финансовая корпорация»
Мораторий на все изменения, ухудшающие финансово-экономическое положение предприятий	Николаева Е. Л., первый заместитель председателя Комитета по жилищной политике и жилищно-коммунальному хозяйству Государственной Думы РФ
Непротиворечивое законодательство, его стабильность	Гончарова Н.А., директор строительной компании

Источник: таблица составлена по материалам [18].

Отметим, что свои валютные резервы Российская Федерация хранит в основном в долларах и евро главным образом в США и Европе (табл. 7).

Не только государство размещает свои резервы на счетах иностранных банков. Директор департамента международного бизнеса и финансовых институтов БИНБАНКА Юрий Амвросиев

отмечает, что «все крупные коммерческие банки держат валютные остатки на своих корсчетах в иностранных банках для облегчения, удешевления и ускорения расчетов, как собственных, так и клиентских». Над находящимися в банках-нерезидентах средствами тоже висит угроза — они могут быть заморожены.

Таблица 7

Территориальная структура валютных резервов Банка России на начало 2014 г.

Страна, организация	%	Страна	%
Франция	31,4	Австралия	1,5
США	30,9	Швеция	1,0
Германия	19,2	Нидерланды	0,8
Великобритания	9,4	Япония	0,5
Канада	3,2	Норвегия	0,3
Межгосударственные финансовые институты	1,7	Прочие	0,1

Источник: [21].

Ограничение денежной массы в стране и обращение отечественных хозяйствующих субъектов за иностранными займами обуславливалось и проводимой Банком России кредитной политикой. Доля кредитов банков в общем объеме инвестиций в основной капитал у нас менее 10%, в то время как в экономически развитых странах превышает 25%. Это закономерно, поскольку средняя ставка по рублевым корпоративным кредитам на срок свыше года в России на 4–5 процентных пункта выше, чем средняя рентабельность бизнеса.

Снижение ставки рефинансирования Центрального банка РФ также способствовало бы расширению кредитования и, кроме того, — повышению конкурентоспособности отечественных производителей. Известно также, что низкая ставка рефинансирования служит действенной противокризисной мерой. Поэтому ее существенно понизили в ряде стран с высоким уровнем экономического развития, например в США, Японии, установив ставку ниже уровня инфляции и даже сделав ее нулевой. При этом они объявили, что ставки будут действовать продолжительный период времени⁶.

Для повышения кредитного потенциала банков можно было бы также уменьшить установленный Центральным банком РФ уровень обязательных резервов при кредитовании новых компаний и инновационных проектов. По мнению А.А. Нечаева, в последнее время требования к резервированию кредитов очень ужесточены Центральным банком.

Понятно, что, кроме наращивания кредитных возможностей банков, снижения кредитных ставок,

необходимо соответствующее регулирование банковской деятельности и надзор за ней.

Реализация каждого из этих предложений требует осуществления множества мер, и даже при самом благоприятном стечении обстоятельств и приложении максимума усилий не даст результатов в одночасье. Понятно также, что осуществление всех предлагаемых мер закономерно потребует кардинального улучшения управления всех хозяйствующих субъектов.

Литература

1. Васюкова И.А. Словарь иностранных слов. М.: АСТ-Пресс, 1999.
2. Стенограмма выступления Президента РФ В.В. Путина на заседании Совета безопасности в Кремле 22 июня 2014 г.
3. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/42079>.
4. URL: <http://www.profi-forex.org/wiki/mezhdunarodnye-sankcii.html>.
5. Шестаков Е. Обама пошел вразнос // Российская газета. Федеральный выпуск. 2014. № 160. С. 5.
6. URL: <http://www.militarynews.ru/Story.asp?rid=1&nid=351757>.
7. URL: http://webground.su/tema/2014/09/17/mashinostroiteljnyj_zavod.
8. Зорькин В. Экономика и право: новый контекст // Российская газета. Федеральный выпуск. 2014. № 113. С. 1, 13.
9. Швабауэр Н. Выводы делать рано // Российская газета. Бизнес. 2014. № 39. С. 5.
10. URL: <http://www.unian.net/politics/959869-rompey-i-barrozu-rasskazali-o-novyyh-sanktsiyah-protiv-rossii.html>.
11. Егоров И. Вторая «холодная» // Российская газета. Федеральный выпуск. 2014. № 235. С. 1, 9.
12. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/09/11/statement-president-new-sanctions-related-russia>.
13. URL: <http://iipdigital.usembassy.gov/st/english/texttrans/2014/12/20141219312311.html#axzz3MiZApXrt>.
14. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/03/06/executive-order-blocking-property-certain-persons-contributing-situation>.
15. Делягин М. Заговор против президента // Завтра. 2014. № 32. С. 4. (7 августа).
16. Рейган против СССР, Обама против России... Вероника Крашенинникова: План тот же — а результат?... URL: <http://ria.ru/cj/20140813/1019820171.html>.

⁶ Отметим, что применение низких ставок предоставления кредитов создает угрозу финансовой эффективности деятельности банков.

17. URL: http://ria.ru/cj_analytics/20140514/1009583933.html.
18. Стенограмма парламентских слушаний Комитета Государственной Думы по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству на тему «О предложениях по ускорению социально-экономического развития России». 22 сентября 2014 г.
19. Материалы проекта федерального закона «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов», представленных к заседанию Президиума фракции «Единая Россия» 22 сентября 2014 г.
20. Материалы проекта «Основные направления бюджетной политики на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов». <http://www.budgetnik.ru/edoc?docId=420208946&modId=99>.
21. Николаев Я. Французская записка // Российская газета. Федеральный выпуск. 2014. № 112. С. 4.
12. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/09/11/statement-president-new-sanctions-related-russia>.
13. URL: <http://iipdigital.usembassy.gov/st/english/texttrans/2014/12/20141219312311.html#axzz3MiZApXRt>.
14. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/03/06/executive-order-blocking-property-certain-persons-contributing-situation>.
15. Deljagin M. The Plot Against the President. [*Zagovor protiv prezidenta*]. // *Zavtra*. 2014. № 32. P. 4.
16. Reagan against the Soviet Union, Obama against Russia ... Veronika Krashennnikova: The Plan is the Same — What About the Result? ... [*Rejgan protiv SSSR, Obama protiv Rossii... Veronika Krashennnikova: Plan tot zhe — a rezul'tat?*] URL: <http://ria.ru/cj/20140813/1019820171.html>.
17. URL: http://ria.ru/cj_analytics/20140514/1009583933.html.
18. Transcript of Parliamentary Hearings of the State Duma Committee on Economic Policy, Innovative Development and Entrepreneurship on the theme «On Proposals for accelerating socio-economic development of Russia». The Building Of The State Duma. September 22, 2014. [*Stenogramma parlamentskih slushanij Komiteta Gosudarstvennoj Dumy po jekonomicheskoj politike, innovacionnomu razvitiju i predprinimatel'stvu na temu: «O predlozhenijah po uskoreniju social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossii». Zdanie Gosudarstvennoj Dumy. 22 sentjabrja 2014 g.*].
19. The Materials of the Project of the Federal law «On the Federal budget for 2015 and for the planning period 2016 and 2017», presented to the meeting of the Presidium of the faction «United Russia» on September 22, 2014. [*Materialy proekta federal'nogo zakona «O federal'nom bjudzhete na 2015 god i na planovyj period 2016 i 2017 godov», predstavlenykh k zasedaniju Prezidiuma frakcii «Edinaja Rossija» 22 sentjabrja 2014 g.*].
20. The Materials of the Project «The main directions of budgetary policy for 2015 and the planning period of 2016 and 2017» [Os-novnye napravleniya byudzhethnoy politiki na 2015 god i na planovyy period 2016 i 2017 godov] URL: <http://www.budgetnik.ru/edoc?docId=420208946&modId=99>.
21. Nikolaev Ja. French Stash [*Francuzskaja zanachka*] // Rossijskaja gazeta. Federal'nyj vypusk. 2014. № 112. P. 4.

References

1. Vasjukova I.A. Foreign Words Dictionary. [*Slovar» inostrannyh slov*]. — M.: AST-PRESS, 1999.
2. Transcript of the President of the Russian Federation V.V. Putin speech at the security Council meeting in the Kremlin on June 22, 2014. [*Stenogramma vystuplenija prezidenta RF V.V. Putina na zasedanii Soveta bezopasnosti v Kremle 22 ijunja 2014 g.*].
3. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/42079>.
4. URL: <http://www.profi-forex.org/wiki/mezhdunarodnye-sankcii.html>.
5. Shestakov E. Obama Went on the Rampage. [*Obama poshel vraznos*] // Rossijskaja gazeta. Federal'nyj vypusk. 2014. № 160. P. 5.
6. URL: <http://www.militarynews.ru/Story.asp?rid=1&nid=351757>.
7. URL: http://webground.su/tema/2014/09/17/mashinostroitel'nyj_zavod.
8. Zor'kin V. Economy and Law: a New Context. [*Ekonomika i pravo: novyj kontekst*] // Rossijskaja gazeta. Federal'nyj vypusk. 2014. № 113. P. 1, 13.
9. Shvabaujer N. Too Early to Make Conclusions. [*Vyvody delat» rano*] // Rossijskaja gazeta. Bizines. — 2014. — № 39. P. 5.
10. URL: <http://www.unian.net/politics/959869-rompey-i-barrozu-rasskazali-o-novyih-sanktsiyah-protiv-rossii.html>.
11. Egorov I. The Second «Cold». [*Vtoraja «holodnaja»*] // Rossijskaja gazeta. Federal'nyj vypusk. 2014. № 235. P. 1, 9.

УДК 338.1

Структурный аспект новой модели экономического роста российской экономики

ФИЛАТОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ,

канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Центра инновационной экономики Института экономики РАН

E-mail: vladimir_filatov@mtu-net.ru.

Аннотация. Условием перехода от сложившегося в российской экономике стагнационного тренда к устойчивому экономическому росту является преодоление структурных проблем: деградации национального производства инвестиционного оборудования и технологической зависимости экономики. Следствием этого является зависимость экономического роста от внешних финансовых источников. В статье исследуются возможности преодоления структурных ограничений экономики посредством развития импортозамещения в производстве инвестиционного оборудования для основных секторов национального хозяйства. Преодоление финансовых ограничений предлагается осуществить путем проведения целевой кредитной эмиссии для финансирования приоритетных инвестиционных проектов различных секторов национальной промышленности, сельского хозяйства и жилищного строительства.

Ключевые слова: экономический рост, импортозамещение, социально-экономическое развитие, инвестиционное назначение.

New economic growth model of Russian economy: the structural aspect

PHILATOV VLADIMIR IVANOVICH,

PhD in Economics, leading researcher of The Innovation Economy Centre of the Institute of Economy (RAS)

E-mail: vladimir_filatov@mtu-net.ru.

Abstract. The main condition to pass from the existing stagnation trend towards sustainable growth for the Russian economy is solving of the existing structural problems such as a degradation of the national production of the investment equipment and a technological dependency of the national economy that finally results in a high dependency of the economic growth of the external financing sources. Opportunities for overcoming the structural restrictions by the development of the import substitution in the production of investment equipment required in the main segments of the national economy are considered in this report. The financing restrictions are supposed to be negotiated by the means of the special purpose emission for prioritized investment projects in different segments of the national production, agriculture and housing construction.

Keywords: economic growth, import substitution, economic development, investment purpose.

Итоги 2012 г. обозначили тенденцию к замедлению темпов экономической динамики в России, которая продолжилась и в 2013 г. Объем ВВП страны за 2012 г. возрос лишь на 3,4%, (против 4,4% в 2011 г.), при том что масштабы промышленного производства увеличились лишь на 2,6% (против 4,7% в предшеству-

ющем году), а рост инвестиций в основной капитал сократился до 6,7% против 8,3% за 2011 г. По результатам 2013 г. темпы прироста ВВП составили только 1,3%, а промышленного производства — лишь 0,4%. В 2014 г. прирост ВВП не превысил 0,5–0,8%. В результате, несмотря на то что масштабы кризисной рецессии (2008–2009 гг.)

российской экономики были преодолены, темпов докризисной (2000–2008 гг.) динамики экономического роста (которая составляла 6,9% среднегодового прироста ВВП) достичь не удалось и обозначилась тенденция к ее замедлению.

По оценкам Минэкономразвития, заметного ускорения экономической динамики не следует ожидать и в будущем среднесрочном периоде (2015–2017 гг.), о чем свидетельствуют параметры разработанного прогноза, который должен лечь в основу бюджета на 2015–2017 гг. (табл. 1).

Однако в силу формирования понижательного тренда цены на нефть и введения США и ЕС экономических санкций против России речь идет о глубине и продолжительности наступающей рецессии. При этом и в более благоприятных внешних условиях темпы экономического роста на временном отрезке 2014–2017 гг. прогнозировались ниже среднемировых, что, естественно, не будет способствовать сокращению разрыва в уровне экономического развития с лидерами

мировой экономики. Преодоление такого дву-, трехкратного отставания по показателю ВВП на душу населения требует вывода экономики на 7%-ный среднегодовой прирост ВВП, что позволит обеспечивать удвоение его объема за это время. И такие темпы необходимо поддерживать в течение 15–20 лет.

Однако такой рост экономики не был достигнут даже в период 2000–2008 гг., когда, как уже отмечалось, удалось преодолеть потери ВВП периода трансформационного спада 1991–1998 гг., но так и не удалось восстановить производственно-технологический потенциал и технологическую конкурентоспособность национального хозяйства (см. рисунок).

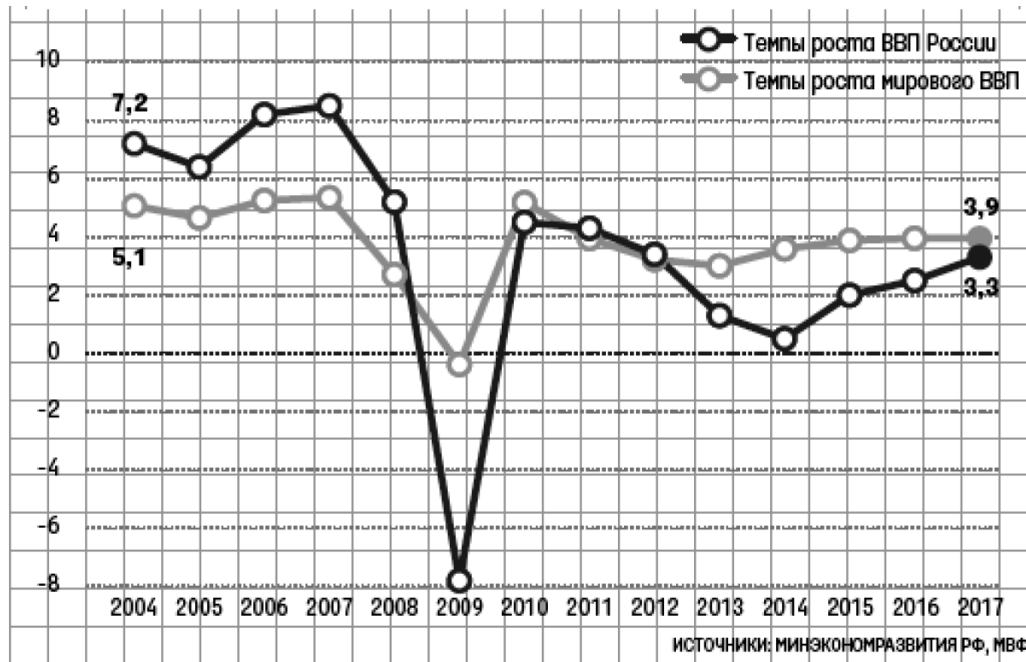
При этом исторический разрыв по уровню технологического развития России и ведущих западных держав продолжал нарастать.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что посткризисное восстановление (2010–2012 гг.), как и восстановление

Таблица 1

Основные показатели прогноза социально-экономического развития Российской Федерации [2]

Показатель	2013, отчет	2014, оценка	прогноз		
			2015	2016	2017
Цена на нефть марки Urals (мировая), долл. США за баррель					
1,2	108	104	100	100	100
Валовой внутренний продукт, прирост, %					
1	1,3	0,5	1,2	2,3	3,0
2			3,3	3,3	4,3
Промышленность, прирост, %					
1	0,4	1,7	1,6	1,7	2,1
2			2,8	2,9	3,1
Инвестиции в основной капитал, прирост, %					
1	-0,2	-2,4	2,0	1,6	2,9
2			7,2	4,6	6,1
Реальная заработная плата, прирост, %					
1	4,8	1,5	0,5	2,8	4,6
2			2,0	3,4	5,9
Оборот розничной торговли, прирост, %					
1	3,9	1,9	0,6	2,9	3,4
2			3,3	3,6	4,8
Экспорт – всего, млрд долл. США					
1	523	512	495	499	508
2			503	511	527
Импорт – всего, млрд долл. США					
1	341	317	325	331	342
2			336	352	372

Темпы роста российской и мировой экономики, % [3]

2000–2008 гг., проходило на фоне стабильного роста экспортных цен на топливно-энергетические ресурсы, составляющие более половины стоимости российского экспорта. Устойчивый рост экспортных цен приводил к стабильно нарастающему потоку финансовых поступлений в российскую экономику, что стимулировало спрос, который в значительной степени удовлетворялся за счет импорта, а не соответствующего роста собственного производства.

Так, с 2009 по 2011 гг. средние экспортные цены на российскую нефть поднялись с 407 долл. за тонну до 744 долл.; на нефтепродукты — с 387 до 727 долл. за тонну, на природный газ — с 249 до 331 долл. за 1000 куб. м; на минеральные удобрения (смешанные) — с 291 до 456 долл. за тонну. Это в расчете на 2011 г. обеспечило 26,3% прибавки номинального ВВП России относительно 2009 г.¹ Кроме того, росли цены и на другие товары российского сырьевого экспорта. Так, цены за тонну на чугун возросли с 277 до 475 долл.; на медь — с 4894 до 8737 долл.; на никель — с 14 548 до 20 963 долл., на алюминий (необработанный) — с 1444 до 2036 долл. Наибольшего значения средние экспортные цены достигли в 2012 г., обозначив тенденцию к снижению в 2013 г. [5].

¹ Рассчитано по [4].

Оценивая внешние условия для экономического роста в среднесрочной и долгосрочной перспективе, нет оснований рассчитывать, что они будут такими же благоприятными, как и в 2000–2008 гг. Прежде всего это связано с ценовой конъюнктурой на энергоносители.

Во-первых, энергосбережение провозглашено в качестве одного из основных структурных приоритетов США и ЕС, которое активно поддерживается внедрением новых энергосберегающих технологий.

Во-вторых, «сланцевая революция» повысила уровень энергетической самообеспеченности США, что оказывает влияние и на общее состояние мирового энергетического баланса в направлении сдерживания ценовой динамики. Наконец, введенные против РФ экономические санкции нацелены на ограничение внешних источников экономического роста как за счет снижения экспортных доходов, так и за счет ограничения доступа к мировым финансовым рынкам для системообразующих российских банков, оборонных и нефтедобывающих компаний.

Даже компенсировав ценовую стагнацию мировых цен на энергоресурсы соответствующим ростом объемов добычи и экспорта сырья и топливно-энергетических ресурсов, Россия не имеет возможностей экономического роста ни с точки зрения производственных мощностей,

ни с точки зрения возможных масштабов спроса. Таким образом, ситуация в очередной раз подтверждает ущербность для России сложившейся модели экономического роста, основывающейся на устойчивом возрастании экспортных цен на энергетические и сырьевые ресурсы и активном вытеснении национального производства импортом.

Следует отметить, что задача перехода на новую модель экономического роста периодически выдвигается российским руководством с середины 2000-х. В развернутом концептуальном виде такая задача нашла отражение в утвержденной Правительством РФ в ноябре 2008 г. Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. В развитие этой стратегической установки бывшим в то время Президентом РФ Д. А. Медведевым была выдвинута задача модернизации страны и сформулированы известные приоритеты технологической модернизации российской экономики, которые нашли отражение в целом ряде секторальных программ технологического и отраслевого развития. Наконец, основные цели и задачи, решение которых необходимо для обеспечения успешного развития страны в среднесрочной перспективе, были сформулированы в одиннадцати Указах Президента РФ В. В. Путина от 7 мая 2012 г. Среди них определяющее значение, по нашему мнению, имеет Указ № 569 «О долгосрочной государственной экономической политике», поскольку от успешности ее реализации зависит формирование ресурсной базы для достижения поставленных целей не только в области роста благосостояния и социального развития широких слоев российских граждан, но и оборонной, и внешнеполитической политики.

Однако вывести российскую экономику на динамичные и устойчивые темпы экономического роста так и не удалось, что дает основание ставить вопрос об адекватности применяемых инструментов экономической политики стоящим задачам экономического развития.

Важно также отметить, что проблема ускорения темпов экономической динамики является комплексной и должна рассматриваться в разрезе целого ряда аспектов: макроэкономического, структурного, технологического, ресурсного, внешнеэкономического, институционального. Макроэкономический аспект анализирует влияние на динамику роста возможной комбинации

основных факторов общественного производства в контексте изменения их роли (эффективности) на достаточно долговременном (15–20 лет) тренде. Собственно, смена модели экономического роста и означает смену роли основных факторов, которые должны определять его динамику на достаточно продолжительном временном отрезке (соотношение труда и капитала; распределение ВВП на потребление, накопление и инвестиции; источники трудовых ресурсов и инвестиций и эффективность их использования). Структурный аспект формирует отраслевое (продуктовое) наполнение экономического роста в контексте обеспечения технологической, экономической и геополитической конкурентоспособности национального хозяйства. Ключевая проблема рассматриваемого аспекта новой индустриализации — выбор приоритетов для формирования перспективной промышленной структуры национального хозяйства. Ресурсный аспект выявляет потребности и возможности ресурсного обеспечения структурных приоритетов экономического роста как с точки зрения финансовых, так и нефинансовых ресурсов — научно-технологического и производственного, а также кадрового потенциала; формирует предложения по преодолению имеющихся ресурсных ограничений. Для современной российской экономики в качестве таких ограничений выступают трудовые ресурсы и капитал, как овестьствованный в современных машинах и оборудовании, так и в финансовой форме.

Наконец, институциональный аспект формирует правила и нормы (механизмы) функционирования и взаимодействия основных субъектов экономической деятельности, оценивает эффективность сложившихся норм и правил и вырабатывает предложения по повышению качества (эффективности) институциональной среды для инвестиционной и инновационной деятельности, включая условия широкомасштабного освоения нововведений в различных секторах национального хозяйства. При всей значимости институтов для эффективности функционирования экономической системы сама институциональная система должна ориентироваться на специфику поставленных целей и задач, доступные методы и ресурсные ограничения. Отмеченные аспекты экономического роста обладают внутренней связью и взаимозависимостью, которые должны учитываться при формировании практической

политики. Вместе с тем, как представляется, структурный аспект имеет первостепенное значение, формируя отраслевое (продуктовое) наполнение экономического роста в контексте обеспечения технологической, экономической и геополитической конкурентоспособности национального хозяйства.

В свою очередь, исходные представления о будущей материальной структуре экономики формируют требования к количеству и качеству необходимых технологических и трудовых ресурсов, инвестициям и их источникам, воспроизводственной и институциональной среде для их эффективного использования. Ключевая проблема структурного аспекта экономического роста — выбор приоритетов для формирования перспективной отраслевой (производственной) структуры национального хозяйства, формирующей ВВП страны. Выбор таких приоритетов должен учитывать целый ряд факторов — емкость перспективных товарных рынков для различных секторов национального хозяйства; потенциал роста конкурентоспособности различных секторов национального производства; необходимую степень самообеспеченности по различным товарам стратегического значения; социальную значимость развития тех или иных секторов национального хозяйства и промышленности.

Выход на устойчивый и динамичный экономический рост прежде всего предполагает масштабное расширение рынков для продукции национальных производителей и нахождение производственных, технологических и инвестиционных возможностей для их освоения. Собственно, определение перспективных рынков с учетом национальных возможностей и конкурентных преимуществ и должно составлять основное содержание деятельности по определению долгосрочных структурных приоритетов экономического роста. Если рассматривать общемировую тенденцию, то расширение спроса на основе формирования новых продуктовых глобальных рынков и новых индустрий будет связано с развитием прорывных технологий нового технологического уклада, так называемых НБИК (нано-био-информационно-когнитивных) технологий, промышленное освоение которых определяет наполнение «новой индустриализации» [6].

В таком контексте долгосрочные перспективы роста конкурентоспособности российской экономики связаны с динамичным формированием

новых индустрий (ядра производства), которые, в свою очередь, связаны с внедрением НБИК-технологий и продвижением на внешние рынки прорывной инновационной продукции, что должно способствовать диверсификации экспортной базы национальных экономик. Реализация такой опережающей стратегии с опорой на новую технологическую волну предполагает, во-первых, концентрацию ресурсов на активизации научно-технологической деятельности в отмеченных сферах, а во-вторых, масштабную инвестиционную поддержку проектов по освоению выпуска наукоемкой инновационной продукции, конкурентоспособной на внешних рынках.

Вместе с тем при всей важности наращивания потенциала в отраслях перспективного технологического уклада вряд ли стоит рассчитывать на то, что рынки новой инновационной продукции смогут обеспечить высокие темпы экономического роста. Во-первых, произошедшая в постсоветский период общая деградация машиностроительного потенциала накладывает серьезные ограничения на возможности самостоятельной (т.е. без импорта технологического оборудования) реализации технологических инноваций в различных секторах российской экономики. Во-вторых, как показывает опыт развитых экономик, перешедших в 80-е годы прошлого столетия на инновационную модель экономического роста, она обеспечивала порядка 2–3% среднегодового прироста ВВП, что недостаточно для решения задачи преодоления общеэкономического отставания России от лидеров мировой экономики.

Для существенного ускорения темпов экономической динамики для национальных производителей необходим выход на новые масштабные рынки. Такие рынки могут быть внешними или внутренними. Выбор модели, по большому счету, зависит от конкретных условий формирования устойчивого воспроизводственного процесса — имеющегося набора конкурентных ресурсов и потенциальной емкости платежеспособных рынков. Если рассматривать успешную так называемую восточную модель догоняющей модернизации (Япония, Республика Корея, Тайвань, КНР), то формирование сильной экспортной ориентации экономик этих стран была связано с ресурсными ограничениями (энергия, сырье, капиталы) и невозможностью их преодоления в рамках национального рынка. Обеспечение экономического роста сырьем и энергетическими ресурсами

Таблица 2

**Индексы промышленного производства
по видам экономической деятельности* (1991=100)**

Вид деятельности	1992	1995	2000	2008	2009	2013
Добыча полезных ископаемых	88,2	70,7	74,3	105,6	02,7	110,8
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	94,7	77,8	80,9	117,6	116,3	123,9
Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	71,0	52,0	60,0	68,2	57,2	67,6
Обрабатывающие производства	81,8	47,5	51,0	82,9	70,3	88,7
Производство машин и оборудования	84,4	38,1	32,3	63,3	42,3	53,7
Производство электро-, электронного и оптического оборудования	79,8	52,3	45,3	137,1	93,8	131,4
Производство транспортных средств и оборудования	85,3	45,0	53,1	59,7	40,9	68,7

* Рассчитано по [7].

за счет внешнего рынка, естественно, требовало наращивания экспортных возможностей для получения валютных ресурсов, а в качестве конкурентного преимущества выступала дешевая рабочая сила с достаточно высокими качественными характеристиками (уровень образования, трудовая этика). Важным элементом успешности такой «догоняющей модернизации» стала трансформация экспортных доходов в наращивание собственного технологического и производственного потенциала в широком спектре промышленных отраслей.

Если рассматривать сценарий роста на основе импортозамещения, то необходимо учитывать не столько влияние, которое такой процесс может оказывать на перспективное состояние платежного баланса, сколько мультипликационный эффект на изменение потенциала экономического роста и конкурентоспособности национального хозяйства в целом. Рассматривая в таком контексте ситуацию в России, следует отметить, что основным ограничением развития для ускорения экономического роста выступает фактор капитала (прежде всего в вещественной форме инвестиционного оборудования) при высоком уровне обеспеченности энергетическими и сырьевыми ресурсами и достаточно емком внутреннем рынке ЕАЭС и СНГ.

Если говорить о структурных изменениях посткризисного восстановления, то за четыре года (с 2010 по 2013 г.) индекс производства машин и оборудования вырос на 22,8%; производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования — на 29%; транспортных средств и оборудования — на 64,7%.

В результате объем выпуска продукции 2008 г. был восстановлен и превышен лишь в производстве транспортных средств и оборудования и добыче топливно-энергетических полезных ископаемых, а дореформенные (1991 г.) масштабы выпуска не были восстановлены как по обрабатывающей промышленности в целом, так и по видам деятельности, относящимся к современному машиностроению, формирующему инвестиционный потенциал экономики (производство машин и оборудования, электрооборудования, электронного и оптического оборудования, транспортных средств и оборудования). По многим видам продукции инвестиционного назначения объемы выпуска упали во много раз, поставив отрасли на грань полного исчезновения (станкостроение, тракторостроение, производство текстильного и швейного оборудования) (табл. 2).

Так, по оценкам Минпромторга РФ, в 2011 г. доля российских производителей металлорежущих

станков составляла на внутреннем рынке лишь 6%; кузнечно-прессовых машин — 6,7%; горного оборудования — 30%; металлургического оборудования — 25%; оборудования для добычи нефти и газа — 30%; тракторов сельскохозяйственного назначения — 18,9%; зерноуборочных и кормоуборочных комбайнов — 43,7%; экскаваторов — 15%; бульдозеров — 30%². Нарращивание выпуска некоторых видов потребительских товаров длительного пользования, включая легковые автомобили, происходит за счет «отверточной сборки» и не ведет к росту собственных национальных технологических компетенций и технологической конкурентоспособности национальной экономики. Другим ограничением роста российской экономики выступают трудовые ресурсы, как в отношении наращивания их численности, так и эффективности использования.

В то же время важнейшим ресурсом повышения производительности труда и преодоления на этой основе ограничений трудового фактора для экономического роста является технологическая модернизация производства, в ходе которой происходит замещение труда капиталом. Таким образом, капитальные ресурсы становятся для России основным фактором изменения сложившейся модели экономического роста и преодоления на этой основе стагнационного тренда. Преодоление ресурсных ограничений капитала может осуществляться за счет импорта машин и оборудования с внешнего рынка либо на основе наращивания собственных возможностей его воспроизводства, поскольку, в отличие от невозпроизводимых природных факторов, капитал в вещественно-материальной форме может начать воспроизводиться на национальных рынках при соответствующей структурной и технологической политике. Однако, как отмечалось выше, в России сложился иной тип воспроизводства, при котором рост ВВП (доходов граждан и государства) не основывается на адекватном увеличении технологической и производственной конкурентоспособности национальной экономики и не усиливает внутренний потенциал развития, сохраняя его зависимость от внешних конъюнктурных факторов. Таким образом, импортозамещение капитала становится важнейшим условием для формирования новой модели устойчивого

² Рассчитано по [7].

Таблица 3

**Уровень самообеспеченности
отечественного рынка отдельными видами
промышленной продукции*, %**

Виды продукции	2011	2020
Автомобили легковые, шт.	68,3	80
Автомобили грузовые, шт.	65,5	85
Автомобили легкие коммерческие, шт.	81,2	90
Автобусы, шт.	69,2	99
Трактора сельскохозяйственные, шт.	18,9	60
Комбайны зерно и кормоуборочные, шт.	43,7	68,9
Бульдозеры, шт.	30	70
Экскаваторы, шт.	15	45
Автогрейдеры, шт.	65	85
Погрузчики фронтальные, шт.	4	30
Станки металлорежущие, шт.	6	12
Кузнечно-прессовые машины, шт.	6,7	7
Горное оборудование, т	30	45
Металлургическое оборудование, т	25	35
Подъемно-транспортное оборудование, т	35	45
Оборудование для нефтегазодобычи, т	30	40

* Рассчитано по [5].

экономического роста перехода на инновационный путь развития.

Отметим, что в принятой в 2012 г. государственной программе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности на период до 2020 года», ставилась задача: «создание устойчивой, структурно сбалансированной промышленности, способной к эффективному саморазвитию, на основе интеграции в мировую технологическую среду и разработки передовых промышленных технологий, нацеленных на формирование новых рынков инновационной продукции, а также эффективно решающей задачи обеспечения обороноспособности страны» [7].

В то же время намечаемая в госпрограмме динамика роста промышленного производства позволит поднять долю включенных в нее отраслей гражданской промышленности лишь с 5,5% ВВП до 5,7% в 2020 г., что вряд ли сможет

заметно изменить промышленный статус России. Более того, реализация намеченных в госпрограмме параметров промышленного развития не позволит достичь необходимого уровня самообеспеченности по важнейшим видам продукции инвестиционного назначения, сохранив высокую импортную зависимость в таких важнейших для экономического роста и экспортного потенциала России секторах, как производство оборудования для нефтегазодобычи, горной и металлургической промышленности, производство строительной и сельскохозяйственной техники (табл. 3).

Особую тревогу должна вызывать ситуация в отечественном станкостроении, без восстановления технологического и производственного потенциала которого трудно рассчитывать на преодоление технологического отставания в машиностроительном комплексе в целом. Соответственно будет оставаться излишне высокая зависимость от импорта важнейших секторов национального хозяйства — оборонного, металлургического, энергетического, нефтегазодобычи, которая подрывает собственные инвестиционные возможности развития национальной экономики. Санкции Запада достаточно убедительно иллюстрируют такие угрозы.

В 2013 г., по данным Росстата, импорт в Россию машин, оборудования и транспортных средств из стран дальнего зарубежья составил 140 млрд долл. США или 50,8% от общего объема импорта по данной группе стран, что на 2 млрд долл. меньше, чем в предшествующем 2012 г., когда доля машин, оборудования и транспортных средств составила 52,1% от объема импорта из стран дальнего зарубежья. Другими важными статьями импорта оставались продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, а также продукция химической промышленности. Доля импорта этих товарных групп составила в 2013 г. 13,4% (36,9 млрд долл. США) и 16,6% (46 млрд долл. США) соответственно. Отметим, что российский экспорт машин, оборудования и транспортных средств в страны дальнего зарубежья составил в 2013 г. лишь 16,4 млрд долл. или 3,6% от общего объема российского экспорта в отмеченную группу стран. Таким образом, Россия остается чистым импортером машин и оборудования различного назначения из стран дальнего зарубежья с отрицательным сальдо в размере порядка 125 млрд долл. [5].

Если сравнивать объемы импорта машин и оборудования из стран дальнего зарубежья с объемами национального производства аналогичных видов продукции (машины и оборудование; электрооборудование, электронное и оптическое оборудование; транспортные средства и оборудование), то по стоимости импорт в 2013 г. составлял 79% от внутреннего производства (объемы отгруженной продукции), а с учетом импорта машин и оборудования из стран СНГ — 87%³. Важно отметить, что не весь объем импорта, отражаемый Росстатом в рассматриваемой товарной позиции (машины, оборудование и транспортные средства), может относиться к инвестиционным товарам. Анализ таможенной статистики с определенной долей погрешности позволяет определить масштабы неинвестиционного импорта по рассматриваемой группе товаров из стран дальнего зарубежья в объеме не менее 40 млрд долл. в 2013 г. Это был импорт как готовой продукции, так и узлов и деталей для ее сборки внутри страны. Соответственно, порядка 100 млрд долл. составлял импорт из стран дальнего зарубежья продукции инвестиционного назначения (включая узлы и запчасти для такой продукции)⁴.

Следует учитывать, что в 2013 г. российская экономика фактически находилась в стадии стагнации. Если рассматривать сценарий перехода на устойчивый экономический рост, то он потребует прежде всего роста инвестиционной активности минимум до 30% ВВП, т.е. увеличения объема инвестиций на 6,6 трлн руб. в год (в ценах 2013 г.), из которых порядка 3 трлн руб. (или 94,3 млрд долл.) должны составлять машины и оборудование. Отметим, что при реализации такого сценария экономического развития общая потребность в машинах и оборудовании инвестиционного назначения может быть оценена в 8,91 трлн руб. (что в 3,9 раза превышает объем их национального производства в 2013 г.), а потенциал импортозамещения по оборудованию инвестиционного назначения — в 7,6 трлн руб. Кроме того, не менее 1,3 трлн руб. может составлять потенциал импортозамещения от локализации производства комплектации для автомобильной промышленности и производства бытовой техники длительного пользования.

³ Рассчитано по [5].

⁴ Рассчитано по [8].

Таким образом, на основе импортозамещения инвестиционного оборудования может быть сформирован достаточно емкий рынок (спрос) на широкую номенклатуру промышленной продукции, удовлетворение которого должно способствовать росту экономической динамики. Важно также иметь в виду, что импортозамещение инвестиционного оборудования вызовет масштабный мультипликационный эффект в экономике, расширив внутренние инвестиционные возможности для развития основных отраслей национального хозяйства, включая такие приоритетные для экономического роста отрасли, как сельское хозяйство и строительство. Российский рубль получит дополнительное товарное обеспечение в важнейшем для становления экономического роста секторе экономики, что расширит его эмиссионную базу, сократив зависимость динамики развития от внешних источников финансирования.

С учетом вышеизложенного, приоритетами структурной модернизации российской экономики, формирующими материальное наполнение экономического роста, должны стать как новые индустрии перспективного технологического уклада (на основе НБИК-технологий), призванные обеспечить технологическую конкурентоспособность и независимость на длительную перспективу, так и широкомасштабная диверсификация и технологическая модернизация основных секторов машиностроения, призванная кардинально снизить зависимость важнейших секторов национального хозяйства от машин и оборудования. При этом если первое направление должно основываться преимущественно на собственных (с учетом потенциала Евразийского союза) инновациях, то второе, связанное с технологическим обновлением основных отраслевых сегментов реального сектора экономики, может широко использовать трансферт передовых зарубежных технологий и их дальнейшее совершенствование в воссоздающихся на этой основе национальных центрах технологических компетенций.

Литература

1. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/.
2. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/201409261>.

3. URL: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/26448611/otstayuschee-razvitie#ixzz31fE0wyo>.
4. Россия в цифрах, 2013. Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2013.
5. Россия в цифрах, 2014. Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2014.
6. Казанцев А. К., Киселев В. Н., Рубвальтер Д. А., Руденский О. В. NBIC-технологии: Инновационная цивилизация XXI века. М.: ИНФРА-М, 2012.
7. Госпрограмма РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». URL: http://www.minpromtorg.gov.ru/posit/minprom/ministry/fcp/8/Gos_programma_RF.pdf.
8. Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации, 2013 год. М.: ФТС, 2014. С. 276–313.

References

1. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/.
2. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/201409261>.
3. URL: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/26448611/otstayuschee-razvitie#ixzz31fE0wyo>.
4. Russia in figures, 2013. Short statistical book. [Rossiya v tsifrakh, 2013. Kratkiy statisticheskiy sbornik]. M., Rosstat. 2013.
5. Russia in figures, 2014. Short statistical book. [Rossiya v tsifrakh, 2014. Kratkiy statisticheskiy sbornik]. M., Rosstat. 2014.
6. A.K. Kazantsev, V.N. Kisilev, D.A. Rubval'ter, O. V. Rudenskiy. NBIC-technologies: Innovation civilization of the XXI century. [NBIC-tekhnologii: Innovatsionnaya tsivilizatsiya XXI veka]. M., INFRA-M. 2012.
7. The state program of the Russian Federation «Development of industry and increasing its competitiveness». [Gosprogramma RF «Razvitie promyshlennosti i povyshenie ee konkurentosposobnosti»]. URL: http://www.minpromtorg.gov.ru/posit/minprom/ministry/fcp/8/Gos_programma_RF.pdf.
8. Customs statistics of foreign trade of the Russian Federation, 2013. [Tamozhennaya statistika vneshney trgovli Rossiyskoy Federatsii 2013 god]. FTS, Moskva. 2014. P. 276–313.

УДК 338.1

Кредитный потенциал банковского сектора России: состояние и перспективы роста

АНДРЮШИН СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,*д-р экон. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН***E-mail:** sandr956@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются кредитный потенциал банковского сектора России и меры Центрального банка РФ по обеспечению роста кредитования российской промышленности в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: Банк России, банковский сектор, денежно-кредитная политика, кредитный потенциал, экономический рост.

The Russia's banking sector credit potential: conditions, and growth prospects

ANDRYUSHIN SERGEY ALEKSANDROVICH,*Doctor of Economics, Professor, Lead researcher of the Institute of Economics RAS,***E-mail:** sandr956@gmail.com

Abstract. The paper analyses the Russia's banking sector credit potential, and the Bank of Russia policies, aiming to surge lending of industrial firms in middle range period.

Keywords: Bank of Russia, banking sector, economic growth, fiscal policy, credit potential, monetary policy.

Экономический рост в России, начиная со второй половины 2012 г., существенно замедлился, а после мая 2013 г. в связи с наметившимся трендом обесценения российской валюты экономика России вошла в затяжную рецессию. Рост ВВП в 2013 г. составил 1,3% (против 3,4% в 2012 г. и 4,3% в 2011 г.), промышленное производство находилось практически на нулевом уровне, а в структуре обрабатывающих производств было отмечено даже снижение выпуска на 1,2%.

Отрицательная динамика наблюдалась и в инвестициях в основной капитал. В 2014 г. годовые темпы прироста ВВП, по всей видимости, не превысили 0,5%. На ужесточение негативной динамики сильно повлияли низкие цены на нефть (падение в течение года в 2,5 раза), секторные санкции со стороны западных юрисдикций (их компенсация требует, как минимум, годового прироста ВВП в 5–7%), стремительное замедление темпов роста реальных располагаемых доходов населения (0,3% в 2014 г. против

3,2% в 2013 г.), резкая девальвация номинального курса рубля (за год на 41% против американской валюты и на 34% против единой европейской), отток капитала (свыше 150 млрд долл. США), наличие структурных проблем, высокие административные барьеры.

В таких условиях рассчитывать, что российской экономике в среднесрочной перспективе удастся достичь запланированный Правительством РФ прирост инвестиций в основной капитал (2,4% — в 2015 г., 1,6% — в 2016 г. и 4,7% — в 2017 г.), вряд ли стоит. Причин несколько:

- во-первых, резкое снижение инвестиций в системообразующих российских компаниях (нефтегазовых и инфраструктурных), являющихся основой всей российской экономики. Так, в течение последних трех лет эти компании значительно сократили капитальные вложения в добычу и транспортировку, т.е. в те виды деятельности, в которых до последнего времени было сосредоточено около 40% всех

инвестиций российской экономики в основной капитал [1];

- во-вторых, стремительное снижение чистой прибыли преобладающего числа российских компаний, что сдерживало рост собственных средств предприятий. Так, в первой половине 2014 г. чистая прибыль российских компаний сократилась на 31,5%. В настоящее время это стало характерно почти для всех отраслей российской экономики [2]. Основной причиной снижения прибыли был рост чистых убытков вследствие девальвации рубля (рост валютной части долга предприятий в рублевом выражении и удорожание затрат на производственный импорт). Особенно сильно девальвация рубля затронула такие отрасли, как сельское хозяйство, машиностроение, химическая промышленность и сфера услуг. В условиях значительного снижения рентабельности, роста издержек и удорожания импорта российские предприятия отдавали предпочтение стратегии повышения цен на свою продукцию. Однако это приводило не к росту, а к снижению конкурентоспособности российских товаропроизводителей и ухудшению их инвестиционного потенциала;

- в-третьих, резкое снижение уровня бюджетной обеспеченности регионов собственными доходами. В 2014 г. увеличились дотации из федерального бюджета на выравнивание бюджетной обеспеченности (ее получили 72 региона из 83). Общий объем межбюджетных трансфертов составил 893,7 млрд руб. (за аналогичный период 2013 г. — 780,4 млрд руб.). Кроме того, выросла государственная поддержка регионов в виде бюджетных кредитов, объем которых на 1 августа 2014 г. составил 529,0 млрд руб. (426,0 млрд руб. — на 1 января 2013 г.). Это привело к тому, что совокупный государственный долг всех субъектов Федерации на 1 октября 2014 г. превысил 2,1 трлн руб. (в котором доля коммерческих кредитов банков составляла 38%, а бюджетных кредитов — 30%) [3];

- в-четвертых, значительное увеличение в рублевом выражении расходов российских корпораций и банков, связанных с обслуживанием накопленного внешнего долга. Общая сумма внешнего долга, которую российские банки и предприятия нефинансового сектора должны были погасить за IV квартал 2014 г. и в течение 2015 г. (это примерно 26% всей совокупной задолженности), составляет 171,8 млрд долл., из них 55,9 млрд долл. — задолженность банков (в то время как банки могут погасить самостоятельно только 57%) и 116,0 млрд

долл. — задолженность российских корпораций (причем более 64,0% всего долга приходится на компании нефтегазового сектора). При этом их доля в платежах по обслуживанию совокупного внешнего долга корпораций и банков в 2016–2019 гг. — 36% и после 2019 г. — 38% [3]. Однако в условиях форс-мажора (в случае неисполнения финансовых обязательств) от российских корпораций и банков могут потребовать одноразового погашения всей суммы накопленной задолженности, тогда им одновременно придется погасить внешний долг в 485,9 млрд долл. США [4].

Российская экономика в настоящее время стоит перед непростым выбором: каким образом решать наиболее острые проблемы stagflation, вызванные значительным сокращением внешнего и внутреннего инвестиционного и потребительского спроса, резкой девальвацией и сильной волатильностью обменного курса рубля, усилением геополитических и макроэкономических рисков (обусловленных, в том числе, действием структурных проблем и взаимных санкций) и одновременно изыскать новые источники внутреннего и внешнего фондирования экономического роста.

Оставаясь открытой для налаживания новых и укрепления старых экономических отношений со всеми странами и зарубежными компаниями, российской экономике, по нашему мнению, в ближайшие три года не следует рассчитывать на приток значительных внешних инвестиций. Более того, в этом сегменте российская экономика может столкнуться с новыми факторами системного риска, исходящими от переориентации привлечения внешнего фондирования с дешевых американских и европейских финансовых рынков на более дорогое фондирование с финансовых рынков стран АТР. Например, 13 октября 2014 г. Банк России заключил соглашение о валютном свопе на три года (с возможной пролонгацией) с Народным банком Китая на сумму 150 млрд юаней (24,5 млрд долл.). В то же время такая смена вектора внешнего фондирования, по нашему мнению, сопряжена с новыми для российских компаний и банков макроэкономическими и финансовыми рисками, а именно:

- ростом затрат на добычу, геологоразведку и поставку сырой нефти/природного газа и цветных металлов как в Европу, так и в Китай;
- закреплением сырьевой направленности структуры российского экспорта в АТР

и стремительным снижением конкурентоспособности продукции обрабатывающей промышленности России;

- ростом потребительского дешевого («серого») импорта из развивающихся стран (и в первую очередь из Китая);
- дальнейшим возрастанием роли диктата Китая в системе внешнеэкономических связей России в АТР;
- усилением китайского присутствия в региональной экономике России, особенно в регионах Сибири и Дальнего Востока.

В условиях неблагоприятных для России внешнеэкономических сдвигов, ухудшения условий торговли, наличия санкций и снижающихся нефтяных цен, ограничения и сворачивания дешевого внешнего фондирования основными источниками развития российской экономики в ближайшей среднесрочной перспективе, как отмечает президент «Меркурий-клуба» Е.М. Примаков, должны быть только собственные средства, резервы и возможности. Но для их эффективного использования предстоит, по его мнению, сделать экономический маневр, направленный на диверсификацию экономики, разворот ее структуры от сырьевой направленности к развитию обрабатывающей наукоемкой промышленности, способный вывести экономику России из тяжелой экономической ситуации [5]. Но для этого необходимо, чтобы бюджетная консолидация, которую предстоит нашей стране реализовать в ближайшее время, не столько служила обеспечению финансовой стабильности (что, безусловно, важно), но способствовала экономическому росту за счет кредитной накачки предприятий реального сектора экономики дешевыми и долгосрочными ресурсами.

В этой связи возникают два вопроса:

1) не приведет ли наращивание кредитной экспансии к кредитному перегреву экономики, за которым неизбежно последуют рост потребительских цен (инфляция), дальнейшая девальвация курса рубля, чрезмерное обременение хозяйствующих субъектов долгами, резкое обесценение национальных активов, рост государственного и корпоративного долга;

2) имеют ли российские банки недоиспользованные внутренние резервы, которые могут быть предоставлены предприятиям нефинансового сектора и населению для экономического маневра, необходимого для модернизации промышленного

производства без какой-либо дополнительной накачки экономики деньгами.

Кредитный перегрев и факторы его формирования

Кредитный перегрев — следствие продолжительного кредитного бума. Его факторами могут быть процикличность денежно-кредитной политики Центрального банка, расширительная фискальная политика (например, стремительный рост государственных расходов) и/или стремительный рост частных инвестиций в реальную экономику, финансируемую за счет банковского кредита, внешних и внутренних облигационных займов.

На фазе экономического подъема финансовые посредники увеличивают предложение кредита, снижают требования к качеству потенциальных заемщиков и залоговых обеспечений. С одной стороны, это увеличивает предложение кредита, делает его более доступным, позволяя заемщикам больше инвестировать и потреблять. Но, с другой стороны, если совокупный кредит начинает расти слишком быстро (например, ежегодный темп прироста измеряется двузначными числами), возникает кредитный бум. Он сопровождается ростом финансового левериджа хозяйствующих субъектов, цен на финансовые и реальные активы и усилением кредитных рисков.

До глобального финансового кризиса в экономических дискуссиях и на практике считалось, что центральные банки не должны сдерживать развитие кредитных бумов. Причин несколько.

Во-первых, в связи с переходом ведущих стран к режиму таргетирования инфляции центральные банки больше внимания при проведении денежно-кредитной политики концентрировали на регулировании процентных ставок. При этом темп прироста денежных агрегатов многие центральные банки развитых стран перестали таргетировать, исключив тем самым из сферы своего внимания и мониторинг динамики темпов прироста совокупного кредита.

Во-вторых, доминировавшее в период до глобального финансового кризиса микропруденциальное регулирование, делающее упор на надзор за деятельностью отдельных финансовых институтов, было не приспособлено для решения проблем, порождаемых ростом агрегированного кредита. К тому же микропруденциальное регулирование не учитывало перекрестные взаимосвязи финансовых посредников и их влияние на стабильность банковского сектора в целом.

Таблица 1

Состояние кредитного перегрева экономики России, 2008–2014 гг., млрд руб.

Статьи баланса	01.11. 2014	01.01. 2014	01.01. 2013	01.01. 2012	01.01. 2011	01.01. 2010	01.01. 2009	01.01. 2008
Кредитный портфель*	44 000	40 180	36 650	31 289	24 830	22 319	20 496	13 748
Прирост кредитного портфеля	3 820	3 530	5 361	6 459	2 511	1 823	7 748	3 868
Обязательства внутренние (располагаемые)**	56 400	45 670	38 937	31 428	24 246	22 030	25 220	16 567
Прирост обязательств внутренних (располагаемых)	10 730	5 490	2 287	139	- 584	- 289	4 724	2 819
ВВП	67 089	66 755	62 218	55 800	45 173	38 786	41 668	33 111
Кредитный перегрев (фактический)***, %	- 4,3	-4,7	- 1,4	+1,6	-4,4	- 5,3	+8,6	+1,7
Кредитный перегрев (потенциальный)****, %	+11,7	+3,5	+2,3	+1,8	- 5,7	- 6,0	+20,0	+10,2

* Кредитный портфель = Требования к другим нефинансовым организациям + Требования к населению + Требования к кредитным организациям.

** Обязательства внутренние (располагаемые) = Обязательства (всего) – Чистые иностранные активы – Чистые требования к центральному банку – Чистые требования к органам государственного управления – Требования к другим финансовым организациям – Требования к нефинансовым государственным организациям.

*** Кредитный перегрев (фактический) = Годовой прирост кредитного портфеля / ВВП базового года – 0,1.

**** Кредитный перегрев (потенциальный) = Годовой прирост кредитного портфеля + годовой прирост обязательств внутренних располагаемых / ВВП базового года – 0,1.

Источник: www.cbr.ru; расчеты автора.

В-третьих, среди специалистов преобладала точка зрения, что центральному банку не следует пытаться предотвращать кредитный бум в силу сложности идентификации начала бума, но он должен уметь разрешать последствия взрыва пузырей цен на активы [6].

В настоящее время среди экспертов и практиков достигнут консенсус в том, что кредитные бумы в лучшем случае опасны, а в худшем — предвестники финансовой катастрофы [7]. Но пока специалисты не пришли к согласию о том, с помощью каких мер центральный банк может предотвратить трансформацию кредитного бума в кредитный перегрев и сползание экономики в затяжную рецессию.

Кредитный перегрев могут вызвать внешние и внутренние макроэкономические и финансовые факторы, идентификация которых позволяет выявить подверженность экономики страны кредитным бумагам. В экономической литературе выделяют три основных фактора, ведущих к развитию опасного кредитного перегрева:

- мягкая нетрадиционная монетарная политика ведущих центральных банков, удерживающая процентные ставки на близком к нулевому значению

уровне и сопровождающаяся резким увеличением монетарных агрегатов;

- либерализация операций по финансовому (по старой методике МВФ — капитальному) счету платежного баланса и управление волатильностью обменного курса, значительно увеличивающие доступное для банков фондирование;

- кредитная активность национальных банков, вызванная мягкими ограничениями фискальной политики, расширительной денежно-кредитной политикой и неэффективным банковским регулированием и надзором.

Как формировался кредитный перегрев в российской экономике

Кредитный перегрев [8] может быть спровоцирован притоками капитала, привлекаемого из разных источников. В их основе, как правило, находится банковский кредит. Во-первых, на долю банковского кредита приходится большая часть совокупного кредита страны, а в странах с формирующимися рынками — преобладающая часть. Во-вторых, статистика по банковскому кредитованию более доступна и лучше проработана. Это позволяет прово-

дить более точный анализ последствий чрезмерно быстрого роста банковского кредита и снижения стандартов кредитного андеррайтинга.

Результаты эмпирического анализа развития российского банковского сектора за 2008–2014 гг. (см. табл. 1) показали, что фактически кредитный перегрев в российской экономике наблюдался:

- в 2007 г. — за счет притока иностранного капитала;
- 2008 г. — за счет антикризисных мер правительства и Центрального банка;
- 2011 г. — за счет роста кредитной эмиссии, увеличившей кредитование нефинансовых организаций на 26,0% и на 35,9% — физических лиц. С учетом средств, выведенных из кредитного оборота реального сектора, кредитный перегрев (потенциальный) мог бы наблюдаться в 2007, 2008, 2011, 2012, 2013 и 2014 гг.

Задолго до разворачивания кризиса второй половины 2014 г. ряд российских экономистов активно доказывали необходимость дальнейшего наращивания кредитования, указывая, что по сравнению с другими экономиками в нашей стране недостаточный уровень монетизации. Так, академик С. Глазьев предлагает нарастить кредитный портфель банков до 100% ВВП и выше [9]. Реализация подобных предложений приведет (в текущих ценах) к сильному кредитному перегреву российской экономики (ситуации, когда годовой темп прироста совокупного кредита превысит 30%). В результате вместо ускорения темпов экономического роста кредитный перегрев негативно скажется на всех макроэкономических показателях (обменном курсе рубля, инфляции, финансовом левеидже, ценах на активы, государственном долге и просроченной ссудной задолженности физических и юридических лиц).

В условиях, когда российская экономика находится в структурном кризисе, первое, что приходит в голову, это стремительная накачка ресурсами банков с тем, чтобы они направляли эти средства в виде кредитов в реальный сектор экономики. Но никто почему-то не осознает, а как используется банками уже имеющийся у них ресурсный потенциал? Не приведет ли дополнительное монетарное стимулирование банков к кредитному перегреву экономики и стагфляции, т.е. инфляции без ускорения экономического роста? Без ответа на эти вопросы не следует делать громких заявлений и отсылать к «мировому опыту успешного перехода национальных экономик из отстающих

в передовые», а надо провести тщательный анализ ресурсной базы банковского сектора и его использования в интересах реальной экономики.

Важно отойти от стремления залить кредитом все и вся и спокойно подсчитать, во-первых, существующие потенциальные резервы банковского сектора, которые могут быть задействованы в кредитовании реального сектора и населения, и, во-вторых, определить действительные потребности предприятий реального сектора и населения в дополнительных кредитных ресурсах, если имеющегося у банков резерва окажется недостаточно. При этом общая сумма, вводимая в кредитный оборот за счет существующих резервов и дополнительной кредитной эмиссии, не должна превышать 10% ВВП в год. В противном случае российская экономика войдет в состояние кредитного перегрева.

Анализ кредитного потенциала российского банковского сектора показывает, что на 1 ноября 2014 г. банковский сектор недоиспользовал свой ресурсный потенциал в виде обязательств вне банков на сумму 12,4 трлн руб. (на 1 июня — 7,0 трлн и на 1 августа — 9,4 трлн руб.). Во многом это средства резидентов (юридических и физических лиц), не включенные в широкую денежную массу, поскольку были вложены в иностранную валюту, облигации, депозитные сертификаты, векселя, банковские акцепты, обращающиеся вне банковской системы. Об этом красноречиво свидетельствует увеличивающаяся разница (особенно в 2014 г.) между $M2x_SA$ и $M2^1$, которая по объему сопоставима с размером внутреннего резерва банковского сектора. При этом данный резерв превышает сумму дополнительного кредита, который может быть предоставлен предприятиям нефинансового сектора и населению без появления кредитного перегрева. Как видно из табл. 2, внутренние резервы, отражающие сумму реализованных обязательств российских банков в виде внутреннего и внешнего оттока капитала, активно формировались до и в период финансового кризиса. Затем в течение 2009–2010 гг. внутренний резерв у банков отсутствовал. Появился он вновь в конце 2011 г. и с каждым годом размер его увеличивался, а потребителями его в настоящее время выступают, как правило, госбанки, офшоры, спекулянты, затем Минфин и население.

¹ $M2x_SA$ — широкая денежная масса ($M2x$), сезонно скорректированная.

Таблица 2

Кредитный потенциал банковского сектора России, 2008–2014 гг., млрд руб.

Статьи баланса	01.11. 2014	01.01. 2014	01.01. 2013	01.01. 2012	01.01. 2011	01.01. 2010	01.01. 2009	01.01. 2008
Активы	66 982	57 423	49 510	41 628	33 805	29 430	28 022	20 241
Обязательства	59 242	50 359	43 397	36 385	29 072	24 809	24 211	17 570
Капитал	7 740	7 064	6 113	5 242	4 732	4 621	3 811	2 672
Обязательства внутренние (располагаемые)*	56 400	45 670	38 937	31 428	24 246	22 030	25 220	16 567
Кредитный портфель**	44 000	40 180	36 650	31 289	24 830	22 319	20 496	13 748
Внутренние резервы***	12 400	5 490	2 287	139	- 584	- 289	4 724	2 819
M2x_SA – M2	9 681,7	4 230,6	3 416,4	3 028,0	2 763,5	3 019,1	2 611,2	764,5

* Обязательства внутренние (располагаемые) = Обязательства (всего) – Чистые иностранные активы – Чистые требования к центральному банку – Чистые требования к органам государственного управления – Требования к другим финансовым организациям – Требования к нефинансовым государственным организациям.

** Кредитный портфель = Требования к другим нефинансовым организациям + Требования к населению + Требования к кредитным организациям.

*** Внутренние резервы = Обязательства внутренние (располагаемые) – Кредитный портфель.

Источник: www.cbr.ru; расчеты автора.

Таким образом, деньги для кредитования в стране есть, и поэтому норму накопления для модернизации российской экономики необходимо повышать не за счет новой кредитной эмиссии, а за счет лучшего использования имеющегося в банковском секторе внутреннего резерва. При этом объемы и динамика внутреннего резерва напрямую зависят от регулирования масштабного притока и оттока частного капитала. Это отличительная черта стран с формирующимися рынками (таких как Россия), экономика которых подвержена сильному воздействию притоков и оттоков частного (иностранного и национального) капитала. И чем быстрее мы осознаем необходимость эффективного управления операциями с капиталом, тем стабильней будут наша внутренняя денежно-кредитная политика и предложение внутреннего кредита.

Политика управления финансовым счетом

В современных условиях центральным банкам (особенно в странах с формирующимся рынком) становится все труднее проводить независимую денежно-кредитную политику без изменения режима управления финансовым счетом платеж-

ного баланса². А так как управление финансовым счетом напрямую связано с обеспечением условий для роста банковского кредитования, то повышение его эффективности становится важным направлением деятельности центрального банка.

Общепризнано, что в определенных условиях приток частного иностранного капитала в страну способствует экономическому росту. Но ни в одном эмпирическом исследовании до сих пор не доказано, что стабильное экономическое развитие возможно только при наличии открытого финансового счета [10]. Все существующие эконометрические модели допускают (принимая как данность), что открытость финансового счета способствует развитию финансового сектора, низкой волатильности валютного курса и макроэкономической

² Финансовый счет показывает баланс между чистыми покупками и продажами финансовых активов и чистыми обязательствами, принятыми резидентами и нерезидентами. Данные, учитываемые в финансовом счете, классифицируются по двум критериям: по функциональному назначению сделок [прямые и портфельные инвестиции, финансовые деривативы (за исключением резервов), опционы на покупку акций персоналом, прочие инвестиции и резервные активы] и по финансовым инструментам (монетарное золото и СДР, денежные средства и депозиты, долговые ценные бумаги и займы, акции уставного капитала)

стабильности [11]. Подобное допущение расходится с реальностью, затушевывая причинную связь между этими макроэкономическими явлениями. Действительно открытие финансового счета выступает предпосылкой ускорения темпов экономического роста или сначала каждая страна должна развить внутренний финансовый рынок, а затем проводить постепенную либерализацию своего финансового счета для внешних инвесторов?

Страны с формирующимся рынком, сохраняющие ограничения на приток капитала (особенно на рынке долговых обязательств), лучше развивались в период до глобального финансового кризиса. Наличие валютных ограничений позволяло центральным банкам проводить более независимую от внешних факторов денежно-кредитную политику и направлять привлекаемые в страну капиталы на инвестиции в долгосрочные проекты [12]. В ряде эмпирических исследований показано, что для экономик стран с формирующимся рынком нежелательна чрезмерная мобильность капитала [13]. Некоторые исследования выявили, что контроль за оттоком капитала в таких странах просто необходим, даже когда монетарные власти проводят политику гибкого обменного курса. Например, в Малайзии после введения жестких валютных ограничений (закрытия всех легальных каналов офшорной торговли национальной валютой) в сентябре 1998 г. (т.е. в разгар азиатского финансового кризиса) отток капитала приостановился. Это позволило центральному банку быстро восстановить официальные валютные резервы, стабилизировать обменный курс и снизить процентные ставки [14].

Поэтому, как утверждают эксперты, странам с формирующимся рынком целесообразно рассматривать формы контроля за потоками капитала как субсидии на его приток или налоги на его отток, которые позволяют выравнивать масштабные потоки капитала в своих экономиках с учетом текущей фазы делового цикла [15].

В середине 2006 г. в России произошла либерализация финансового счета: контроль за притоком и оттоком капитала с 2007 г. был отменен (хотя зарубежная практика свидетельствует о том, что либерализация капитальных операций финансового счета всегда начинается после перехода к свободно плавающему режиму обменного курса). Повышенные процентные ставки на российском финансовом рынке способствовали большему притоку капитала, главным образом спекулятивного, в российскую экономику в докризисный (2006–2008 гг.)

и посткризисный (2010 — середина 2013 г.) периоды, приводя к значительному укреплению реального обменного курса рубля, кредитному буму, росту денежных агрегатов и цен на активы. В период кризиса, наоборот, отсутствие контроля за потоками капитала усиливало его отток, в результате чистая международная инвестиционная позиция (ЧИП) банковского сектора России стала стремительно сокращаться, чему в значительной степени способствовала ошибочная валютная политика Банка России, нацеленная на быстрый переход к плавающему обменному курсу рубля, носившая реактивный характер.

До глобального финансового кризиса, на 1 июля 2008 г., ЧИП составляла –3048 млрд руб., а на 1 октября 2009 г. (в период завершения финансового кризиса) — только –42,1 млрд руб. В 2010 и 2011 гг. ЧИП банковского сектора вновь стала расти (но не так быстро, как до кризиса): максимальное значение (на 1 января 2011 г.) составило –1049 млрд руб. Весь 2012 г. и с июня 2013 г. по настоящее время значения ЧИП банковского сектора были то отрицательными, то положительными. Например, на 1 января 2012 г. она была –25,7 млрд руб., а на 1 июля 2013 г. составила +3,3 млрд руб.

Начиная с января 2014 г. капитал из российских банков стал активно вывозиться. Так, если на 1 января 2014 г. ЧИП банковского сектора составляла –11,1 млрд долл., то на 1 июля 2014 г. — уже +39,1 млрд руб., т.е. вывоз капитала за полгода превысил 50,2 млрд долл. Это вынудило Банк России осуществлять значительные интервенции на валютном рынке, но их методика лишь обесценивала рубль и усиливала стремление российских банков и корпораций погашать свою внешнюю задолженность за счет денежных средств Банка России и Федерального казначейства (внутреннего фондирования), а не размещения своих долговых бумаг на внешнем рынке (как было до середины 2013 г.). Так, если на 25 марта 2014 г., по данным Банка России, лимит на дополнительную ликвидность, сформированный за счет операций «необеспеченных кредитов» (1555 млрд руб.) и «операций РЕПО на аукционной основе» (2560 млрд руб.), составлял 4115 млрд руб., то на 20 января 2015 г. — 4435 млрд; 2475 млрд; 6910 млрд руб. соответственно, т.е. прирост дополнительной ликвидности за 9 месяцев только по этим двум позициям вырос более чем в полтора раза.

Все это свидетельствует о необходимости постоянного контроля за притоком и оттоком частного

капитала в таких странах, как Россия, особенно когда Центральный банк намерен придерживаться политики гибкого обменного курса. Контроль регулятора нужен в периоды, когда замедление темпов роста ВВП (вследствие циклического или структурного разрыва) связано с чрезмерными колебаниями рублевой стоимости бивалютной корзины на валютном рынке, вне зависимости от того, обусловлены они катастрофическим обвалом рубля или же недопустимым сжатием рынка денег на валютном и/или межбанковском сегментах.

Конъюнктурные факторы могут расширить или сузить циклический разрыв выпуска, но структурный разрыв выпуска (вызванный замедлением роста), вероятно, сохранится. Соответственно потребуются продолжительные меры управления финансовым счетом, особенно на облигационном рынке, при этом показатели экономического роста, инфляции и различия в процентных ставках могут долго сохраняться неизменными. Поэтому утверждения, что меры управления финансовым счетом должны быть только временными или использоваться в качестве вынужденного варианта, как утверждают эксперты МВФ [16], представляются спорными.

Более того, использование рекомендаций традиционной денежно-кредитной политики может усилить напряженность фискальной политики в качестве реакции на приток капитала. Помимо законодательных и других юридических актов, фискальный ответ, связанный с управлением потоками капитала, имеет сильные распределительные эффекты: напряженная фискальная политика может подразумевать сокращение социальных расходов, чтобы позволить потокам капитала «поработать» на более обеспеченные слои общества. Одновременно такая политика может привести к сокращению внутренних государственных инвестиций, что неблагоприятно скажется на перспективах долгосрочного экономического роста. Чтобы это предотвратить, необходим постоянный контроль за притоком и оттоком частного и общественного капитала.

Меры контроля за притоком и оттоком капитала

Меры контроля за масштабным притоком или оттоком капитала позволяют ограничить выход резидентов и/или нерезидентов на рынок международного капитала, перечень сделок, которые они могут заключать, а также тип и/или объем разре-

шенных трансграничных платежей и трансфертов (общественных и частных). В общем плане к мерам контроля за потоками капитала относятся любые (пруденциальные, монетарные, налоговые или административные) инструменты, воздействующие на его трансграничное движение. Эти меры могут распространяться либо на всех хозяйствующих субъектов, либо только на институты финансового сектора, либо на предприятия стратегически важных отраслей.

К типичным инструментам контроля за потоками капитала относятся: налоги на финансовые потоки нерезидентов; невознаграждаемые повышенные резервные требования на валютные пассивы; специальные лицензионные требования, ограничивающие доступ на внутренний финансовый рынок или выход на внешние рынки; прямые лимиты и/или запреты на те или иные операции, связанные с движением капитала. Инструменты могут применяться унифицированно ко всем трансграничным потокам или дифференцированно по их типам (общественный и частный капитал, прямые и портфельные инвестиции, краткосрочный и долгосрочный потоки).

В настоящее время для снижения излишней волатильности на внутреннем финансовом рынке Банку России целесообразно использовать следующие инструменты контроля за движением трансграничного капитала:

- повышенные резервные требования на банковские пассивы в иностранной валюте, дифференцированные по критерию валюты номинала;
- налог на оптовые валютные пассивы и невознаграждаемые резервные требования банков или норматив максимальной доли таких пассивов в совокупных пассивах кредитных организаций;
- нормативы — сумма кредита/стоимость обеспечения (LTV) и сумма долга/доход заемщика (DTI), корректируемые в зависимости от используемых валют и отраслевой принадлежности заемщика;
- лимиты курсовых разрывов в валютах и валютных разрывов по срочности (например, норматив инвалютной ликвидности);
- максимальные лимиты на инвалютные кредиты в совокупном кредитном портфеле кредитных организаций;
- лимиты на кредиты или темпы роста кредитов по видам деятельности заемщиков;
- лимиты чистой открытой валютной позиции или инвалютных разрывов для всех финансовых посредников;

- налог на волатильное (спекулятивное) фондирование.

Некоторые из перечисленных инструментов Банк России активно применял в период финансового кризиса 2008 г., чтобы остановить масштабный отток капитала из страны. В частности, в условиях затруднения привлечения средств на рынке межбанковских кредитов (в том числе формирования цепочек неплатежей по операциям междилерского РЕПО) в совокупности с критическим ухудшением ситуации на рынке ценных бумаг (резкое снижение котировок акций и облигаций российских эмитентов и основных фондовых индексов, приостановка торгов на российских биржах) Банк России осуществил ряд мер, направленных на дестимулирование оттока капитала: на 2 п.п. были повышены процентные ставки по сделкам «валютный своп» (рублевая часть) сроком на 1 день — до 10% годовых; на 0,5 п.п. — по депозитным операциям Банка России на стандартных условиях «том-некст», «spot-некст», «до востребования» (до 4,25% годовых), на стандартных условиях «1 неделя», «spot-неделя» (до 4,75% годовых).

В настоящее время для Банка России лучше оставаться в рамках «мягкой» привязки рубля к бивалютной корзине, периодически сопровождая данный режим такими мерами, например, как запрет торгов инструментом VKTRUB_TOM; предоставление кредитов в иностранной валюте, обеспеченных залогом права требования по кредитным договорам в иностранной валюте (для поддержки российских экспортеров); установление лимита по предоставлению рублевой ликвидности по операциям «валютный своп»; введение сделок РЕПО в иностранной валюте (на 1 день, 28 дней и 12 месяцев), ставки по которым должны быть существенно ниже ставок по сделкам РЕПО в национальной валюте. Все эти меры должны способствовать снижению спекулятивного давления на обменный курс рубля, обусловленный стремительным ростом потребности участников рынка в дополнительной инвалютной ликвидности.

Выводы

Анализ кредитного потенциала банковского сектора России показывает, что у российских банков есть недоиспользованный внутренний резерв, который может быть предоставлен в форме кредита предприятиям нефинансового сектора и населению

для развития и модернизации. Вовлечение данных средств в хозяйственный оборот не потребует дополнительной денежной эмиссии, а следовательно, не будут формироваться инфляционные ожидания в экономике.

Модернизацию российской экономики можно профинансировать не за счет роста кредитной эмиссии Центрального банка (например, программ рефинансирования под нерыночные активы), а за счет регулирования масштабного притока и оттока в экономику России частного (иностранного и отечественного) капитала через изменения в политике управления финансовым счетом платежного баланса страны.

Банку России для снижения излишней волатильности на внутреннем финансовом рынке целесообразно использовать инструменты капитального контроля (прямые и косвенные), воздействующие на трансграничное движение капитала и ограничивающие притоки/оттоки спекулятивного капитала в экономике России.

Литература

1. Замараев Б., Назарова А., Суханов Е. Финансовые ограничения вслед за инвестиционной паузой // Вопросы экономики. 2014. С. 4–43.
2. URL: www.baltpp.ru/a/2014/04/24/Pribil_rossijskih_kompan/
3. Обзор финансовой стабильности. М.: Центральный банк Российской Федерации (Банк России), 2014 (октябрь). С. 31–32.
4. Андришин С.А. Денежно-кредитная политика Банка России и экономический рост // Банковское дело. 2014. № 6. С. 22–23.
5. URL: <http://politobzor.net/show-41711-pri-makov-edinstvennaya-alternativa-dlya-rossii-opora-na-vnutrennie-rezervy-i-vozmozhnosti.html>.
6. Plosser Ch. I. The Scope and Responsibilities of Monetary Policy // G10 2011 Global Conference Series: Monetary Policy and Central Banking in the Post-Crisis Environment, The Central Bank of Chile, Santiago, Chile, January 17, 2011.
7. Borio C., McCauley R., McGuire P. Global Credit and Domestic Credit Booms // BIS Quarterly Review, 2011, September, P. 43–57; Magud N.E., Reinhart C.M., Vesperoni E.R. Capital Inflows, Exchange Rate Flexibility, and Credit Booms // IMF Working Paper, 2012, No. 41.
8. Dell’Ariccia G., Igan D., Laeven L., Hui Tong, Bakker B., Vandenbussche J. Policies for Mac-

- rofinancial Stability: How to Deal with Credit Booms // IMF Staff discussion note, 2012, N 6.
9. Глазьев С. Санкции США и политика Банка России: двойной удар по национальной экономике // Вопросы экономики. 2014. № 9. С. 13–29.
 10. Rey H. Dilemma not Trilemma: The Global Financial Cycle and Monetary Policy Independence // Paper presented at the Federal Reserve Bank of Kansas City Economic Policy Symposium. Jackson Hole, Wyoming, 2013.
 11. Al-Sadig Ali J. Outward Foreign Direct Investment and Domestic Investment: The Case of Developing Countries // IMF Working Paper, 2013, No 52.
 12. Ostry J.D., Ghosh A.R., Habermeier K., Chamon M., Qureshi M.S., Laeven L., Kokenyne A. Managing Capital Inflows: What Tools to Use? // IMF Staff Discussion Note, 2011, No 6.
 13. Korinek A. The New Economics of Prudential Capital Controls // IMF Economic Review, 2011, Vol. 59, No 3. P. 523–561.
 14. Sharma S.D. The Malaysian Capital Control Regime of 1998: Implementation, Effectiveness, and Lessons // Asian Perspective, 2003, Vol. 276, No 1. P. 77–108.
 15. Farhi E., Werning I. Dilemma not Trilemma? Capital Controls and Exchange Rates with Volatile Capital Flows // Paper presented at the 14th Jacques Polak Annual Research Conference hosted by the International Monetary Fund, 2013.
 16. Saborowski C., Sanya S., Weisfeld H., Yopez J. Effectiveness of Capital Outflow Restrictions // IMF Working Paper, 2014, No 8.
 - opora-na-vnutrennie-rezervy-i-vozmozhnosti.html.
 6. Plosser Ch. I. The Scope and Responsibilities of Monetary Policy // GIC 2011 Global Conference Series: Monetary Policy and Central Banking in the Post-Crisis Environment, The Central Bank of Chile, Santiago, Chile, January 17, 2011.
 7. Borio C., McCauley R., McGuire P. Global Credit and Domestic Credit Booms // BIS Quarterly Review, 2011, September, P. 43–57; Magud N.E., Reinhart C.M., Vesperoni E.R. Capital Inflows, Exchange Rate Flexibility, and Credit Booms // IMF Working Paper, 2012, No. 41.
 8. Dell’Ariccia G., Igan D., Laeven L., Hui Tong, Bakker B., Vandebussche J. Policies for Macroeconomic Stability: How to Deal with Credit Booms // IMF Staff discussion note, 2012, N 6.
 9. Glaz’ev S. US sanctions and the policy of the Bank of Russia: a double blow to the national economy [Sanktsii SShA i politika Banka Rossii: dvoynoy udar po natsional’noy ekonomike // Vo-prosy ekonomiki], 2014, № 9, P. 13–29.
 10. Rey H. Dilemma not Trilemma: The Global Financial Cycle and Monetary Policy Independence // Paper presented at the Federal Reserve Bank of Kansas City Economic Policy Symposium. Jackson Hole, Wyoming, 2013.
 11. Al-Sadig Ali J. Outward Foreign Direct Investment and Domestic Investment: The Case of Developing Countries // IMF Working Paper, 2013, No 52.
 12. Ostry J.D., Ghosh A.R., Habermeier K., Chamon M., Qureshi M.S., Laeven L., Kokenyne A. Managing Capital Inflows: What Tools to Use? // IMF Staff Discussion Note, 2011, No 6.
 13. Korinek A. The New Economics of Prudential Capital Controls // IMF Economic Review, 2011, Vol. 59, No 3. P. 523–561.
 14. Sharma S.D. The Malaysian Capital Control Regime of 1998: Implementation, Effectiveness, and Lessons // Asian Perspective, 2003, Vol. 276, No 1. P. 77–108.
 15. Farhi E., Werning I. Dilemma not Trilemma? Capital Controls and Exchange Rates with Volatile Capital Flows // Paper presented at the 14th Jacques Polak Annual Research Conference hosted by the International Monetary Fund, 2013.
 16. Saborowski C., Sanya S., Weisfeld H., Yopez J. Effectiveness of Capital Outflow Restrictions // IMF Working Paper, 2014, No 8.

References

1. Zamaraev B., Nazarova A., Sukhanov E. Financial constraints following the investment pause. [Finansovye ogranicheniya vsled za investitsionnoy pazoy // Voprosy ekonomiki], 2014, P. 4–43.
2. www.baltpp.ru/a/2014/04/24/Pribil_rossijskih_kompan/
3. Financial Stability Review. [Obzor finansovoy stabil’nosti]. Bank Rossii, 2014, Oktyabr», P. 31–32.
4. Andryushin S.A. Monetary policy of the Bank of Russia and economic growth. [Denezhno-kreditnaya politika Banka Rossii i ekonomicheskiy rost] // Bankovskoe delo, 2014, № 6, P. 22–23.
5. URL: <http://politobzor.net/show-41711-pri-makov-edinstvennaya-alternativa-dlya-rossii->
6. Plosser Ch. I. The Scope and Responsibilities of Monetary Policy // GIC 2011 Global Conference Series: Monetary Policy and Central Banking in the Post-Crisis Environment, The Central Bank of Chile, Santiago, Chile, January 17, 2011.
7. Borio C., McCauley R., McGuire P. Global Credit and Domestic Credit Booms // BIS Quarterly Review, 2011, September, P. 43–57; Magud N.E., Reinhart C.M., Vesperoni E.R. Capital Inflows, Exchange Rate Flexibility, and Credit Booms // IMF Working Paper, 2012, No. 41.
8. Dell’Ariccia G., Igan D., Laeven L., Hui Tong, Bakker B., Vandebussche J. Policies for Macroeconomic Stability: How to Deal with Credit Booms // IMF Staff discussion note, 2012, N 6.
9. Glaz’ev S. US sanctions and the policy of the Bank of Russia: a double blow to the national economy [Sanktsii SShA i politika Banka Rossii: dvoynoy udar po natsional’noy ekonomike // Vo-prosy ekonomiki], 2014, № 9, P. 13–29.
10. Rey H. Dilemma not Trilemma: The Global Financial Cycle and Monetary Policy Independence // Paper presented at the Federal Reserve Bank of Kansas City Economic Policy Symposium. Jackson Hole, Wyoming, 2013.
11. Al-Sadig Ali J. Outward Foreign Direct Investment and Domestic Investment: The Case of Developing Countries // IMF Working Paper, 2013, No 52.
12. Ostry J.D., Ghosh A.R., Habermeier K., Chamon M., Qureshi M.S., Laeven L., Kokenyne A. Managing Capital Inflows: What Tools to Use? // IMF Staff Discussion Note, 2011, No 6.
13. Korinek A. The New Economics of Prudential Capital Controls // IMF Economic Review, 2011, Vol. 59, No 3. P. 523–561.
14. Sharma S.D. The Malaysian Capital Control Regime of 1998: Implementation, Effectiveness, and Lessons // Asian Perspective, 2003, Vol. 276, No 1. P. 77–108.
15. Farhi E., Werning I. Dilemma not Trilemma? Capital Controls and Exchange Rates with Volatile Capital Flows // Paper presented at the 14th Jacques Polak Annual Research Conference hosted by the International Monetary Fund, 2013.
16. Saborowski C., Sanya S., Weisfeld H., Yopez J. Effectiveness of Capital Outflow Restrictions // IMF Working Paper, 2014, No 8.

УДК 338.1

Курсовая политика Банка России и выбор режима обменного курса

КУЗНЕЦОВА ВАЛЕНТИНА ВИЛЬЕВНА,*канд. истор. наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова**E-mail: vkuz_55@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются современная курсовая политика Банка России, факторы, влияющие на выбор режима обменного курса, валютные интервенции и их эффективность, а также меры, способствующие снижению излишней волатильности обменного курса рубля. Автор полагает, что российская валютная политика нуждается в радикальных изменениях.

Ключевые слова: Банк России, политика обменного курса, режимы обменного курса, валютные интервенции, валютные резервы, волатильность обменного курса.

Bank of Russia's exchange rate police and option of exchange rate regime

KUZNETSOVA VALENTINA VIL'EVNA,*PhD in History, Lecturer, M.V. Lomonosov Moscow State University**E-mail: vkuz_55@mail.ru*

Abstract. The article devotes to such issues as the Russian current exchange rate police, the affected to exchange rate regime option factors, currency interventions, and aiming to smoothing extreme exchange rate volatility measures. The author supposes that the Russian exchange rate police needs to be radically changed.

Keywords: Bank of Russia, exchange rate police, exchange rate regimes, foreign exchange market intervention, exchange rate volatility, official foreign currency reserves.

За последние почти четверть века в нашей стране несколько раз менялась курсовая политика. Национальная экономика пережила применение почти всего спектра возможных режимов обменного курса [1]. В 1990-х годах выбор «оптимального» режима номинального обменного курса реализовывался методом проб и ошибок. После использования режима жесткой привязки к единственной иностранной валюте-якорю (доллару США) и системы множественности курсов (в зависимости от целей спроса на иностранную валюту) был период управления обменным курсом рубля в рамках нисходящего коридора. В тот период каждый новый вариант курсовой политики завершался крахом, переходящим в разные по масштабам и глубине кризисы.

После системного кризиса 1998–1999 гг., относительно непродолжительного периода ужесточения валютного регулирования и усиления валютных ограничений в начале 2000-х годов был принят курс на постепенную либерализацию валютной политики. Обменный (эффективный) курс рубля стал устанавливаться по отношению к бивалютной корзине, веса валют в которой со временем сложились как 55% для доллара США и 45% — для евро. После переходного периода (2003–2007 гг.) были устранены административные валютные ограничения, а капитальные валютные операции либерализованы. По степени зарегулированности валютных операций наша страна совершила быстрый переход от разрешительного порядка трансграничных операций

к свободному трансграничному перемещению капиталов. Но при этом обменный курс рубля оставался регулируемым.

Формально Банк России продолжал таргетировать эффективный курс рубля, устанавливая его желательные значения в положении о единой государственной денежно-кредитной политике. Но направление, в котором Банк России намерен направлять движение обменного курса в среднесрочной перспективе, хозяйствующие субъекты не могли заранее спрогнозировать. Периоды, когда Банк России сдерживал слишком быстрое укрепление национальной валюты, сменялись периодами противодействия нежелательной девальвации. В результате формально провозглашаемая политика обменного курса не совпадала с фактически осуществляемой, которая могла резко и значительно меняться в течение года.

Непрогнозируемость направления, в котором Банк России на практике намерен регулировать обменный курс рубля, имела и наблюдаемые негативные последствия для экономической активности, так как политика ценообразования хозяйствующих субъектов учитывала подобный риск. Это, в свою очередь, не позволяло Банку России ни выйти на запланированный уровень темпов инфляции, ни преодолеть долларизацию экономики, т.е. стабилизировать ценовые и валютные ожидания частного сектора. Но, несмотря на то что в стране не были сформированы обязательные предварительные условия, 10 ноября 2014 г. Банк России объявил о переходе на режим гибко плавающего обменного курса.

Теоретические основы курсовой политики Центрального банка

Отказ Банка России от управления номинальным обменным курсом рубля, видимо, опирается на преобладающий в современной монетарной теории подход. Это так называемое «биполярное предписание», сформулированное Стенли Фишером. Согласно этому подходу, для всех стран при выборе режима обменного курса предпочтительно придерживаться либо плавающего режима, либо режима жесткой привязки (валютного союза, валютного совета или жесткой привязки к валюте-якорю либо корзине валют) и избегать, по возможности, применения промежуточных режимов, так как они усиливают восприимчивость национальных экономик к внешним шокам.

В соответствии с данным подходом Банк России, вероятно, полагал, что плавающий режим обменного курса будет функционировать как «встроенный стабилизатор», автоматически устраняя негативные внешние шоки. Действительно, как показывают эмпирические исследования, в период до глобального финансового кризиса на протяжении 2000-х годов в мире росло число стран, переходивших на режим плавающего валютного курса. Их пик пришелся на 2007 г. Но в наибольшей мере это было характерно для развитых экономик. В последующий период, наоборот, стало расти число стран, использующих именно промежуточные режимы обменного курса, при одновременном сокращении числа стран, следующих режимам жесткой привязки. Более того, в посткризисный период даже ряд развитых экономик стал активно управлять обменным курсом национальных валют, так как плавающий режим не позволяет минимизировать потери национальной экономики от падения платежеспособного спроса в условиях экономической рецессии. Экономические решения, эффективные в развитых экономиках, далеко не всегда пригодны для стран с формирующимися рынками. Этому есть несколько объяснений, поскольку плавающий обменный курс эффективен, только если сложилось несколько важных условий:

- в экономике сформировался глубокий и достаточно конкурентный внутренний финансовый рынок, особенно облигационный;
- для хозяйствующих субъектов доступны различные инструменты хеджирования валютных, кредитных и процентных рисков;
- степень переноса изменений в обменном курсе на внутренние потребительские цены незначительна или снижается.

Более того, как показывает зарубежный опыт, для ограничения возможных негативных последствий начального этапа перехода к плавающему режиму обменного курса его следует начинать **не после, а до** либерализации капитальных операций.

В силу вышесказанного страны с формирующимися рынками (именно к этой группе стран относится Россия) отдают предпочтение промежуточным режимам, рассматривая желательный для экономики уровень валютного курса в качестве важного фактора стимулирования экономического роста и поддержания финансовой стабильности [2].

Так, до финансового кризиса 2007–2009 гг. страны с формирующимися рынками (товарные экспортеры), как правило, сдерживали укрепление курсов своих валют с целью стимулировать экспорт, развивать замещение импорта, инфраструктурное строительство или добиваться решения иных задач. И хотя на протяжении 2000-х годов общемировым трендом была постепенная либерализация режимов валютного курса, центральные банки стран с формирующимися рынками даже при быстро растущих экономиках не переходили на плавающий режим. Во время глобального финансового кризиса в силу резко усилившегося оттока частного иностранного и национального капитала валютные интервенции в этих странах были направлены на сдерживание темпа обесценения национальных валют. В посткризисный период страны с формирующимися рынками в основном перешли к менее гибким режимам обменного курса (32% — управляемое плавание, 20% — жесткая привязка, 17% — ползучая привязка, 14% — привязка к корзине валют и т. д., и только 10% — свободное плавание) [3].

Наверное, Банку России в выборе режима обменного курса следует перестать ориентироваться на опыт валютной политики развитых стран и внимательно изучить практику валютного регулирования в странах с формирующимися рынками, больше подходящую к существующим реалиям российской экономики.

Факторы, влияющие на выбор режима обменного курса

В настоящее время для стран с формирующимися рынками проблема выбора режима обменного курса национальной валюты, в наибольшей степени соответствующего потребностям национальной экономики, обретает особое значение. Применяемый режим обменного курса должен одновременно способствовать достижению целей национального развития, предохранять экономику страны от внешних негативных шоков и позволять эффективно воздействовать на макроэкономические показатели — инфляцию, экономический рост и занятость. Но практический выбор режима обменного курса — сложная задача, поскольку у каждого режима есть свои преимущества, ограничения и недостатки.

Последние исследования международных экспертов показали, что режимы жесткой

привязки обменного курса (например, режим валютного совета) позволяют странам с формирующимися рынками в краткосрочном периоде стабилизировать положение на внутреннем финансовом рынке. Но уже в среднесрочной перспективе данный режим не позволяет центральному банку эффективно воздействовать на темпы инфляции, экономический рост и уровень занятости. Для экономик, практикующих подобные режимы, характерны периодические резкие корректировки обменного курса, более продолжительные валютные или финансовые кризисы и затяжные процессы посткризисного восстановления [4].

Учитывая потенциальные негативные последствия режимов жесткой привязки, международные эксперты рекомендовали странам с формирующимися рынками применять режим свободно плавающего обменного курса. Но на практике немногие центральные банки стран с формирующимися рынками следовали данной рекомендации¹. Можно выделить несколько основных причин этого.

В условиях неэффективного или узкого внутреннего финансового рынка режим свободно плавающего плавания не позволяет центральным банкам стран с формирующимися рынками управлять валютными рисками и сглаживать воздействие внешних шоков на национальную экономику и благосостояние. При усилении девальвационного давления данный режим увеличивает вероятность импорта инфляции, ухудшения состояния счетов платежного баланса, негативных изменений в финансовом положении заемщиков, привлечших финансирование в иностранной валюте, а также ведет к удорожанию обслуживания внешнего долга страны и осложнению ситуации в бюджетной сфере. Наоборот, при укреплении национальной валюты снижается конкурентоспособность национального экспорта, ухудшается сальдо внешнеторгового баланса, растет приток в страну иностранного капитала и повышается инвалютная долговая нагрузка корпоративного сектора. В условиях узкого и/или неэффективного внутреннего финансового рынка либо ограниченности имеющихся в распоряжении центрального банка монетарных

¹ В научной литературе даже стало использоваться понятие «боязнь свободного плавания» для обозначения подобной практики.

инструментов ему сложно противостоять подобным негативным тенденциям².

Ретроспективный эмпирический анализ предпочтений стран при выборе режима обменного курса показал, что вне зависимости от уровня социально-экономического развития страны стараются избегать резких колебаний обменных курсов национальных валют. Наоборот, они поддерживают относительно фиксированный обменный курс национальной валюты по отношению к валютам стран, с которыми сложились наиболее тесные экономические связи, в том числе внешнеторговые.

Динамика инфляции. Эмпирические данные показывают, что среди стран с формирующимися рынками наилучшие (относительно низкие и менее изменчивые) показатели темпов инфляции характерны для экономик с режимами фиксированной привязки обменного курса. Но данное преимущество перевешивает тот факт, что данные режимы не позволяют противостоять росту предложения национальных денег, возникающему в силу растущего профицита по текущим операциям платежного баланса, если курс национальной валюты недооценен. В таких условиях центральный банк вынужден наращивать официальные валютные резервы, увеличивая предложение национальных денег. Поэтому в стране периодически ускоряются темпы инфляции, что вынуждает центральный банк проводить резкие и неожиданные урегулирования номинального обменного курса.

Основные преимущества различных режимов привязки обменного курса можно свести к тому, что они позволяют центральному банку воздействовать на ожидания хозяйствующих субъектов. Если последние доверяют его формальному обязательству поддерживать прогнозируемое будущее значение обменного курса национальной валюты, то тем самым центральный банк может сдерживать и темпы будущей инфляции. В прошлом, как правило, когда центральный банк делал

формальное заявление о поддержании обменного курса национальной валюты на уровне, привязанном к определенному целевому значению, он фактически ему следовал. Политика формально объявляемого и практически реализуемого обменного курса совпадала. Но на протяжении 2000-х годов стало увеличиваться расхождение между формально провозглашаемым и фактическим режимами обменного курса.

Одновременно исследования показали, что если при фактическом режиме привязки обменного курса центральный банк не брал на себя твердых формальных обязательств, а лишь следовал им на практике, то ему не удавалось сдерживать девальвационные и инфляционные ожидания хозяйствующих субъектов. Фактическая привязка обменного курса без формальных обязательств центрального банка оказывалась неэффективной.

Воздействие на экономический рост. Ретроспективный анализ показал, что темпы экономического роста были выше в странах, применявших промежуточные режимы обменного курса, главным образом в странах, где центральный банк поддерживал относительно стабильный номинальный курс национальной валюты, формально не привязывая его к единственной валюте-якорю. Более того, если перед страной стоит задача экономической реструктуризации, ускорения выхода из кризисной ситуации или повышения благосостояния, то предпочтительны именно промежуточные режимы обменного курса. Практика центральных банков стран с формирующимися рынками свидетельствует, что промежуточные режимы обменного курса позволяют достигать лучшего баланса между внутренним и внешним развитием, способствуют более высоким темпам роста среднечеловеческого выпуска по сравнению с другими режимами. Но данный вывод международных экспертов справедлив только в отношении стран, не завышавших реальный обменный курс. В противном случае, если обменный курс национальной валюты при режиме жесткой или мягкой привязки завышен, это будет снижать конкурентоспособность национальной продукции, а тем самым тормозить экономическое развитие.

Внешнеторговые связи. Установлено, что между странами — членами валютного союза складываются тесные внешнеторговые связи. Но последние межстрановые исследования показали,

² Например, в условиях финансового кризиса Банк России проводил политику постепенной девальвации рубля за счет: а) включения в расчет открытой валютной позиции забалансовых операций; б) разрешения экспортерам не репатриировать валютную выручку, а напрямую направлять ее на погашение внешних обязательств; в) оказания поддержки валютной ликвидностью как системно важным банкам, так и через ВЭБ крупнейшим предприятиям, столкнувшимся с проблемами в обслуживании внешней задолженности.

что сходным образом развивается торговая интеграция, если страны — торговые партнеры привязывают свои валюты к одной якорной валюте. Поэтому для развития торговой интеграции странам менее выгодны промежуточные режимы обменного курса. Одновременно было также обнаружено, что в странах с формирующимися рынками (исключая периоды кризисов и стрессов) потоки капиталов при привязанных и промежуточных режимах обменного курса в большей мере способствуют росту потребления, чем потоки капиталов при режимах плавающего курса. Одно из возможных объяснений этой особенности состоит в следующем. При более жестких режимах волатильность реального обменного курса меньше, что способствует более «стабильным» формам потоков капитала (таким как прямые иностранные инвестиции). Тогда как при режимах плавающего обменного курса могут доминировать «горячие деньги» портфельных инвестиций, оказывающие негативное воздействие на внутреннее потребление.

В целом, как показывают результаты масштабных исследований международных экспертов (187 стран — членов МВФ), режимы с различными формами привязки обменного курса национальной валюты на долгосрочном временном интервале позволяют странам с формирующимися рынками добиваться более низких темпов инфляции, более низкой волатильности номинального и реального обменного курса, большей торговой открытости [5]. Все это вместе позволяет поддерживать им более высокие темпы экономического роста, чем в странах, следующих иным режимам обменного курса. В то же время, учитывая возрастающую роль и динамику международных финансовых притоков/оттоков капитала (прямых и портфельных инвестиций, международных кредитов и трансфертов), большинство центральных банков стран с формирующимися рынками столкнулись в последнее время с проблемой сильной волатильности своих обменных курсов. Это побудило центральные банки данной группы стран пересмотреть свои стратегии инвалютных интервенций.

Валютные интервенции и их частота

Практически все национальные центральные банки проводят валютные интервенции, преследуя различные цели, среди которых принято выделять интервенции для:

- сглаживания краткосрочных колебаний обменного курса, оцениваемых монетарными властями как «неверные» или нежелательные;
- аккумуляции валютных резервов в объемах, обеспечивающих национальной экономике нужный запас прочности;
- повышения международной конкурентоспособности национальных предприятий [6];
- насыщения рынков валютной и национальной ликвидностью;
- достижения целей монетарной политики при таргетировании инфляции.

Перечисленные цели валютных интервенций не являются взаимно исключаемыми. В каждый данный момент времени национальный центральный банк может стараться одновременно решить несколько задач. Например, центральный банк может проводить интервенции с целью наращивания валютных резервов, которые потом предполагает использовать и для формирования подушки безопасности, и для повышения конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей. Но вне зависимости от преследуемых целей при проведении валютных интервенций центральные банки учитывают каналы их воздействия на участников финансового рынка и реальный сектор экономики, а также степень воздействия, подбирая тактику и методы вмешательства.

Результаты эмпирических исследований показывают, что:

- процесс формирования нужных центральному банку ожиданий носит нелинейный характер, а их усиленное формирование может давать обратный результат;
- стерилизованные валютные интервенции не направляют ближайшие ожидания участников в планируемом центральным банком направлении;
- первоначально валютные интервенции оказывают воздействие на краткосрочные прогнозы динамики обменного курса;
- помимо валютных интервенций, для формирования нужных центральному банку ожиданий следует учитывать процентный дифференциал по отношению к базовой ставке в США и величину суверенной рискованной премии;
- для успешности валютных интервенций необходимо как можно большее ограничение спекулятивных сделок на внутреннем валютном рынке и применение стратегий типа *carry trade*.

Указанные моменты Банк России не учитывал при определении своей тактики и инструментов

валютных интервенций до 10 ноября 2014 г. Более того, реализованная Банком России тактика валютных интервенций на протяжении большей части 2014 г. не формировала у участников рынка нужные центральному банку ожидания. По сути, она указывала на возможность получения коммерческими банками быстрых дополнительных доходов в условиях сужения процентной маржи и нарастания числа убыточных кредитов.

В ноябре 2014 г. Банк России вместо изменения тактики валютных интервенций объявил о переходе на плавающий обменный курс, хотя условия для этого не были сформированы. Это спровоцировало паническое бегство от рубля не только резидентов, но и стран — членов Таможенного союза. В результате Банк России был вынужден проводить валютные интервенции не для «ограничения чрезмерных колебаний рублевой стоимости бивалютной корзины на внутреннем рынке», а для предотвращения катастрофического обвала рубля, недопустимого сжатия рублевого рынка денег и восстановления относительного доверия на межбанковских рынках. После 10 ноября 2014 г. и количество валютных интервенций, и их масштабы стали возрастать и сильно зависеть от поведения участников финансового рынка. В резко ухудшившихся условиях «пожарная» стабилизация ситуации стала основным приоритетом монетарной политики Банка России, в том числе и за счет средств налогоплательщиков.

Международный опыт стран с формирующимися рынками показывает, что до 80% всех центральных банков этой группы стран считают важным приоритетом монетарной политики сдерживание спекулятивного давления на обменный курс национальной валюты. Причем многие центральные банки (за счет использования валютных резервов страны) проводят интервенции с целью уменьшения резкой волатильности притоков/оттоков капитала, тем самым корректируя чрезмерное укрепление (обесценение) национальной валюты [7].

Выбор частоты и объемов интервенций Банка России на внутреннем валютном рынке должен не подрывать, а способствовать снижению валютных рисков для макроэкономической и финансовой стабильности. Во-первых, валютные интервенции могут ограничивать текущее воздействие на номинальный обменный курс притоков/оттоков капитала, но только если они носят спекулятивный или циклический характер (в отличие от

фундаментальных или структурных факторов). Во-вторых, частота и размер интервенций зависят от типа притока/оттока капитала (прямые или портфельные иностранные инвестиции, кредиты или трансферты). Установлено, что большинство центральных банков считают, что если притоки капитала в основном являются прямыми иностранными инвестициями, следует позволить обменному курсу найти новый равновесный уровень. В то же время портфельные инвестиции (особенно краткосрочные) следует рассматривать как потенциальный источник излишней волатильности обменного курса и/или совокупного валютного риска для национальной экономики. Порождаемые ими проблемы во многом зависят от того, привлечены они фундаментальными факторами экономики или циклическими и спекулятивными мотивами. В последнем случае, если центральный банк не ограничивает изменчивость притоков/оттоков портфельных инвестиций, то, по сути, его бездействие в перспективе будет усиливать излишнюю волатильность обменного курса национальной валюты, стимулировать ускорение будущих темпов инфляции и сдерживать экономический рост.

Курсовая политика Банка России в 2010–2014 гг.

В период с 2010 г. по первую половину 2013 г. укрепление реального эффективного курса рубля по отношению к основным иностранным валютам (доллару США и евро) способствовало притоку иностранного капитала в российскую экономику. Об этом свидетельствует, в частности, рост отрицательной величины чистой международной инвестиционной позиции банковского сектора РФ в указанный период. После мая 2013 г. ситуация кардинально изменилась: начался тренд обесценения российской валюты. Тенденция к обесценению рубля наряду с усилением в 2014 г. волатильности обменного курса спровоцировала ускорение оттока капитала из страны (и иностранного, и национального) и резкий рост спроса хозяйствующих субъектов на иностранную валюту.

Первоначально смену тренда динамики обменного курса рубля в 2013 г. большинство экспертов объясняли изменениями в отношении международных инвесторов к валютам всех стран с формирующимися рынками и начавшейся в этой группе экономик нисходящей фазы кредитного цикла [8]. В 2014 г. понижательное

давление на обменный курс рубля стали оказывать не только общие для стран с формирующимися рынками, но и чисто специфические, характерные лишь для России факторы. Тем не менее Банк России, реализуя ранее установленные задачи монетарной политики на 2014 г., следовал курсу на переход от управляемого режима обменного курса рубля на режим гибкого плавания [9].

Исходя из стандартного теоретического подхода (так называемое «биполярное предписание»³), Банк России полагал, что переход к гибко плавающему режиму обменного курса рубля позволит эффективнее абсорбировать негативные внешние шоки и будет способствовать поддержанию макроэкономической и финансовой стабильности в российской экономике.

10 ноября 2014 г. Банк России объявил об отказе от прежней курсовой политики (де-юре относившейся к управляемым режимам) [10], отменив интервал допустимых значений стоимости бивалютной корзины, на границах и за пределами которого он совершал регулярные валютные интервенции. Однако смена режима обменного курса не привела к ожидавшейся Банком России финансовой стабилизации, а наоборот — спровоцировала панику на финансовых рынках. Более того, если исходить из наиболее часто используемого в теоретической литературе определения различных финансовых кризисов, то смена режима обменного курса в нашей стране стала триггером серьезного валютного кризиса, угрожающего перерасти в полномасштабный системный банковский кризис [11].

В 2010–2014 гг. Банк России ставил задачу подготовить условия для перехода к режиму гибкого обменного курса рубля, определяемого фундаментальными макроэкономическими факторами. Но фактически вместо «сокращения прямого вмешательства в механизм курсообразования» он продолжал таргетировать эффективный курс рубля, постоянно проводил масштабные прямые или косвенные (через операции Сбербанка

и других государственных банков) валютные (рублевые) интервенции. Публично раскрываемые Банком России данные не позволяют точно оценить степень административного воздействия таких операций на текущий номинальный курс рубля.

На протяжении всего рассматриваемого периода фактически валютная политика Банка России носила реактивный характер, следуя за колебаниями спроса и предложения на внутреннем валютном рынке. Масштабы и регулярность валютных интервенций, по сути, означали признание Банком России, что он не в состоянии достичь поставленной цели — стабилизировать валютные ожидания (поставить на «якорь»), т.е. создать условия для перехода к плавающему обменному курсу рубля.

Тем не менее Банк России принимает решение о переходе к режиму плавающего валютного курса в неблагоприятных для экономики России внешних и внутренних условиях:

- секторальных внешних санкций;
- замедления темпов экономического роста (фактически начавшейся экономической рецессии);
- ускорения темпов инфляции;
- усиления напряженности в бюджетной системе страны (рост дефицитов региональных и местных бюджетов);
- разветывания валютной паники среди населения и хозяйствующих субъектов;
- погашения значительной внешней задолженности российских корпораций и банков.

Подобное сочетание условий уже само по себе указывало на плохой выбор времени смены режима обменного курса. При этом Банк России оставил за собой возможность проведения операций на внутреннем валютном рынке по сглаживанию чрезмерных колебаний рублевой стоимости бивалютной корзины, не разъяснив, какие колебания номинального обменного курса, по его мнению, являются «чрезмерными».

В результате за два последующих месяца, с 10 ноября 2014 г. по 13 января 2015 г., Банк России для предотвращения краха банковской системы был вынужден провести 15 валютных интервенций на сумму более 13,1 млрд долл., резко увеличить программы рублевого и инвалютного рефинансирования банков. Более того, для относительной нормализации ситуации на национальных финансовых рынках Банку России пришлось

³ В 1999 г. МВФ рекомендовал странам-членам выбирать либо режим фиксированной привязки, включая валютный совет, либо режим гибкого плавания, поскольку, как показывали результаты эконометрического анализа, промежуточные режимы обменного курса делали национальные экономики более уязвимыми перед внешними шоками. На практике лишь в отдельных странах с формирующимися рынками была реализована данная рекомендация, а среди большинства распространилась так называемая «боязнь свободного плавания».

Таблица 1

Динамика обменного курса рубля в 2010–2014 гг.

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014
Номинальный курс доллара США к рублю на конец периода, руб. за 1 долл. США	30,48	32,20	30,37	32,73	56,26
Номинальный курс евро к рублю на конец периода, руб. за 1 евро)	40,33	41,67	40,23	44,97	68,34
Индекс номинального курса рубля к доллару США, % прироста к декабрю предыдущего года	-3,0	-1,9	2,3	-6,5	-40,6
Индекс номинального курса рубля к евро, % прироста к декабрю предыдущего года	7,4	-1,7	2,9	-10,5	-34,1
Индекс реального курса рубля к доллару США, % прироста к декабрю предыдущего года	4,0	1,1	7,2	-2,0	-34,4
Индекс реального курса рубля к евро, % прироста к декабрю предыдущего года	14,5	1,6	7,2	-5,9	-26,7
Индекс реального эффективного курса рубля к иностранным валютам, % прироста к декабрю предыдущего года	6,9	3,8	5,3	-2,8	м27,2

Источник: <http://www.cbr.ru/statistics/print>.

привлекать и ресурсы Министерства финансов РФ, а Правительству призвать крупнейших экспортеров продавать свои инвалютные запасы.

Комплекс мер, на которые был вынужден пойти Банк России для относительной стабилизации ситуации после объявления о переходе на гибко плавающий обменный курс, не соответствует типичным мерам, предпринимаемым центральными банками для сглаживания излишней волатильности обменного курса национальной валюты. Предпринятые меры свидетельствуют о реализации ошибочного управленческого решения о смене режима обменного курса.

Как показывают многочисленные эмпирические исследования, волатильность обменного курса национальной валюты определяется как интенсивностью трансграничных потоков капитала, так и возможными изменениями в поведении участников (резидентов и нерезидентов) финансовых рынков. Интенсивность трансграничных потоков капитала показывает, что, начиная со второй половины 2013 г., наша страна, как и другие страны с формирующимися рынками, столкнулась со значительным оттоком иностранного капитала. В отличие от ряда других стран с формирующимися рынками, в России этот процесс был усугублен неэффективной курсовой политикой Банка России. В результате номинальный и реальный курсы рубля обесценились по отношению к основным иностранным валютам

(доллару США и евро) в существенно большей степени, чем валюты других стран с формирующимися рынками (табл. 1).

Что же касается поведения хозяйствующих субъектов, то ошибочные действия Банка России спровоцировали широкое распространение ожиданий дальнейшей девальвации российского рубля, стремительное возрождение долларизации экономики и усиление валютных рисков.

Меры Банка России и волатильность обменного курса рубля

Меры, принятые Банком России 17 декабря 2014 г. по поддержанию устойчивости российского финансового сектора, не решают фундаментальные проблемы, связанные с дальнейшим обесценением рубля и сильной волатильностью обменного курса. Их условно можно определить как очередное «латание дыр» перекредитованного финансового (банковского) рынка, а именно:

- введение временного моратория на признание отрицательной переоценки по портфелям ценных бумаг банков и некредитных финансовых организаций;
- предоставление банкам временного права использовать при расчете пруденциальных требований по операциям в иностранной валюте средний курс, рассчитанный за предыдущий квартал;
- предоставление банкам инвалютных средств в рамках механизмов валютного РЕПО

и предоставления кредитов, обеспеченных нерыночными активами;

- отсутствие ограничений значения полной стоимости потребительского кредита (займа) при заключении банками и ломбардами договоров потребительского кредита (займа);

- увеличение диапазона стандартного рыночного отклонения процентных ставок по вкладам населения в банках от расчетной средней рыночной максимальной процентной ставки до 3,5 п.п. (вместо предыдущего значения в 2 п.п.);

- предоставление банкам возможности не ухудшать оценку качества обслуживания долга вне зависимости от оценки финансового положения заемщика по ссудам, реструктурированным, например, в случае изменения валюты долга, вне зависимости от изменения срока погашения ссуды (основного долга и/или процентов), размера процентной ставки;

- предоставление банкам возможности принимать решение о неухудшении оценки финансового положения заемщика для целей формирования резервов под потери, если изменения финансового положения обусловлены действием введенных отдельными зарубежными государствами ограничительных экономических и/или политических мер;

- увеличение срока, в течение которого банк вправе не увеличивать размер фактически сформированного резерва по ссудам заемщикам, финансовое положение и/или качество обслуживания долга, и/или качество обеспечения по ссудам которых ухудшилось вследствие возникновения чрезвычайной ситуации с 1 года до 2 лет;

- увеличение срока, в течение которого банк может не формировать резерв на возможные потери по кредитам на реализацию инвестиционных проектов, сохранив при этом иные существующие минимальные требования к размеру резерва, установленные в зависимости от количества лет, отсутствия платежей по инвестиционным кредитам либо поступающих в незначительных размерах;

- отмена повышенного коэффициента риска в отношении ссуд, предоставленных лизинговым и факторинговым компаниям — участникам банковской группы, в состав которой входит банк-кредитор;

- введение пониженного коэффициента взвешивания по риску для номинированных в рублях кредитов российским экспортерам при наличии

договора страхования ЭКСАР (Экспортное страховое агентство России) [12].

В ближайшей перспективе все эти меры приведут к росту «плохих долгов» финансового (банковского) сектора, росту процентного, кредитного, рыночного и валютного рисков, что негативно скажется на обменном курсе рубля, его дальнейшей девальвации и повышенной волатильности. В этом случае потребность в валютных интервенциях будет возрастать, но вести они будут не к установлению «упорядоченных рыночных условий», а к реактивному дискретному («ручному») вмешательству в функционирование национального рынка денег и его валютного сегмента.

Представляется, что в нынешних условиях Банку России предпочтительнее признать очевидное: его формальная попытка перейти на плавающий режим обменного курса рубля была несвоевременной (или провальной) и поэтому следует вернуться к прежней практике режима управляемого плавания. Это позволит частично преодолеть проблему несовпадения юридически установленного и фактически применяемого режимов обменного курса рубля, а тем самым хотя бы частично восстановить доверие к валютной политике центрального банка.

Эффективность управления обменным курсом рубля в новых макроэкономических условиях во многом будет определяться тем, на какие дополнительные меры готов пойти Банк России. Опыт центральных банков стран с формирующимися рынками демонстрирует, что возможно использование широкого спектра дополнительных мер, как фискальных, так и пруденциальных. Так, в качестве примера можно отметить несколько таких дополняющих мер, как:

- ограничение на передачу банками стерилизующих облигаций нефинансовому сектору;

- выплата повышенных процентов по валютным депозитам, хранимым коммерческими банками в центральном банке;

- повышенные резервные требования по депозитам в местной валюте, хранимые нерезидентами;

- сочетание макропруденциальных мер и мер по управлению финансовым счетом платежного баланса;

- сочетание мер управления волатильностью потоков капитала и обменного курса;

- запрет на выделение инвалютных кредитов заемщикам, не получающим инвалютные доходы;

- введение нормативов инвалютной ликвидности;
- установление максимального лимита доли инвалютных пассивов в совокупных пассивах финансовых посредников;
- ограничение доли инвалютных кредитов в совокупном кредитном портфеле финансовых посредников и/или максимальной доли инвалютного кредитования по кредитным продуктам.

Выводы

Практика центральных банков стран с формирующимися рынками свидетельствует, что промежуточные режимы обменного курса позволяют достигать лучшего баланса между внутренним и внешним развитием и способствуют более высоким темпам роста среднедушевого выпуска по сравнению с другими режимами. Особенно они эффективны в периоды стрессовых и кризисных событий. Опыт этой группы стран показывает, что режим обменного курса следует рассматривать как инструмент достижения более общих целей национального развития и снижения рисков финансово-экономической стабильности.

На протяжении 2010–2014 гг. валютная политика Банка России носила реактивный характер, что не позволило ему стабилизировать валютные ожидания (поставить на «якорь») и создать условия для перехода к плавающему обменному курсу рубля. Формальный переход Банка России на гибко плавающий обменный курс в условиях, когда экономика уже вошла в фазу затяжной рецессии и усиления неопределенностей, спровоцировал рост ожиданий дальнейшей девальвации рубля, стремительное возрождение долларизации экономики и усиление валютных рисков.

С учетом относительной неразвитости российского финансового рынка и нехватки инструментов хеджирования рисков Банку России следует отойти от заимствования опыта валютной политики развитых стран и перейти к мерам макропруденциального валютного регулирования, характерным для стран с формирующимися рынками.

Литература

1. Habermeier K., Kokenyne A., Veyrune R., Anderson H. Revised System for the Classification of Exchange Rate Arrangements // IMF working paper, 2009, N 211.
2. Андрияшин С. Перспективы режима таргетирования инфляции в России // Вопросы экономики. 2014. № 11. С. 115–116.

3. Andryushin S. Prospects for inflation targeting in Russia. [Perspektivy rezhimatargetirovaniya in flyatsii v Rossii // Voprosy ekonomiki]. 2014. № 11. С. 115–116.
4. Market Volatility and Foreign Exchange Intervention in EMEs: What Has Changed? // Bank for International Settlements, BIS Papers, 2013, № 73.
5. Combes J.-L., Kinda T., Plane P. Capital Flows, Exchange Rate Flexibility, and the Real Exchange Rate // Working paper, IMF, Wash., 2011, N 9; Ghosh A.R., Ostry J.D. Choosing an Exchange Rate Regime: A new look at an old question: Should countries fix, float, or choose something in between? // Finance & Development, 2009, December, P.38–40; Tsangarides Ch. Crisis and Recovery: Role of the Exchange Rate Regime in Emerging Market Countries // IMF working paper, 2010, N 242.
6. Андрияшин С., Кузнецова В. Курсовая политика центральных банков стран с формирующимся рынком // Вопросы экономики. 2011. № 12. С. 24–27.
7. Andryushin S., Kuznetsova V. Exchange rate policy of the central banks of emerging market countries [Kurovaya politika tsentral'nykh bankov stran s formiruyushchimsya rynkom] // Voprosy ekonomiki. 2011. № 12. С. 24–27.
8. Malloy M. Factors Influencing Emerging Market Central Banks' Decision to Intervene in Foreign Exchange Markets // IMF Working Paper, 2013, № 70.
9. Mohanty M.S. Market volatility and foreign exchange intervention in EMEs: what has changed? An overview.— Market volatility and foreign exchange intervention in EMEs: what has changed? // BIS Papers, 2013, № 73.
10. Global Financial Stability Report Moving from Liquidity- to Growth-Driven Markets, IMF, April, 2014, P.23.
11. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2014 год и период 2015 и 2016 годов // www.cbr.ru.
12. Ghosh A.R., Qureshi M.S., Tsangarides C.G. Friedman Redux: External Adjustment and Exchange Rate Flexibility // IMF Working Paper, 2014, № 146.
13. Laeven L., Valencia F. Systemic Banking Crises Database: An Update // IMF Working Paper, 2012, № 163.
14. http://www.cbr.ru/press/pr.aspx?file=17122014_171432dkp2014-12-17T17_02_49.htm.

УДК 338.1

Оценка угроз сокращения экспортных поставок топливно-энергетических ресурсов*

МАЛОВ ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ,*д-р экон. наук, профессор Новосибирского государственного университета, заведующий сектором Института экономики и организации промышленного производства СО РАН***E-mail:** malov@ieie.nsc.ru**МЕЛЕНТЬЕВ БОРИС ВИКТОРОВИЧ,***д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН***E-mail:** melentev@ieie.nsc.ru**ТАРАСОВА ОЛЬГА ВЛАДИСЛАВОВНА,***канд. экон. наук, научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН***E-mail:** o_alyoshina@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию подходов к оценке экономической безопасности экспортных поставок топливно-энергетических ресурсов в условиях возможного противодействия мирового рынка. Осуществлен анализ возможных компенсационных мероприятий, важнейшим из которых представляется переориентация направлений использования углеводородных ресурсов на преимущественно внутреннее потребление. Перспективной представляется и организация в прибрежных северных районах России заводов по сжижению газа с возможными поставками на мировой рынок морским путем, что позволяет снять некоторые угрозы от неопределенности спроса на этот продукт. В статье анализируются направления взаимодействия разных видов транспорта при освоении новых месторождений Арктической зоны страны. В качестве инструментария количественных оценок используется оптимизационная межотраслевая межрегиональная модель с детализированным блоком транспортных отраслей.

Ключевые слова: безопасность экспортных поставок, народнохозяйственный эффект, Северный морской путь, Северосибирская магистраль, акваториально-производственные комплексы.

Reduction of energy resources export deliveries: threat assessment

MALOV VLADIMIR YURIEVICH,*Doctor of Economics, Professor of Novosibirsk State University, Head of sector of Institute of Economics and Organization of Industry SB RAS***E-mail:** malov@ieie.nsc.ru**MELENTIEV BORIS VICTOROVICH,***Doctor of Economics, leading researcher of the Institute of Economics and Industrial Engineering SD RAS***E-mail:** malov@ieie.nsc.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант 13-02-00413а.

TARASOVA OLGA VLADISLAVOVNA,*PhD in Economics, researcher of the Institute of Economics and Industrial Engineering SD RAS**E-mail: o_alyoshina@inbox.ru*

Abstract. The article investigates the approaches to assessing the economic security of export deliveries of fuel and energy resources in the face of a possible counteraction of the global market. The authors give an analysis of possible compensatory measures, the most important of which is the reorientation of uses of hydrocarbon resources towards the predominantly domestic consumption. It appears promising to organize gas liquefaction plants in the coastal areas of the northern Russia with potential sea deliveries to the world market, thus decreasing some of the threats of the uncertainty of demand for this product. The article analyzes the areas of interaction of different types of transport in the development of new gas fields in the Arctic zone of the country. As a tool of quantitative estimates the authors use an intersectional interregional model of optimization with transport sector detailed in the block.

Keywords: safety of exports, economic effect, the Northern Sea Route, Northern Siberia highway, industrial complexes of aqua territories.

Уже давно проводятся интенсивные исследования в области альтернативных источников энергии. Кроме традиционных ветроустановок, солнечных батарей и атомных станций, сегодня можно назвать биотопливо, водородную энергетику и др. Нельзя сбрасывать со счетов и угольную составляющую топливно-энергетического баланса. Задача резкого улучшения экологических параметров углеэнергетики также не остается без пристального внимания ученых разных стран, а запасы угля, как известно, во много раз превосходят запасы жидких и газообразных углеводородов. Наконец, не будет откровением сказать, что одной из стратегических целей западноевропейских потребителей является диверсификация источников газоснабжения: не только из России, но и из Африки, с Ближнего Востока, из стран Центральной Азии (проект «Набукко»). Создаются и мощные станции по регазификации сжиженного природного газа (СПГ) у берегов Западной Европы, что позволяет расширить зоны влияния морского транспорта газа. Поэтому прогнозирование на перспективу 15–20 лет обязано учитывать вероятности снижения уровня потребностей в российском газе и на западном направлении. Тем более что перспективы поставок сжиженного газа из США (как следствие интенсификации разработок месторождений сланцевого газа) пока не сняты с повестки дня [1].

Не случайно уже сегодня и компании, и многие региональные администрации нефтегазодобывающих регионов озабочены созданием «вторых этажей» переработки углеводородного сырья в целях получения продукции с большей долей добавленной стоимости [2]. Например, правительство Югры нацелено на разработку целевой программы развития газохимии на перспективу до 2030 г. Цель — организация

глубокой переработки нефтяного попутного газа на малых газоперерабатывающих и газохимических установках, причем желательно в Тюменской области [3, 4].

Масштабы газовых проектов полуострова Ямал существенно больше, чем указанные выше, в Югре. Тем важнее предусмотреть «подстроечные мероприятия», позволяющие минимизировать возможные угрозы со стороны рынков Западной Европы в случае резкого сокращения спроса на российский газ. Одним из возможных вариантов является создание на территории России заводов по сжижению газа, что позволяет существенно расширить возможные рынки сбыта. Например, задействовать растущие возможности Северного морского пути для перевозок сжиженного природного газа (СПГ) в страны Юго-Восточной Азии, Индию, западное побережье США и Канады или в ту же Западную Европу. Другие варианты — существенное расширение газоперерабатывающей промышленности в самой России, организация газохимических производств, частичное импортозамещение продукции химико-органического синтеза и организация экспорта этой продукции¹.

В первом варианте («СПГ») предполагаются незначительные изменения пропорций экспортно-импортных операций, связанных с экспортом газа (или природного, или сжиженного) и импортом продукции легкой промышленности. Для исходного варианта принималось, что на 1 руб. вывозимой

¹ Масштабная «обратная» замена угля на газ в энергетике не рассматривается, поскольку мировая тенденция однозначно указывает на растущий интерес к разработке технологий «чистой» угольной энергетики.

продукции (газ) обратно в Россию ввозится также на 1 руб. продукции легкой промышленности. Для случая СПГ вводится предположение, что мировой рынок, так же как и в исходном варианте, потребляет весь предлагаемый Россией газ (уже частично в виде СПГ), но соотношение изменилось: на 1 руб. вывозимой продукции (СПГ) в Россию ввозится на 1,5–2 руб. продукции легкой или пищевой промышленности. Это изменение имитирует переход на более качественную экспортируемую из России продукцию (в данном случае — СПГ вместо природного газа) и отражает соотношение внутрироссийских цен с ценами мирового рынка. При этом в самой России вводятся способы, отражающие строительство заводов по сжижению газа. Регионами такого возможно нового строительства могут стать:

- собственно Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО, где уже строятся завод и морской порт);
- Ненецкий автономный округ (район поселка Индига);
- Архангельская область;
- Мурманская область (поселок Териберка);
- регионы Дальнего Востока (прибрежные районы Хабаровского или Приморского края), куда от месторождений Якутии, Западной Сибири и Восточной Сибири могут быть сооружены газопроводы.

Понятно, что СПГ как более дорогой продукт обходится дороже и российской экономике: требуются и дополнительный квалифицированный труд, и капитальные вложения, и материальные затраты на функционирование новых элементов хозяйства.

Результаты расчетов с помощью оптимизационной межрегиональной межотраслевой модели показали, что в случае резкого (на 100 млрд куб. м) сокращения спроса на наш газ и уже реализованного проекта освоения Ямала совокупные потери по сравнению с исходным вариантом² составят около 860 млрд руб. ВВП ежегодно.

Вариант с освоением газовых месторождений полуострова Ямал и резким ограничением экспорта обеспечит сокращение потерь в размере около 720 млрд руб. ВВП, т.е. «чистые» потери от исходного варианта составят только 140 млрд руб. Потребность в новых рабочих местах возрастет на 27 тыс. человек, в основном в Северо-Западном федеральном округе. Увеличится объем работы морского транспорта (на 24 млрд руб.) и погрузочно-разгрузочных работ

(на 18 млрд руб.). Если основным направлением экспортных поставок СПГ станет Юго-Восточная Азия, то равноэффективным вариантом (наряду с вариантом сжижения газа в Северо-Западном федеральном округе и транспортировкой по Северному морскому пути) будет создание газопровода Восточная Сибирь–Дальний Восток со строительством на востоке страны новых заводов СПГ со специальными портовыми сооружениями для отгрузки сжиженного газа.

Вариант «Газохим» предусматривает возможность создания на территории России (как варианты — Тюменская область, Поволжье и регионы Восточной Сибири) производств по глубокой переработке газа с последующей отправкой значительной части этой продукции на экспорт. При этом сокращение на 1 руб. экспорта непереработанного газа компенсируется таким же объемом экспорта продукции «Газохим»-комплекса, но возвращаются уже 2–3 руб. импорта продукции машиностроения и легкой промышленности. В результате реализации этого варианта можно ожидать сокращение «чистых» потерь от исходного варианта до 70 млрд руб., т.е. еще более заметное «снятие» угрозы сжатия рынка газа³. Конечно, при этом подразумевается, что мировой рынок продукции химико-органического синтеза способен дополнительно принять продукцию российских предприятий. Численность занятых в экономике страны возрастает на 58 тыс. человек. Объем работы морского транспорта растет незначительно — всего на 6 млрд руб., но на 14 млрд руб. возрастают объемы работ железнодорожного транспорта, а автомобильного — еще на 12 млрд руб.

Поскольку предложение труда во всей экономике страны считается величиной постоянной (от варианта к варианту), рост потребностей в трудовых ресурсах на предприятиях газохимического комплекса ведет к потере рабочих мест (т.е. не будут создаваться новые) в отраслях, производивших по исходному варианту импортируемую продукцию (машиностроение и легкая промышленность). Причем сокращение происходит в регионах Урала и Центральной России. Следовательно, вариант «Газохим» требует дополнительных обоснований по направлениям трансформации пространственной структуры хозяйства и согласования интересов корпораций и регионов. Так, например, планы правительства Югры создать газохимический комплекс непременно на своей территории объективно упираются в проблему

² Исходный вариант предполагает стабильность внешнего рынка, т.е. экспорт газа гарантирует соответствующий импорт продукции легкой промышленности.

³ Об угрозах России со стороны спроса на энергоресурсы см., например, [5].

конкурентоспособности новых объектов по сравнению с существующими в Тобольске, т.е. в соседнем регионе той же Западной Сибири. Понимая всю сложность обоснования своего «родного» варианта, правительство акцентирует внимание на значительных дополнительных доходах в местный бюджет. При этом, естественно, умалчивается, что доходы в бюджеты всех уровней могли бы быть значительно больше в случае размещения такого объекта в южных районах Тюменской области в силу существенно лучших условий и строительства, и функционирования, и, конечно, условий жизни населения.

Таким образом, предпочтительными подстроеными вариантами следует считать те, которые ориентированы на расширение внутреннего рынка страны, на создание в России комплекса глубокой переработки газа и выпуска продукции с большей долей добавленной стоимости. Эти варианты наилучшим образом позволяют минимизировать «сбои» в потребностях мирового рынка при возможной переориентации части западноевропейских потребителей либо на другие источники газа, либо на другие энергоносители. Неизбежные потери объясняются тем, что трудоемкость «газового экспорта» меньше, чем у «СПГ» или «Газохим». Иначе говоря, при равных объемах экспорта (пусть и разных видов продуктов) и равном количестве трудовых ресурсов последнее, казалось бы, могут быть использованы более рационально, но при этом существенно возрастает риск потерь в случаях колебаний спроса на мировых рынках. Поскольку вариант «Газохим» требует длительного периода реализации, то, вероятно, в период 2010–2020 гг. следует ориентироваться на вариант «СПГ», считая его «промежуточным» по времени, т.е. на период, пока не будет создан более емкий внутренний рынок газа.

В этой связи крайне примечателен факт активизации в настоящее время деятельности газовых компаний на Ямале в части проектов создания там завода по сжижению газа и дальнейшей его транспортировке по СМП. Ключевым элементом этого проекта является строительство порта Сабетта на восточном побережье полуострова Ямал. Этот порт действительно может считаться уникальным местом для базы по переработке газа (в СПГ) и его отправке на экспорт, причем как на Восток, так и на Запад.

Строящийся завод по сжижению газа расположен в непосредственной близости от месторождений, промышленные ресурсы которых исчисляются триллионами кубометров. Поэтому срок его функционирования составит много десятилетий. Это означает,

что гарантирован груз для газозавозов большой вместимости, что резко поднимет эффективность транспортировок. Кроме того, здесь же возможны (также на основе местных ресурсов) добыча и переработка конденсата для получения разнообразных нефтепродуктов. Объемы этой продукции оцениваются в 3–5 млн т в год. Часть из них может быть направлена на экспорт, а часть в виде горюче-смазочных материалов сможет удовлетворить значительную долю потребности приарктических территорий, в основном в восточном крыле СМП. Это позволит отказаться от дорогостоящего и не всегда гарантированного северного завоза из южных регионов. В сумме объем работы порта Сабетта может быть оценен в 18–20 млн т (на перспективу 2030 г.).

Заметим, что даже 10 млн т способны сделать СМП экономически рентабельным. Следовательно, обоснование целесообразности порта Сабетта как одного из важнейших на СМП доказывается уже только одной углеводородной составляющей грузовой работы. Подчеркнем, что эффективность работы порта и всего СМП существенно повышается, если порт будет ориентирован не только на СПГ, но и на другие виды экспортных товаров. Важно отметить и то, что функционирование порта Сабетта возможно и без строительства железнодорожной ветки от Бованенково: подвоз строительных материалов и модулей возможен с моря (Обской губы). В любом случае порт Сабетта может считаться реальным примером и «импульсом» для нового этапа развития Северного морского пути, возрождения как старых портов на СМП (Амдерма, Дудинка, Диксон, Хатанга, Тикси, Певек), так и создания новых пунктов прибрежной инфраструктуры в ресурсных регионах Арктической зоны России. Например, порто-пункта в устье реки Анабар (северо-запад Якутии) для освоения Томторского уникального месторождения редкоземельных элементов и Попигаевского месторождения импактных технических алмазов [6].

Превращение порта Сабетта в многофункциональный, т.е. обслуживающий и угольные, и лесные, и контейнерные грузы, сегодня не является однозначно определенным. Возможно, варианты новых портов на Белом и Баренцевом морях для этих видов грузов будут предпочтительнее, хотя пока в них еще нет непосредственной заинтересованности реальных инвесторов. Здесь предстоит еще большая работа по исследованию потенциальных грузополучателей в странах Европы и Юго-Восточной Азии, а также оценка тарифов на использование мощностей разных портов.

Кроме того, в контексте описанного выше СПГ-сценария развития экономики России конкуренция портов за грузы очень близка с задачей выбора площадки для СПГ-заводов. Так, с целью снижения потерь при реализации угроз сокращения экспортных поставок природного газа с месторождения Бованенково часть добываемого газа может быть направлена по трубопроводу на завод по сжижению в районе поселка Индига или же на строящийся завод в районе поселка Сабетта. Наличие в этих пунктах морских портов в любом из вариантов будет служить диверсификации возможностей экспорта.

В первом случае стоит задача поиска взаимодействия компаний — двух основных лидеров газовой отрасли России: ОАО «Газпром» и ОАО «НОВАТЭК». Локализация эффектов от всего комплекса взаимосвязанных проектов «месторождение–трубопровод–газопереработка–порт» происходит на территории ЯНАО, с учетом существующей «прописки» компаний. Во втором случае требуется согласование интересов соседних субъектов Федерации — ЯНАО и Ненецкого АО (в составе Архангельской области). Следует добавить, что развитие порта Индига, с одной стороны, как элемента СМП, с другой — как конечного пункта прогнозируемого железнодорожного пути (СевСиб), может иметь стратегическое преимущество.

В целом многие из портов на СМП будут иметь (и уже имеют) двойное назначение: и хозяйственное, и оборонное. Хозяйственное освоение регионов Севера и Арктической зоны логично сочетается с решением проблемы национальной (стратегической) и транспортной безопасности РФ [7]. Это связано прежде всего с тем, что транспортные магистрали, тем более такого масштаба, как СМП, могут одновременно служить и как хозяйственные, и как стратегические коммуникации. Сегодня, как и в 1930-е годы, арктическое направление геополитических интересов России становится крайне актуальным. И вновь приходится с благодарностью вспоминать тех политических деятелей прошлого, кто вопреки коммерческим интересам не считал издержки по освоению Севера СССР бросовыми, экономически не оправданными. Деятельность СМП выходила далеко за рамки просто хозяйственной артерии. Это был выход СССР в мировой океан, а с развитием авиации — и в мировую азоторию, причем (на что указывали еще основатели геополитики XIX в.) это была «эксклюзивная возможность только СССР».

На этом направлении наша страна не знала конкурентов, и оно являлось неподконтрольным ни

одному другому государству. Следовательно, служило гарантией безопасности и стратегической, и транспортно- [8]. В настоящее время в Арктической зоне России известны источники ресурсов, которые уже определяют технический прогресс XXI в. и которым нет аналогов в нашей стране. СМП — ближайший путь к этим ресурсам, и надо только найти наилучший вариант консолидации интересов всех сторон в освоении северных регионов: государства, регионов, бизнеса, населения.

Предложение организовать сеть территорий опережающего развития (ТОР⁴) как особую форму территориальной организации производительных сил, в том числе в зоне влияния СМП, можно только приветствовать. Однако не лишне вспомнить, что ТОР — это один из вариантов ранее предлагаемых территориально-производственных комплексов (ТПК), которым присущи свойство реализации определенной цели государственного уровня значимости; особые институциональные условия формирования и функционирования; наличие программы развития, сбалансированной по ресурсам и выстроенной во времени.

Для арктических условий, в которых именно морской транспорт является определяющим, предлагается такая форма организации территориального развития, как акваториально-производственные комплексы (АТПК) [9]. Причем важно подчеркнуть, что АТПК возможен и как межрегиональное образование, в котором разные его части (и соответственно проекты) находятся в разных субъектах Федерации [10]. Последнее затрудняет взаимодействие региональных властей и бизнеса. Поэтому только наличие государственной политической воли может решить эту проблему с минимальными транзакционными и временными издержками.

Формирование транспортной сети должно соответствовать тенденциям развития территориально-отраслевой структуры хозяйства. Перспективные ресурсные и обрабатывающие проекты высокой народнохозяйственной значимости, обсуждаемые выше, могут существенно изменить потребности в инфраструктурном обустройстве в первую очередь территорий и акваторий Арктической зоны России. При этом экономика арктических регионов не должна и не может быть автономной, самодостаточной. Хозяйственные связи с остальными регионами России и другими странами являются необходимым

⁴ В соответствии с Посланием Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2013.

условием повышения экономической эффективности капиталоемких северных проектов. В данном контексте декларируемая в последнее время Правительством РФ ориентация экономики на укрепление экономического потенциала Сибири и Дальнего Востока, на интенсификацию внешнеэкономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона делает вопрос о комплексной оценке взаимосвязанных крупных ресурсных и инфраструктурных проектов более актуальным.

Если СМП представляет собой самый короткий морской коридор на линии Европа–Азия, то сухопутный коридор мог бы быть сформирован на основе Транссибирской магистрали, как это неоднократно предлагалось в периоды «потепления» международных отношений на протяжении последних 100 лет. Правда, сейчас, как и 100 лет тому назад, оказывается, что провозные способности Транссиба не идут ни в какое сравнение с возможностями транзита по морю.

В пользу транссибирского варианта мог бы «голосовать» фактор скорости доставки контейнеров, но и этот фактор на наших дорогах сегодня не работает: скорости передвижения по дорогам сравнимы и временами даже ниже, чем по морю (даже с учетом ограниченности Суэцкого канала).

Нельзя забывать и о потребностях в осуществлении бесперебойных внутрироссийских перевозок, сокращение которых, по причине приоритетов по пропускам международного транзита, крайне нежелательно для функционирования реального сектора отечественной экономики (особенно Сибирской и Дальневосточной). Байкало-Амурская магистраль дублирует Транссиб только на участке от Тайшета до Тихого океана и пока еще не отвечает критериям действительно международной магистрали. На Запад от Тайшета, кроме Транссиба, может быть задействован Южсиб (Тайшет–Абакан–Новокузнецк) и далее Средсиб с необходимостью либо «упереться» в Омск, либо выйти на территорию Казахстана. И здесь необходимо еще раз вспомнить опыт истории 1930-х гг., когда обсуждался вопрос о строительстве Великого Северного железнодорожного пути, соединяющего современный БАМ с портами на Белом и Баренцевом морях.

Переключение грузов, для которых скорости доставки не являются определяющими, на новую северную магистраль позволило бы сделать Транссиб действительно скоростным международным транспортным коридором без угроз сдерживания экономического развития грузоемких отраслей Дальнего

Востока, Сибири и Урала. По нашим оценкам, при гипотезе о минимальном (2%) ежегодном приросте экономики РФ, в 2030 г. при существующих территориально-отраслевых пропорциях экономики возможен дефицит провозных способностей железных дорог без учета перспектив дополнительного потока международных контейнеров (таблица).

Возможный дефицит провозных способностей

Маршрут	Дефицит, млн т
Восток – Восточная Сибирь	18–20
Восточная Сибирь – Западная Сибирь	23–25
Западная Сибирь – Урал	25–30

Другими словами, это тот минимум требуемых дополнительных провозных способностей железных дорог на территории Азиатской части России, без которых развитие реального сектора экономики этой части страны будет не более 2%, т.е. фактически страна будет обречена на стагнирующий путь развития. Это особенно опасно на фоне продолжающегося интенсивного роста экономики нашего восточного соседа — Китая. Мы предлагаем считать это минимальными требованиями к формированию опорной транспортной сети Азиатской части России в целях сохранения ее экономической безопасности.

Таким образом, развитие промышленности Дальнего Востока и Сибири увязывается с освоением крупных газовых месторождений в Арктической зоне и развитием транспортной инфраструктуры. Выявлено, что развитие инфраструктуры СМП — необходимое, но не достаточное условие для достижения оптимальной территориально-отраслевой структуры экономики при ориентации на создание перерабатывающих производств и развитие транзитных перевозок по территории России. Показано, что в недалеком будущем узким местом будет являться железнодорожный транспорт. При обосновании строительства Северо-Сибирской железной дороги, для выхода грузов, формирующихся на Дальнем Востоке и в Сибири, а также транзитных грузов на Запад, оценивается прогнозируемый дефицит провозных способностей существующих железных дорог. Чтобы отвечать целям экономической безопасности России, снятию угроз, связанных с резкими изменениями внешнеэкономической политики,

ее опорный транспортный каркас должен быть гибким, а маршруты транспортировки многовариантными.

Магистральной линией развития опорной транспортной сети России в ее Азиатской части должно стать:

1) сочетание развития сухопутных транспортных магистралей с развитием портовых сооружений на северном и восточном направлениях;

2) сочетание задач формирования новых маршрутов международного транзита с задействованием и территории, и акватории РФ.

Это обязательно принесет дивиденды как для экономической сферы деятельности, так и для укрепления геополитической позиции России.

Литература

1. Матвеев И.Е. О производстве сланцевого газа в мире // БИКИ. № 1–2 (993–994). С. 17–19.
2. Крюков В.А., Токарев А.Н. Нефтегазовые ресурсы в трансформируемой экономике: о соотношении реализованной и потенциальной общественной ценности недр (теория, практика, анализ и оценки). Новосибирск: Наука-Центр, 2007. 588 С.
3. Антипинский НПЗ. URL: <http://www.annpz.ru/compane.html>.
4. Химический гигантизм: СИБУР заявил о планах строительства в Тобольске второго завода полимеров. URL: <http://expert.ru/2012/01/24/himicheskij-gigantizm>
5. Казанцев С.В. Современные угрозы экономике России (часть 2) // Мир новой экономики. 2013. № 3–4. С.11–21.
6. Похиленко Н.П., Толстов А.В. Перспективы освоения Томторского месторождения комплексных ниобий-редкоземельных руд // ЭКО. 2012. № 11. С. 17–27.
7. Додин Д.А. Устойчивое развитие Арктики: проблемы и перспективы. М.: Наука, 2005. 283 с.
8. Могилевкин И.М. Транспорт и коммуникации. Прошлое. Настоящее. Будущее. М.: Наука, 2005.
9. Азиатская часть России: моделирование экономического развития в контексте опыта истории / отв. ред. В.А. Ламин, В.Ю. Малов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012.
10. Малов В.Ю., Тарасова О.В. Транспорт Арктической зоны России как сфера сопряжения интересов государства и корпораций // Регион: экономика и социология. 2013. № 3. С. 3–20.

References

1. Matveev I.E. ON the production of shale gas worldwide. BIKI. [O proizvodstve slantsevogo gaza v mire. BIKI], Moscow, N1–2 (993–994), P. 17–19.
2. Krjukov V.A., A.N. Tokarev. Oil and gas resources in transitional economy: the ratio of realized and potential social values of the subsoil (theory, practice, analysis and assessment). [Neftegazovie resyrsi v transformiruemoi ekonomiki: o sootnoshenii realizovannoi b potencialnoi obshestvennoi tsennosti nedr (teoria i praktika, otsenka i analiz), Novosibirsk, nauka-tsentr, 2007.
3. [Antipinski NPZ URL], URL: <http://www.annpz.ru/compane.html>.
4. Chemical gigantism: SIBUR announced plans of construction in Tobolsk second plant polymers. [Khimicheskij gigantizm: SIBUR zayavil o planakh stroitel'stva v Tobol'ske vtorogo zavoda polimerov], URL: <http://expert.ru/2012/01/24/himicheskij-gigantizm>.
5. Kazantsev S.V. Modern Threats to Russia's Economy (part 2). The World of New Economy. [Sovremennye ugrozi ekonomike rossii (chast 2). Mir novoi ekonomiki], Moscow, 2013 N3–4, P.11–21.
6. Pohilenco I.E., Tolstov AV. Prospects of development of Tomtor field of complex niobium-rare earth ore. [Perspektivy osvoeniya Tomtorskogo mestorogdeniya kompleksnih niobiy-redkozemelnih rud. EKO], Novosibirsk, 2012, N11. P.17–27.
7. Dodin D.A. Sustainable development in the Arctic: problems and prospects. [Ustoichivoe razvitie Arktiti: problemy i perspektivy, Nauka], Moscow, 2005.
8. Mogilevkin I.M. Transport and communications. Past. Present. Future. [Transport i kommunikatsii. Proshloe, nastoyashee, budushee. Nauka], Moscow. 2005.
9. The Asian part of Russia: modeling of economic development in the context of the experience of history. /resp. editors Lamin V.A., Malov V.Y. [Aziatskaya chast Rossii: modelirovanie ekonomicheskogo razvitiya v kontekste opyta istorii. SORAN], Novosibirsk, 2012.
10. Malov V.Y., Tarasova O.V. Transport of the Arctic zone of Russia as a sphere of harmonization of interests of the state and corporations. [Transport Arkticheskoi zony Rossii kak sfera sopryazheniya interesov gosudarstva i korporatsii. Region: ekonomika i sotsiologiya], Novosibirsk, 2013, N 3. P. 3–20.

УДК 336.67

Методика антикризисного анализа и пути ее совершенствования

КУПРИЯНОВА ЛЮДМИЛА МИХАЙЛОВНА,

канд. экон. наук, доцент кафедры «Экономический анализ» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

E-mail: KuprianovaLM@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам антикризисного управления, связанным с возникновением и развитием кризисных явлений. Анализ трудов ученых позволил установить подходы, связанные с ресурсной теорией и концепцией динамических способностей применительно к российским организациям, требующие дополнительных исследований. Стратегия антикризисного управления выполняет важную функцию по стабилизации финансово-экономического состояния организации в условиях кризиса, поэтому должна подвергаться постоянному совершенствованию, учитывать влияние внешних и внутренних факторов на развитие бизнеса, быть ориентирована на реализацию мероприятий по предупреждению и преодолению кризисов, ликвидации их последствий и недопущению кризисов в планируемой перспективе. Рекомендуется использовать возможности профессиональных компетенций антикризисного директора организации при принятии антикризисных решений.

Ключевые слова: ожидаемый доход, вероятность риска, уровень риска, кризис, финансовый кризис, антикризисное управление, стратегия антикризисного управления, последствия кризиса, мониторинг кризисных ситуаций, антикризисный консультант, антикризисный директор.

Crisis Analysis and Methodology the Ways of its Improvement

KUPRIYANOVA LYUDMILA MIKHAYLOVNA,

PhD in Economics, Associate Professor of Department of economic analysis the Finance University under the Government of the Russian Federation

E-mail: KuprianovaLM@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of crisis management, related to the emergence and development of the crisis. Analysis of the works of scientists revealed approaches associated with resource theory and the concept of dynamic abilities in relation to Russian organizations that require additional research. Crisis management strategy has an important role to stabilize the financial and economic state of the Organization in crisis, therefore, must be subject to continuous improvement, take into account the impact of external and internal factors on the development of business should focus on the implementation of measures to prevent and overcome crises and prevent crises in the future. It is recommended that you use the professional competencies of the anti-crisis Director for anti-crisis solutions.

Keywords: the expected income, risk, risk, crisis, financial crisis, crisis management, crisis management strategies, monitoring the effects of the crisis, crisis, crisis, crisis consultant Director.

Современная экономическая ситуация в России ухудшается — цены на нефть падают, курс рубля снижается. Аналитики прогнозируют влияние затяжной рецессии на экономический спад в 2015 г. Динамика основных социально-экономических показателей—индикаторов России (инфляция, реструктуризация банковского сектора и др.) указывает на наличие скрытых признаков предстоящего финансового кризиса. Неготовность российских предприятий противостоять возможному финансовому кризису приведет к тому, что многие из них могут оказаться в тяжелом финансовом положении (рост неплатежеспособности, снижение финансовой независимости, банкротство). Возникает обоснованная необходимость в принятии своевременных управленческих антикризисных решений, ориентированных на обеспечение финансовой устойчивости, повышение конкурентоспособности и снижение негативных последствий возможного финансово-экономического кризиса [1].

Стратегия антикризисного управления, выполняющая важную функцию по стабилизации финансово-экономического состояния организации в условиях кризиса, должна подвергаться постоянному совершенствованию, поскольку под влиянием факторов может происходить изменение экономической системы и ее взаимосвязей.

Недостаточная теоретическая обоснованность методик антикризисного анализа и слабая проработанность многих вопросов, связанных с их совершенствованием применительно к российской специфике, определяют актуальность исследования.

Проблемы теории и практики антикризисного управления представлены в трудах российских ученых: С.Г. Беляева, В.А. Барина, А.П. Градова, А.Г. Грязновой, И.Б. Гуськова, В.М. Давыдова, Э.А. Уткина, В.И. Кошкина, В.К. Потемкина, а также отражены в работах известных зарубежных исследователей: Норберта Тома, Сиббилы Загс и Йоханнеса Рюэгг-Штюрма. Это позволило обобщить, систематизировать, логически увязать концептуальные и теоретические подходы авторов к исследуемой проблеме. Анализ трудов ученых позволил установить подходы, связанные с ресурсной теорией и концепцией динамических способностей применительно к российским организациям, требующим дополнительных исследований.

Кризисная ситуация как переломный момент в функционировании любой системы, в процессе которого она подвергается воздействию извне и изнутри, требует качественно нового

реагирования со стороны самой системы. Возможность возникновения кризиса определяется рискованностью развитием. В условиях развития рыночной экономики перед организациями возникает проблема, связанная с преодолением кризисных ситуаций и способностью своевременно урегулировать неэффективные решения или устранять негативные последствия во избежание банкротства. Специфика кризисов такова, что они как регулярные, закономерно повторяющиеся этапы циклического развития любой системы требуют антикризисного управления для стабильного развития экономического объекта (организации, региона, страны) [2, 3].

Антикризисное управление как постоянно осуществляемый комплекс мероприятий по анализу и оценке потенциальных кризисов, разработке планов антикризисных действий, выявлению признаков кризисов, реализации планов мероприятий по их предупреждению и преодолению, ликвидации последствий и недопущению в планируемой перспективе [4, 5] решает следующие задачи [6].

- По стадиям развития кризиса (распознавание кризисной ситуации, предотвращение кризиса, обеспечение непрерывной деятельности, выход из кризиса, устранение последствий).

- По направлениям применяемых антикризисных мер (организационные, методологические, социально-психологические, конфликтологические, правовые).

- По технологиям управления (создание информационной базы, выработка стратегии организации, детальный анализ кризиса, разработка антикризисных управленческих решений).

- По применяемому инструментарию (маркетинг, санация или реструктуризация, инвестиционная/антикризисная политика, селекция кадров, управление конфликтными ситуациями).

При антикризисном управлении необходимо быстро реагировать на возникающие проблемы и активно действовать по преодолению кризисного состояния, а также, и это важно, — прогнозировать наступление кризисных моментов [7].

В зависимости от ситуации, в которой находится организация, процесс антикризисного управления в общей системе управления изменяется, вектор управления ориентирован на выполнение функций, отвечающих на вопрос: что необходимо сделать, чтобы успешно управлять в процессе кризиса и при наличии его последствий? Выделяются основные шесть функций:

Сравнение основных параметров антикризисного управления и управления стабильными системами

Параметры	Стабильные системы	Кризисные системы
Цели управления	Повышение эффективности деятельности	Минимизация отрицательных последствий кризиса
Ограничения (уровень)	Ресурсные (мягкий)	Временные (жесткий)
Внешняя среда	Благоприятная	Неблагоприятная
Внутренняя среда	Стабильная	Множество острых конфликтов
Планируемый результат	Возрастание эффективности	Переход в стабильное состояние

- предкризисное управление;
- управление в условиях кризиса;
- управление процессами выхода из кризиса;
- стабилизация неустойчивых ситуаций;
- минимизация потерь и упущенных возможностей;
- регулирование времени принятия и исполнения принятых решений.

Значительным фактором эффективности антикризисного управления является система мониторинга кризисных ситуаций. Это специально организованные действия по определению вероятности и реальности наступления кризиса, которые позволяют своевременно обнаружить и распознать кризисную ситуацию.

При неустойчивом состоянии применяются меры по противодействию развитию кризисной ситуации — антикризисное регулирование. Дальнейшее развитие организации может происходить в двух направлениях:

- 1) выход из кризиса и стабильное развитие;
- 2) возрастание уровня кризисных явлений.

При этом доля антикризисных процессов составляет примерно 50%.

В случае кризисной ситуации антикризисное управление ориентировано на обеспечение непрерывной деятельности организации, смягчение или устранение негативных последствий. На такой стадии доля антикризисного управления возрастет практически до 100%.

Антикризисное управление может быть опережающим (стремление в предотвращении надвигающегося кризиса) и реактивным (устранение негативных последствий кризисной ситуации).

Основная задача опережающего антикризисного управления заключается в мониторинге изменения факторов внешней и внутренней среды, оценке их

влияния на состояние организации и своевременной диагностике предкризисных ситуаций организации [1, 2].

Диагностика становится процедурой, состоящей из нескольких этапов, предусматривающей принятие промежуточных решений и связанной с такими понятиями, как «прибыль», «анализ», «прогнозирование», «принятие решений».

В теории и практике исследований сформировалось множество методов диагностики кризисного состояния и вероятностей банкротства. Все методы различают по области применения, составу показателей, точности диагностирования и т.д. Методы диагностики кризисного состояния можно классифицировать по определенным принципам, например:

- по степени формализации подходов (количественные, качественные и комбинированные методы);
- по характеру зависимости результативного показателя и факторных признаков (детерминированные и стохастические);
- по составу критериев (одно- и многокритериальные);
- по степени участия судебных органов;
- выбору приемов и технологии антикризисного управления и составлению программ выхода из кризиса;
- реализации комплекса мер, направленных на вывод организации из кризисного положения.

Антикризисное управление имеет специфические особенности, характеризующиеся основными параметрами управления стабильными и кризисными системами (см. таблицу).

Антикризисное управление как целостная система основана на характерных базовых принципах управления [4]:

- *постоянной готовности реагирования* (постоянная готовность к потенциально возможным кризисным ситуациям);
- *превентивности действий* (диагностика кризисных процессов организации на ранней стадии «слабых сигналов»);
- *срочности реагирования* (минимизация времени реагирования для предотвращения кризисных явлений или устранения их последствий);
- *адекватности реагирования* (сопоставление уровня затрат по нейтрализации угрозы с уровнем самой угрозы);
- *комплексности принимаемых решений* (комплексная природа антикризисных мероприятий);
- *альтернативности действий* (эффективность управленческого решения, направленного на преодоление кризисного процесса, возрастает, если выбор осуществляется из максимально возможной совокупности альтернативных решений);
- *адаптивности управления* (гибкость процесса антикризисного управления);
- *приоритетности использования внутренних ресурсов* (использование внутренних финансовых ресурсов организации для преодоления кризиса);
- *оптимальности внешней санации* (выбор оптимальной структуры внешней санации).

Представленные принципы дают эффективные результаты труда в рамках реализации антикризисной стабилизационной программы, которая включает в себя комплекс мероприятий, направленных на *восстановление платежеспособности* организации и ее *финансовой устойчивости*, а также на *обеспечение финансового равновесия* в длительном периоде.

Современное состояние направления в теории устойчивости ориентировано на исследование качественных свойств и устойчивости динамических моделей с распространенными параметрами (метод Ляпунова), основанных на локализации предельных множеств с помощью вспомогательных обобщенных функций и обобщенных функционалов [8].

Условия, при которых система будет обеспечивать устойчивое финансовое положение и отражать эффективность антикризисной стабилизационной программы, характеризуются функцией состояния организации $S(F_1, F_2, \dots, F_n)$, где F_i — параметры системы, отражающие отдельные факторы кризиса. Эффективность реализации комплекса мероприятий можно охарактеризовать изменениями параметров системы F_i . Тогда изменение состояния

организации будет выражаться через приращение функции ΔS :

$$\Delta S(F_1, F_2, \dots, F_n) = S(F'_1, F'_2, \dots, F'_n) - f(F_1, F_2, \dots, F_n), \quad (1)$$

где $S(F_1, F_2, \dots, F_n)$ и $S(F'_1, F'_2, \dots, F'_n)$ — состоя-

ние организации до и после принятия антикризисной программы.

Учитывая, что при принятии управленческих решений важную роль играет временная составляющая, уравнение (1) разделим на изменение времени Δt и представим следующим образом:

$$\frac{dS}{dt} = \lim_{\Delta t \rightarrow 0} \frac{\Delta S}{\Delta t}. \quad (2)$$

Вычисляя полную производную $\frac{dS}{dt}$, получим:

$$\frac{dS}{dt} = \frac{\partial S}{\partial F_1} \frac{\partial F_1}{\partial t} + \frac{\partial S}{\partial F_2} \frac{\partial F_2}{\partial t} + \dots + \frac{\partial S}{\partial F_i} \frac{\partial F_i}{\partial t}. \quad (3)$$

Основываясь на разработанном методе функций Ляпунова¹, который применяется для исследования устойчивости различных систем, выражение (3) можно переписать в виде скалярного произведения двух векторов [8]:

$$\frac{dS}{dt} = \left(\text{grad } S, \frac{dF}{dt} \right), \quad (4)$$

где $\text{grad } S = \left(\frac{\partial S}{\partial F_1}, \frac{\partial S}{\partial F_2}, \dots, \frac{\partial S}{\partial F_i} \right)$ — функция, по-

казывающая степень зависимости состояния организации от факторов кризиса;

$$\frac{dF}{dt} = \left(\frac{\partial F_1}{\partial t}, \frac{\partial F_2}{\partial t}, \dots, \frac{\partial F_i}{\partial t} \right) — \text{ скорость изменения отдельного фактора.}$$

Функция Ляпунова представляет собой скалярную функцию, заданную на фазовом пространстве системы, с помощью которой можно доказать устойчивость положения равновесия. Метод функций Ляпунова применяется для исследования устойчивости различных дифференциальных уравнений и систем.

Полученные выражения позволяют выделять основные факторы, существенно воздействующие на кризисную систему, и их динамику.

Для перехода кризисной системы необходимо выполнение следующих условий:

$$\frac{dS}{dt} \leq 0. \quad (5)$$

Этому выражению будут удовлетворять два условия:

1) снижение значения $grad S$, т.е. снижение существенности кризисных факторов на состояние организации;

2) $\frac{dF}{dt} < 0$ — затухающий характер влияния кри-

зисных факторов.

В случае двухфакторной модели переход организации к устойчивому состоянию можно изобразить фазовой кривой (см. рисунок).

Для определения *эффективности антикризисной программы*, обозначенной E , необходимо иметь информацию о суммарных ресурсах $\sum R$, которые будут затрачены для перехода организации из первоначального в конечное состояние. Таким образом, эффективность антикризисной программы будет выражаться в виде:

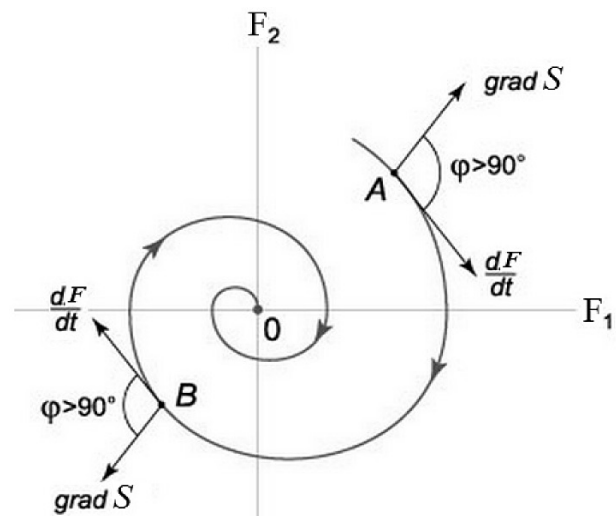
$$E = \frac{\Delta S(F_1, F_2, \dots, F_n)}{\sum R}. \quad (6)$$

Если суммарные затраченные ресурсы будут выражаться в виде израсходованных денежных средств, то эффективность антикризисной программы будет выражаться в полезном эффекте, приходящемся на 1 рубль затраченных средств [10, 11].

Размер потерь организации в условиях неопределенности представляет собой цену риска. Величина успеха (дополнительная прибыль) представляет собой плату за риск. Риск проявляется в процессе реализации продукции (работ, услуг) и выступает одним из конечных результатов бизнеса.

Практика менеджмента использует характеристики риска по следующим параметрам:

- по размеру ущерба или ожидаемого дополнительного дохода в риск-ситуации;
- по степени вероятности или свершения риск-события, оцениваемого в пределах значения от 0 до 1 границы вероятности;

Фазовая кривая для двух факторов (F_1 и F_2) — переход организации в устойчивое состояние (в точке B организация более устойчива, чем в точке A)

Источник: [9].

- по уровню риска, определяя отношение величины ущерба к затратам по реализации риск-решений по значению от 0 до 1, выше которого риск не оправдан;

- по степени риска, характеризуя величины риска и его вероятность (высокая, средняя, низкая, нулевая степень);

- по приемлемости риска, оценивая вероятность потерь и то, что потери не превысят определенный уровень; это характеризуется вероятностью риска, находящегося в пределах нормативного уровня (стандарта) в той сфере деятельности, в которой недопустимы превышения без правовых нарушений.

Результаты деятельности организации, выводы об уровне экономической эффективности отражают компетентность руководства и качество управленческих решений [12, 13]. Значительную помощь в реализации антикризисной стратегии могут оказать специалисты-менеджеры со стороны, внешние консультанты. Этому может поспособствовать замена руководителей организации или привлечение новых управляющих, ранее работавших в других организациях, деятельность которых не ассоциируется с прошлой стратегией. Механизм антикризисного управления может быть эффективен только в том случае, если он базируется на объективных закономерностях организации, которые проявляются во взаимодействии с элементами производственного процесса, с внешней средой в производственно-хозяйственной и социальной среде.

Анализируя причины, вызвавшие кризис организации, менеджеры изучают все результаты состояния организации на момент кризиса, определяют вектор внимания — на чем следует сосредоточиться. Оценивая конкурентные позиции, они проводят анализ качества товара, финансового положения, оценивают технические возможности, продолжительность товарного цикла. Самый удобный способ оценки стратегического положения организации — анализ ее сильных и слабых сторон, возможностей и угроз, своевременные выводы о целесообразности стратегических изменений.

Эффективность текущей стратегии должна быть ориентирована на определение места организации среди конкурентов, границы конкуренции, группы реальных и потенциальных потребителей продукции, а также функциональные стратегии в производстве, маркетинге, финансах и кадрах. Ответственность за эффективность антикризисной программы возлагается на руководителя организации.

Руководство организацией разрабатывает и принимает антикризисные решения, использует возможности антикризисного консалтинга, предоставляемого экспертами. Используется возможность привлечения антикризисного директора на время кризиса — стороннего менеджера [14]. Основываясь на профессиональных компетенциях и основных качествах антикризисного директора (решительность, оперативность, целеустремленность), его наделяют полномочиями руководства организацией.

Возможности антикризисного управления под контролем кредиторов обычно используются коммерческими банками. Такое антикризисное управление основано на возникновении реальной угрозы невыплаты задолженности по своим обязательствам и банкротства организации. При этом организация может обладать потенциалом восстановления платежеспособности при предоставлении отсрочки платежа со стороны банка, и кредитор заинтересован в привлечении стороннего антикризисного консультанта. В коммерческих банках могут действовать собственные подразделения, осуществляющие антикризисное управление.

Политика по предотвращению кризисов, базирующаяся на рыночной дисциплине и усиленном контроле за банками, безусловно, уменьшит риски. Такой подход будет способствовать идентификации растущих проблем и своевременному применению корректирующих мер. Профессиональная компетентность и информированность, более сильные

институты и более эффективные инструменты политики способствуют урегулированию кризисов.

Важно подчеркнуть, что антикризисное управление может и должно быть эффективным. Для этого необходимо управлять активами и пассивами организации, этапами бизнес-процесса (сбыт, производство, снабжение, учет), программами защиты имущества и безопасности бизнеса, формированием кадровой политики, решением социальных вопросов, программами информационной поддержки бизнеса. От менеджмента требуются знания в области диагностики банкротства, оценки финансового положения организации и перспектив ее функционирования. Такое антикризисное управление, совмещающее финансовую и социальную функции, должно быть ориентировано на инновации на уровне отдельно взятой организации (новые виды продуктов); на процессные инновации, охватывающие новые технологии, новые материалы и компоненты, применяемые в технологическом процессе; на институциональные инновации как новые формы организации и управления в производстве и сбыте.

Истинная роль антикризисного управления должна проявляться в реализации коммерчески перспективных инвестиционных проектов на основе имеющихся конкурентных преимуществ организации и получение прибыли в кратчайшие сроки. Поэтому антикризисный управляющий должен грамотно оценить экономическую эффективность начатых инвестиционных проектов, которые еще можно реализовать; продумать схемы финансирования этих проектов. Такой человек должен быть специалистом по инвестиционному анализу и финансированию или суметь создать команду таких специалистов.

Литература

1. Куприянова Л.М. Экономическое развитие России: роль несырьевого сектора // Инновационное развитие экономики. 2014. № 4 (21). С. 68–69.
2. Антикризисное управление. Теория и практика / под ред. В.Я. Захарова. М.: ЮНИТИ-Дана, 2009.
3. Сычева Н.В. Диагностика кризисного состояния предприятия как оценка масштабности кризиса // Молодой ученый. 2011. № 9. С. 108–111.
4. Бланк И.А. Антикризисное финансовое управление предприятием. М.: Эльга, 2006.
5. Куприянова Л.М., Петрусевич Т.В. Анализ денежных потоков и их влияние на результа-

- ты деятельности организации // Экономика. Бизнес. Банки. 2014. Т. 3. С. 112–128.
6. Кован С.Е., Мокрова Л.П., Ряховская А.Н. Теория антикризисного управления предприятием: учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2009.
 7. Бухгалтерский учет в условиях антикризисного управления: учеб. пособие / под ред. В.Э. Керимова. М.: Дашков и К, 2013.
 8. Шестаков А.А. Обобщенный прямой метод Ляпунова для систем с распределенными параметрами. М.: УРСС, 2007.
 9. URL: <http://www.math24.ru/method-of-lyapunov-functions.html>.
 10. Марчева И.А. Антикризисное управление: учебно-методическое пособие. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ. 2012.
 11. Егорычев И.Г., Крюков А.Ф. Анализ методик прогнозирования кризисной ситуации коммерческих организаций с использованием финансовых индикаторов // Менеджмент в России и за рубежом. 2001.
 12. № 2. URL: <http://dis.ru/library/detail.php?ID=22789>.
 13. Куприянова Л.М., Болдырев А.Н. Модели построения отчета о финансовых результатах в России и международной практике // Экономика. Бизнес. Банки. 2014. Т. 3. С. 177–195.
 14. Куприянова Л.М., Осипова И.В. Общеметодологические основы формирования и анализа бухгалтерского баланса // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 8 (67). С. 59–63.
 15. Brown D.R., Harvey D. An experimental approach to organization development. Pearson Prentice Hall. 2006.
 4. Blank I.A. Crisis financial management business. M.: ELGA, 2006. 364p.
 5. Kupriyanova L.M., Petrusovich T.V. Analysis of cash flows and their impact on the performance of the organization. [Antikrizisnoe finansovoe upravlenie predpriyatiem] // Economy. Business. Banks. 2014. Т. 3. S. 112–128.
 6. Cowan S.E., Mokrova L.P., Ryakhovskaya A.N. Theory of crisis management in the enterprise: a training manual. [Teoriya antikrizisnogo upravleniya predpriyatiem: uchebnoe posobie]. M: KNORUS. 2009. P.160.
 7. Accounting in the context of crisis management: study guide. [Bukhgalterskiy uchet v usloviyakh antikrizisnogo upravleniya: uchebnoe posobie] / ed. Kerimova V.E.M. Dashkov and K°. 2013. P.234.
 8. Shestakov A.A. Generalized direct Lyapunov method for systems with distributed parameters. [Obobshchennyi pryamoy metod Lyapunova dlya sistem s raspredelennymi parametrami]. M.: URSS. 2007.
 9. URL: <http://www.math24.ru/method-of-lyapunov-functions.html>.
 10. Marceva I.A. Crisis management: training manual. [Antikrizisnoe upravlenie: uchebno-metodicheskoe posobie]. NNGU. 2012. P.134.
 11. Egorychev I.G., Kryukov A.F. Analysis techniques to predict the crisis, businesses using financial indicators. [Analiz metodik prognozirovaniya krizisnoy situatsii kommercheskikh organizatsiy s ispol'zovaniem finansovykh indikatorov] // Management in Russia and abroad. 2001. № 2.
 12. URL: <http://dis.ru/library/detail.php?ID=22789>.
 13. Kupriyanova L.M., Boldyrev A.N. Build a report Model on the performance of Russian and international practice. [Modeli postroeniya otcheta o finansovykh rezul'tatakh v Rossii i mezhdunarodnoy praktike] // Economy. Business. Banks. 2014. Т. 3. p. 177–195.
 14. Kupriyanova L.M., Osipova I.V. General methodological bases of formation and analysis of balance sheet. [Obshchemetodologicheskie osnovy formirovaniya i analiza bukhgalterskogo balansa. Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk] // Actual problems of Arts and Sciences. 2014. № 8 (67). P. 59–63.
 15. Brown D.R., Harvey D. An experimental approach to organization development. Pearson Prentice Hall. 2006.

References

1. Kupriyanova L.M. Economic development of Russia role of non-primary sector. [Ekonomicheskoe razvitie Rossii: rol nesyr'evogo sektora] // An innovative development of the economy. 2014. № 4 (21). P. 68–69.
2. Crisis management. Theory and practice. [Antikrizisnoe upravlenie. Teoriya i praktika] / ed. V. Zakharova. M.: UNITI-Dana, 2009
3. Sychova N.V. Diagnostics of enterprise crisis as the magnitude of the crisis [Diagnostika krizisnogo sostoyaniya predpriyatiya kak otsenka masshtabnosti krizisa] // Young scientist. 2011. № 9. pp. 108–111.

УДК 338.364.4

Как инженеры софтверных компаний воспринимают производственные изменения

ПАЩЕНКО ДЕНИС СВЯТОСЛАВОВИЧ,

канд. техн. наук, независимый консультант в области разработки программного обеспечения, Москва

E-mail: denpas@rambler.ru

Аннотация. В статье описываются результаты исследования, посвященного изучению восприятия инженерами проектных команд производственных изменений в процессных моделях создания программного обеспечения (ПО). Все выводы и рекомендации основаны на авторском исследовании, проведенном с апреля по июль 2014 г. по методу дельфийской панели в софтверных компаниях из 11 стран Центральной и Восточной Европы. Выбор данных стран обусловлен схожестью развития производственных процессных моделей в IT-секторе на протяжении последних 15 лет. Основное внимание в исследовании уделено проблеме организационного сопротивления, успешным практикам управления изменениями, типичным рискам преобразований в софтверном производстве и эффективным методам уменьшения влияния данных рисков. Также в статье приведены основные рекомендации по оптимизации внутренних проектов внедрения изменений и управлению выявленными специфическими рисками.

Ключевые слова: управление изменениями, разработка ПО, организационное сопротивление в софтверной компании, вовлечение сотрудников в управление изменениями.

How software company engineers perceive changes in production

PASCHENKO DENIS SVYATOSLAVOVICH,

PhD in technical sciences, an independent consultant in the field of software development, Moscow.

E-mail: denpas@rambler.ru

Abstract. This article is dedicated to describing the results of Delphi Study, organized by the author from April to July of 2014 in 11 countries of Central and Western Europe, including Russia. Those countries have a similar history of software development process maturity in last 15 years. Study was focused on engineer's perception and experience in change implementation in software development processes. The main problems, defined in study and this article, are organizational resistance, change management, typical risks in change implementation in software domain and measurements of risk's effect reducing. Also there are major recommendation for process management optimization and specific risk management in IT domain.

Keywords: changes implementation management, software production improvement, organizational resistance in software company, teammates involvement in change management.

Управление изменениями в производстве — это известный управленческий вопрос, которому посвящено множество исследований. Однако в силу специфических ментальных и трудовых факторов управление изменениями в IT-компаниях обладает рядом

особенностей, и существенная разница в восприятии этих особенностей менеджерами и инженерами софтверных компаний представляет большой интерес.

Внедрение изменений в производство IT-компаний — это набор этапов от планирования

до закрепления результатов, и на каждом этапе внутренний проект сопряжен с набором общих и специфических рисков. Актуальность данной темы исследования подтверждается растущими требованиями к параметрам программного обеспечения, достижение которых сопряжено с постоянным совершенствованием производственных процессов.

В данном исследовании анализируется мнение о реальном опыте участия во внедрении производственных изменений 78 IT-инженеров из 11 стран Центральной и Восточной Европы, включая Россию, Украину и Беларусь. Несмотря на значительные различия характера экономического развития Восточной и Центральной Европы (в частности, экономическую интеграцию стран Центральной Европы с ЕС), в целом уровень процессного развития софтверных компаний, подтвержденный сертификатами CMMI¹, в обеих группах стран одинаков [1].

Исследование проводилось с апреля по июль 2014 г. по методу дельфийской панели и состоит из нескольких раундов. В первом раунде проводится сбор мнений экспертов и определение доминирующего мнения по каждому вопросу исследования.

В следующем раунде каждый эксперт сравнивает свое мнение с доминирующим и имеет возможность либо изменить свой ответ, либо прокомментировать расхождения с мнением панели. В итоге результирующие мнения оказываются максимально согласованными в рамках панели экспертов. География представленного опыта и мнений представлена на *рис. 1*.

Планирование и подготовка к внедрению изменений

В данной секции эксперты оценили основные действия, необходимые для подготовки к внедрению изменений, исходя из опыта и практики своих компаний. Важными факторами являются планирование изменений и вовлечение в данный процесс сотрудников и менеджмента компании.

Процессы внедрения изменений в производственные процессы в софтверных компаниях растянуты во времени и, раньше или позже, требуют

¹ Capability Maturity Model Integration (CMMI) — набор моделей (методологий) совершенствования процессов в организациях разных размеров и видов деятельности.

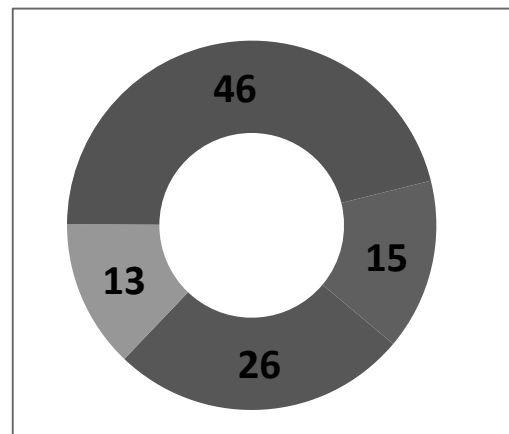

Рис. 1. География экспертов:

- 46% экспертов из России и Беларуси;
- 26% экспертов из Балканского субрегиона (Сербия, Босния, Болгария, Молдова);
- 15% экспертов из Центральной Европы (Чехия, Словакия, Венгрия);
- 13% экспертов из Польши и Украины.

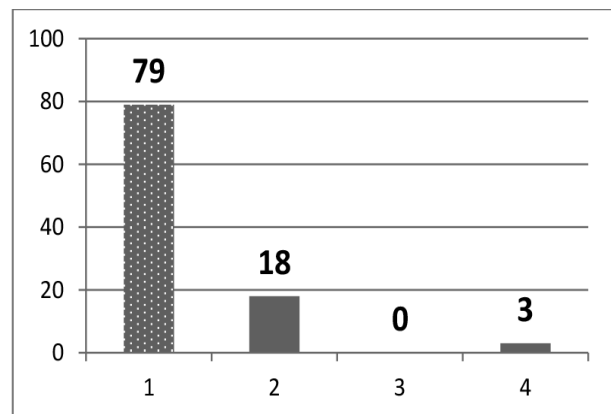

Рис. 2. Должен ли процесс подготовки и внедрения значительных изменений в производство ПО быть прозрачным для команд разработки (мнения экспертов): 1 — да, с начала, с этапа планирования; 2 — да, позже, с этапа непосредственного внедрения; 3 — нет, это неважно; 4 — затрудняюсь ответить

вовлечения инженеров. Эксперты определили необходимость прозрачности данного процесса для разработчиков с самых ранних этапов. С другой стороны, вовлечение большого количества специалистов (особенно с низкой мотивацией и квалификацией), наоборот, затрудняет внедрение изменений и увеличивает сроки и издержки внедрения изменений (*рис. 2*).

Таким образом, инженеры считают необходимым раннее информирование команд о будущих

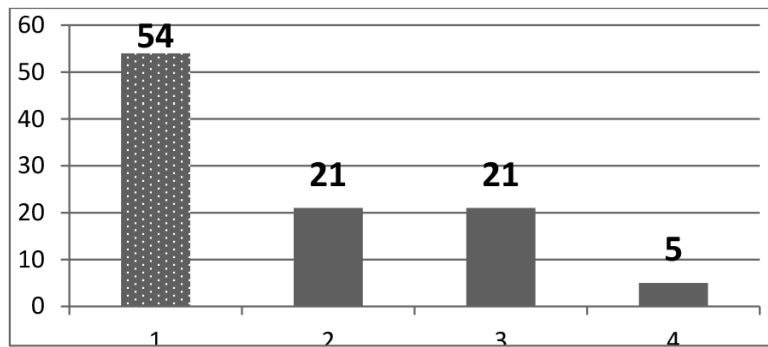

Рис. 3. Кто, по мнению инженеров, обычно инициирует внедрение изменений в производственные процессы разработки ПО (мнения экспертов): 1 – руководитель проекта; 2 – дирекция качества/ процессного развития; 3 – члены проектных команд; 4 – первое лицо компании / дирекции разработки

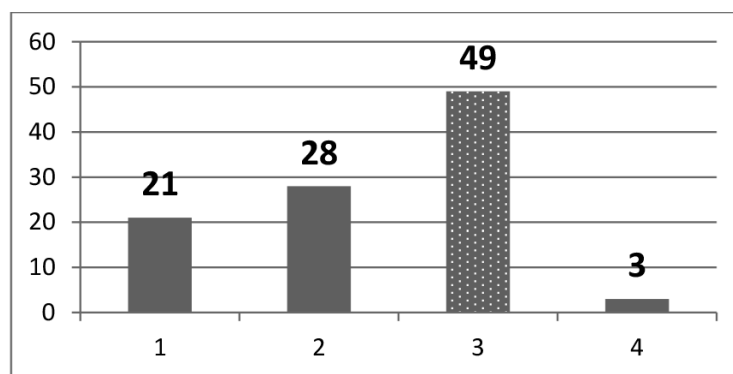

Рис. 4. Когда о внедрении изменений в производственные процессы разработки ПО обычно становится известно членам проектных команд (мнения экспертов): 1 – за месяцы до начала внедрения; 2 – за недели до начала внедрения; 3 – в начале внедрения изменений; 4 – уже после официальной даты запуска внедрения изменений.

процессных изменениях, однако уровень детализации такого информирования зависит от особенностей каждого коллектива и масштаба изменений.

Эксперты согласились, что руководитель проекта является ключевой фигурой в инициировании производственных изменений, хотя присутствуют и некоторые ограничения: в проектных командах, работающих по гибким методологиям, роль руководителя не очень выражена, поэтому любой член проектной команды может являться инициатором изменений в производственных процессах. Кроме того, в компаниях с развитым процессным управлением в составе дирекции качества могут быть руководители проектов, частично вовлеченные в деятельность такой структуры (рис.3).

Данные результаты еще более подчеркивают, что в большой части софтверных компаний вертикальные коммуникационные линии от директоров к инженерам, относящиеся к развитию

производственных процессов, проходят мимо соответствующих формальных корпоративных структур. В восприятии инженеров руководители проектов являются основными инициаторами изменений. С одной стороны, это означает, что бизнес-цели проектов и цели изменений могут быть сопряжены лучше, так как пересекаются в одном инициативном лице, с другой стороны – поддержка изменений руководителем проекта становится одним из ключевых факторов.

Эксперты отметили, что, по их опыту, обычно члены проектных команд не имеют достаточно времени для подготовки к значительным изменениям в производственных процессах. При этом по опыту почти половины экспертов проектные команды получают информацию о предстоящих изменениях только в начале их реализации. Такая ситуация демонстрирует недостаточность усилий по раннему информированию сотрудников со стороны менеджмента, а также подчеркивает

осознанную необходимость инженеров в получении информации о предстоящих изменениях заранее (рис.4).

Примерно 70% экспертов отметили «информирование сотрудников» как популярный метод их подготовки к внедрению изменений. Еще один действенный прием в управлении изменениями на ранних этапах, по мнению 65% экспертов, — привлечение инженеров и аналитиков к планированию изменений.

При этом следует учесть разную степень собственной готовности специалистов к данной активности: привлечение инженеров к планированию изменений требует взвешенного анализа персонально-профессиональных качеств вовлекаемого в планирование сотрудника и оценки влияния такого вовлечения на производственные проекты компании.

Эксперты оценили необходимые параметры буферного срока подготовки команд разработчиков к внедрению изменений в производственных процессах. Более половины экспертов (55%) из своего опыта оценили, что такой период занимает несколько недель, и только 25% встречали случаи внедрения изменений, когда командам разработки давали менее недели на подготовку. При этом некоторые эксперты отметили необходимость для каждой отдельной проектной команды составлять свой план внедрения изменений, даже если изменения внедряются на уровне всей компании. Безусловно, речь идет о значительных изменениях, как, например, внедрение управления требованиями или спринт-релизов в гибкой разработке.

Целесообразным представляется в течение данного буферного срока осуществлять процедуры по подготовке коллектива к изменениям. Среди таких мер одной из наиболее естественных и простых является информирование сотрудников о предстоящих изменениях [2].

Экспертная панель определила наиболее популярные типы такого информирования:

- линейные и проектные руководители проводят встречи и разъяснения (встретилось в практике 99% экспертов);
- изменения анонсируются первым лицом компании (дирекции) (встретилось в практике 30% экспертов).
- Причинно-следственная связь крайне важна в формировании отношения каждого инженера к изменениям [3], и исследование показало

наиболее распространенные причины внесения изменений в производственные процессы:

- объективная необходимость изменений (встретилось в практике 64% экспертов);
- следование требованиям заказчика, аудиторов, ожиданиям рынка (встретилось в практике 62% экспертов).

Таким образом, именно экономические мотивы являются наиболее распространенными в восприятии инженеров с точки зрения объяснения внедряемых изменений в производстве. Из этого следует, что при обосновании для проектных команд необходимости внедрения изменений инициативной группой должны использоваться экономические факторы и выгоды успешного внедрения и закрепления изменений.

Несмотря на различия в иерархии в командах, работающих по классическим итерационным и гибким методологиям, руководитель проекта, по мнению панели экспертов, несет максимальную личную ответственность за успех внедрения изменений в процессы разработки ПО (рис.5).

Это еще раз подчеркивает важную роль руководителей проектов, являющихся ключевыми фигурами, как с точки зрения решения бизнес-задач в производственных проектах, так и с точки зрения управления изменениями. Полученный результат исследования может быть использован в качестве аргумента при вовлечении руководителей проектов в управление производственными изменениями на корпоративном уровне.

Внедрение изменений в процессы разработки ПО

В данной секции эксперты выделили основные проблемы, связанные с непосредственным внедрением в практику запланированных изменений, а также типичные риски и необходимый выбор приоритетов в данном процессе.

Эксперты выделили наиболее востребованные организационные мероприятия при внедрении изменений в процессы производства ПО:

- устные распоряжения и контроль со стороны проектного менеджера (встретилось в практике 59% экспертов);
- издание приказов, распоряжений, изменений бизнес-процессов (встретилось в практике 57% экспертов).

Таким образом, исполнение устных распоряжений проектного менеджера, вовлеченного

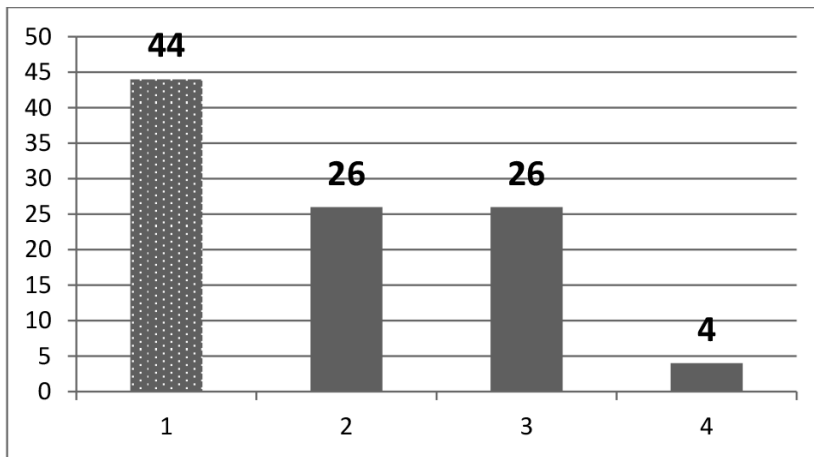

Рис. 5. Кто несет наибольшую персональную ответственность за успех внедрения изменений в процессы производства ПО (мнения экспертов): 1 – каждый руководитель проекта производства ПО; 2 – только руководитель всего производства в компании; 3 – все члены проектных команд; 4 – инициатор изменений вне зависимости от его должности

в управление изменениями, должно быть поддержано с помощью централизованных и формализованных письменных приказов и изменений в бизнес-процессах. Тем более что такие изменения бизнес-процессов могут быть поддержаны автоматизацией и настройкой соответствующих систем и инструментов.

Безусловно, автоматизация технологических операций при разработке ПО – один из действенных методов внедрения обязательного исполнения измененных процессов. Панель экспертов, исходя из своего текущего опыта, подтвердила данное утверждение (рис.6).

Эксперты определили список существенных проблем, являющихся типичными при управлении изменениями и стандартизации производства ИТ-компании. Прежде всего это «формальное внедрение без результатов и понимания целей» (встретилось в практике 77% экспертов) и «конфликты между целями проекта и целями внедрения изменений» (встретилось в практике 54% экспертов). Также эксперты отметили, что самым существенным риском, сопровождающим внедрение изменений в производство в большинстве ИТ-компаний, является «резкое падение качества ПО и сроков поставки релизов».

Данные проблемы в восприятии и инженеров, и ИТ-менеджеров являются одинаково актуальными, что подтверждается более ранним авторским исследованием [2]. Безусловно, каждая такая существенная проблема и риск требуют учета, анализа и мер реагирования.

Эксперты рассмотрели набор организационных мер, направленных на работу со специфическими рисками управления изменениями в ИТ-отрасли. Так, эксперты выделили несколько эффективных мер для преодоления организационного сопротивления:

- разъяснительная работа с элементами подавления (встретилось в практике 61% экспертов);
- и менее популярные:
 - вовлечение сопротивляющихся во внедрение изменений;
 - положительная мотивация к принятию изменений.

Мотивация команд разработки – ключевой фактор в управлении изменениями, поэтому эксперты определили наиболее востребованные методы мотивации для поддержки внедрения изменений в производственные процессы создания ПО:

- воодушевление и поощрение использования новых практик (встретилось в практике 82% экспертов);
- общественное порицание за уклонение от следования внедренным стандартам (встретилось в практике 31% экспертов).

Денежные штрафы и поощрения оказались куда менее популярными методами мотивации сотрудников; это означает, что в восприятии инженеров данные методы не приведут к следованию измененным бизнес-процессам и поддержке изменений.

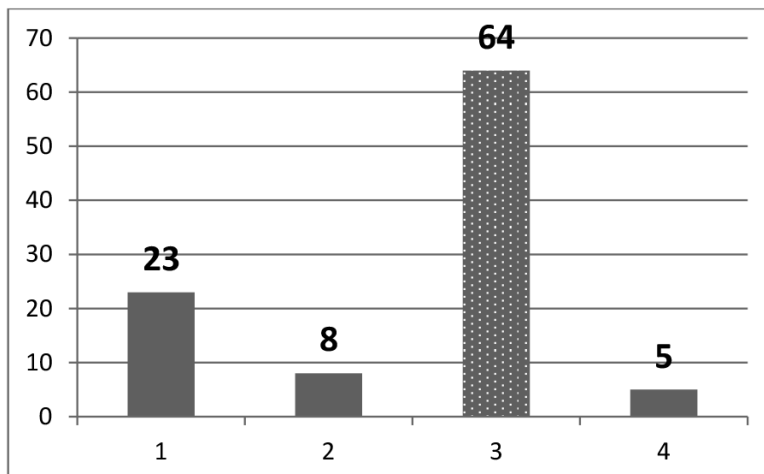

Рис. 6. Как внедрение изменений в производственные процессы подкрепляется автоматизацией технологических процессов разработки (мнения экспертов): 1 – никак не связаны между собой; 2 – автоматизация технологических процессов позволяет игнорировать изменения; 3 – автоматизация технологических процессов заставляет следовать изменениям; 4 – автоматизацию технологических процессов можно умышленно обойти

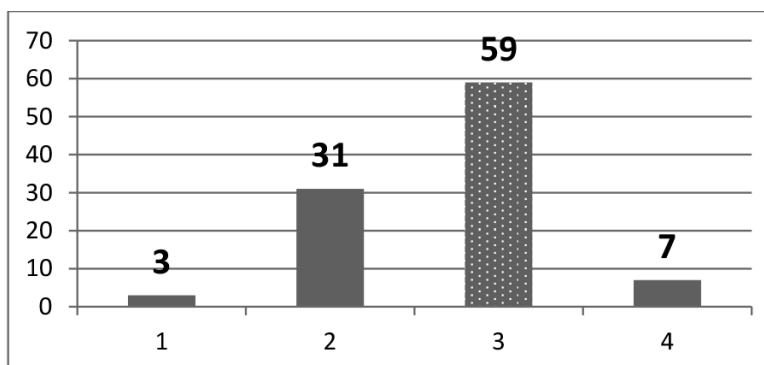

Рис. 7. Насколько часто цели внедрения изменений могут быть приоритетнее, чем текущая деятельность по производству продукта проекта (мнения экспертов): 1 – очень часто; 2 – часто; 3 – редко; 4 – никогда

В теории управления изменениями известен интересный конфликт целей между основным бизнес-процессом и частной целью внедрения изменений в данный бизнес-процесс. Панель экспертов не сочла распространенным случай, когда цели изменений могут быть приоритетнее, чем текущая деятельность по производству продукта проекта (рис. 7).

Однако некоторые эксперты выделили исключительные случаи, когда прямые распоряжения топ-менеджмента делали изменения в процессах более приоритетными, чем основные цели проектов, где внедрялись изменения.

Также эксперты определили наиболее типичные издержки, которые несет проект в течение времени внедрения изменений в производственные процессы:

- издержки по качеству и/или срокам поставки продукта (встретилось в практике 85% экспертов);
- ухудшение внутреннего климата в команде проекта (встретилось в практике 31% экспертов);
- уход части специалистов из компании/проекта (встретилось в практике 27% экспертов).

При этом в подавляющем большинстве проектов отношения с заказчиком не претерпевали ухудшений при изменении внутренних производственных процессов.

Приведенный список издержек имеет прямое влияние на экономическую составляющую производственных проектов, такие издержки должны быть учтены в плане рисков и рабочем плане, следует разработать соответствующие предупреждающие и корректирующие воздействия. Очевидно,

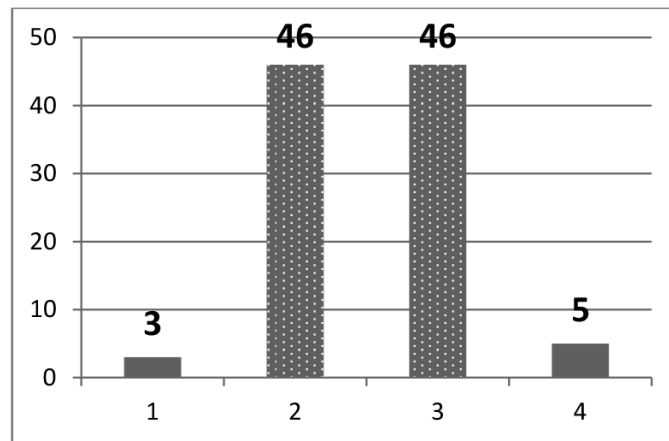

Рис. 8. Насколько успешно обычно достигаются цели внедрения изменений в производстве ПО (мнения экспертов): 1 – почти все цели утрачиваются; 2 – часть целей утрачивается, детали меняются; 3 – достигается большая часть целей; 4 – цели достигаются, результаты превосходят ожидания

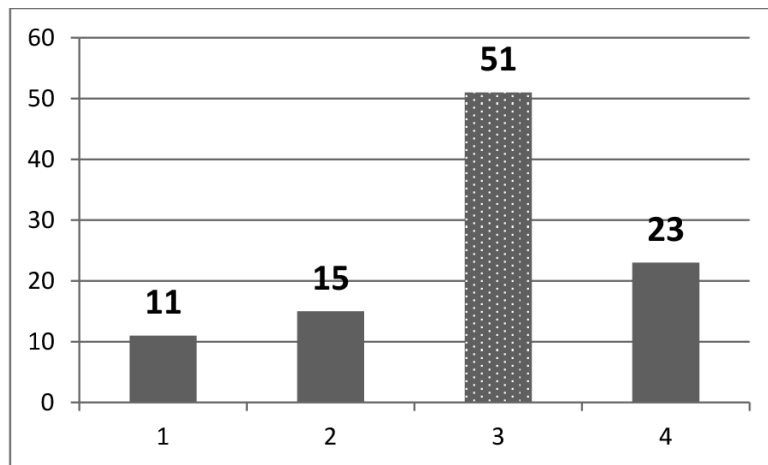

Рис. 9. Является ли потенциально более успешной каждая следующая попытка внедрения изменений в производстве ПО в рамках одного коллектива (мнения экспертов): 1 – каждая следующая попытка имеет меньше шансов, чем предыдущая; 2 – количество попыток внедрения изменений не имеет значения; 3 – каждая следующая попытка имеет больше шансов, чем предыдущая; 4 – затрудняюсь ответить

что реализация данных рисков — длительный процесс, который следует учитывать еще на этапе планирования внедряемых изменений.

Закрепление изменений и анализ результатов

Внедрение изменений в производственные процессы требует значительных усилий на всех уровнях компании. В данной секции эксперты поделились своим мнением и опытом в области эффективности применяемых мер закрепления изменений в производственной практике.

Эксперты выделили типичные организационные меры для закрепления результатов

внедренных изменений в производстве на уровне проекта:

- аудит и внимание со стороны руководителя проекта (встретилось в практике 69% экспертов);
- автоматизация внедренных изменений (встретилось в практике 56% экспертов);
- закрепление в документах проекта (встретилось в практике 49% экспертов);
- поощрение использования новой практики (встретилось в практике 37% экспертов).

Это вновь иллюстрирует важность роли руководителя проекта в управлении изменениями, хотя в производственных проектах он обладает набором других важных обязанностей,

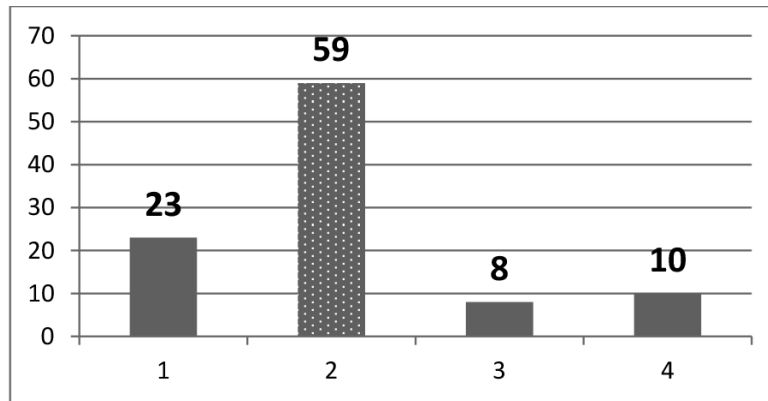

Рис. 10. Когда проводится анализ завершенного внедрения изменений в производстве ПО (мнения экспертов): 1 – сроки могут быть любыми; 2 – анализ проводится спустя несколько месяцев после внедрения; 3 – анализ проводится перед планированием следующих изменений; 4 – никто не проводит никакого анализа

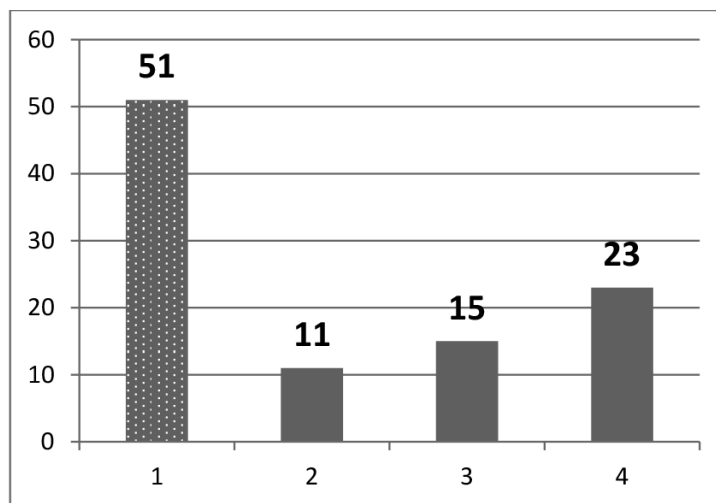

Рис. 11. Какой период времени считается комфортным между двумя идущими подряд внедрениями значительных изменений в процессы разработки ПО (мнения экспертов): 1 – в рамках одного проекта этого следует избегать; 2 – несколько месяцев; 3 – несколько недель; 4 – затрудняюсь ответить

направленных на решение основных бизнес-задач проекта.

Новые практики в производстве требуют регулярного контроля исполнимости. Эксперты определили востребованность ряда мер контроля исполнения командами разработки новых стандартов производства ПО:

- аудиты со стороны руководителя проекта (встретилось в практике 60% экспертов);
- разбор инцидентов после сбоев в качестве продукта проекта (встретилось в практике 55% экспертов).

Между тем для некоторых экспертов идея аудита со стороны руководителя проекта кажется

странной. Более логичным представляется разделение ответственности за контроль исполнения новых производственных практик между руководителем и лидером команды проекта.

Также эксперты в соответствии со своим опытом и опытом своих компаний в управлении изменениями оценили результаты производственных преобразований. В целом этот опыт отвечает другим исследованиям автора и экспертным мнениям в отрасли. При этом инженеры воспринимают полученные результаты преобразований более оптимистично, чем IT-менеджеры (рис. 8).

Также панель экспертов высказала свое мнение о зависимости между количеством попыток

внедрения изменений и их конечной успешностью. Данное мнение подчеркивает, что в восприятии инженеров (рис.9):

- спиралевидный подход к внедрению изменений более логичен и востребован;
- при стабильности коллектива каждую следующую попытку процессных изменений в производстве инженеры оценивают более благоприятно.

Конечно, некоторые эксперты отметили, что качество предпринятых ранее попыток изменения процессов более важно, чем их общее количество.

Анализ результатов внедрения изменений в производство ПО очень важен, однако не менее важно организовать его своевременно. Панель экспертов, исходя из опыта своих компаний, отметила, что в основном анализ результатов внедрения изменений проводится спустя значительное время после их завершения (рис. 10).

Внедрение изменений в производственную деятельность должно быть удобным для сотрудников, являющихся основным активом IT-компаний, при этом негативное влияние изменений на текущие производственные показатели должно быть минимизировано. Эксперты согласовали свое видение возможной регулярности внедрения значительных изменений в производственную модель, указав, что в рамках одного проекта (или итерации проекта) внедрения двух значительных изменений в производственные процессы следует избегать. Из комментариев экспертов следует пояснить, что подразумевались проекты (итерации проектов) длительностью 4–6 месяцев (рис. 11).

Данный результат в совокупности с ожиданиями по успешности идущих подряд попыток преобразований и сроков подведения итогов может стать некоторой основой расписания регулярного внедрения изменений в производство, осуществляемого централизованно. Суммируя все временные промежутки на планирование, внедрение и подведение итогов, можно примерно оценить минимально комфортную для инженеров периодичность внедрения значительных изменений в производство в 7–8 месяцев. Синхронизация таких итераций с производственными итерациями в проектной деятельности является отдельным вопросом, требующим дополнительных исследований.

Выводы

Резюмируя результаты исследования, следует отметить, что инженеры в недостаточной степени вовлечены в управление производственными из-

менениями и связывают основные активности в данном направлении с руководителями своих проектов. Деятельность формальных структур IT-компаний (таких как SEPG, Офис процессного развития, Дирекция качества) для инженеров носит неясный и не совсем открытый характер. При этом в восприятии инженеров общее централизованное управление изменениями должно быть более прозрачным для команд разработки, а внедрение изменений следует проводить формализованно, структурированно и плавно. В любом случае управление изменениями должно носить системный характер: на каждом этапе внедрения изменений весомые усилия необходимо направлять на соответствующие риски, следует разработать меры по закреплению изменений в практике и проводить своевременный анализ полученных результатов.

Литература

1. Published CMMI Appraisal Results. URL: <https://sas.cmmiinstitute.com/pars/>.
2. Пащенко Д. С. Исследование актуальных практик внедрения изменений в производственные процессы разработки ПО и их влияния на проектную деятельность // Управление проектами и программами. 2014. № 4. С.280–290.
3. Королев В.А., Стариков Н.П. Основы системно-процессной теории устройства и жизнедеятельности организаций // Менеджмент и менеджер. 2007. № 11–12.

References

1. Published CMMI Appraisal Results. URL: <https://sas.cmmiinstitute.com/pars/>.
2. Pashchenko D.S. The study of current practices in the implementation of changes in industrial software development processes and their impact on project activities. [Issledovanie aktual'nykh praktik vnedreniya izmeneniy v proizvodstvennye protsessy razrabotki PO i ikh vliyaniya na proektnuyu deyatelnost'] // Upravlenie proektami i programmami № 4, 2014. S.280–290.
3. Korolev V.A., Starikov N.P. Based on system-process theory device and functioning of organizations. [Osnovy sistemno-protsessnoy teorii ustroystva i zhiznedeyatel'nosti organizatsiy] // Menedzhment i menedzher № 11–12, 2007.

УДК 330.8

Александр Васильевич Чаянов. Бессмертные идеи великого ученого

МЯСОЕДОВ БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ,*канд. экон. наук, директор издательства «Русская энциклопедия»***E-mail:** *myasoedov.ded@gmail.com*

Аннотация. Продолжая традицию, в очередном жизнеописании автор рассказывает еще об одном великом ученом – Александре Васильевиче Чаянове.

Сложная судьба была уготована ученому-интеллекту – он пережил несколько арестов и ссылок, во время которых продолжал работать.

Являясь основоположником российской и советской кооперации, Чаянов создал множество работ по теории развития кооперативного движения в сельском хозяйстве. Автор подчеркивает, что идеи великого ученого очень актуальны и в наше время.

Отдельные главы посвящены отношениям А.В. Чаянова с другими знаменитыми учеными: М.И. Туган-Барановским, С.А. Первушиным, Н.Д. Кондратьевым, а также с В.И. Лениным, И.В. Сталиным и Н.И. Бухариным.

К сожалению, труды ученого не получили в свое время объективной оценки, а для воссоздания исторической картины развития нашей страны в переходный период и нашей экономической науки такая оценка необходима. Сейчас наступил момент, когда реабилитация ученого подкрепляется публикацией его наследия.

Ключевые слова: Чаянов, кооперация, сельское хозяйство, НЭП.

Alexander Vasilievich Chayanov. Immortal Ideas of a Great Scientist

MYASOYEDOV BORIS ALEKSEEVICH,*PhD in Economics, Director of «Russian Encyclopedia» Publishing house***E-mail:** *myasoedov.ded@gmail.com*

Abstract. Continuing the tradition, in the next life story the author tells about another great scientist – Alexander Vasilevich Chayanov.

Complex fate awaited this scientist intellectual – he survived several arrests and deportations during which he continued to work.

As the founder of the Russian and Soviet cooperation, Chayanov created many works on the theory of the cooperative movement in agriculture. The author emphasizes that the ideas of a great scientist are still very relevant in our time.

Certain chapters are devoted to A.V. Chayanov's relations with other famous scientists, M.I. Tugan-Baranovsky, S.A. Pervushin, N.D. Kondratyev, as well as the V.I. Lenin, I.V. Stalin and N.I. Bukharin.

Unfortunately, the works of the scientist had not received an objective assessment in due time, and to recreate the historical image of our country development during the transition period and our economic science such an assessment is very necessary. Now is the time when rehabilitation of the scientist is supported by the publication of his heritage.

Keywords: Chayanov, cooperation, agriculture, NEP.

Кто такой А.В. Чайнов? [1]

Однажды в конце 40-х годов, когда еще только собирался поступать на экономический факультет МГУ, я спросил профессора С.А. Первушина, широко известного по выступлениям в экономической печати 1920-х годов:

— *Сергей Алексеевич, кто такие Чайнов и Кондратьев?*

Как сейчас вижу ужас на лице 60-летнего экономиста, отбывшего в первой половине 30-х годов пятилетний срок в Риддере (теперь Лениногорск), а затем работавшего в Институте цветных металлов и золота.

— *Чайнов? Александр Васильевич? — переспросил он и горестно замолчал.*

После XX съезда партии я вновь попытался расспросить его о Чайнове и Кондратьеве и на этот раз услышал:

— *Еще не настало время говорить о них.*

С тем же вопросом я обратился к нему и после XXII съезда КПСС. Тогда он сказал:

— *Нужно еще четверть века, чтобы стало возможным говорить о них. И добавил:*

— *Слово свое о себе они скажут своими трудами. Но это будет, к сожалению, не скоро.*

Александр Васильевич Чайнов родился 17 (29) января 1888 г. в Москве. Его отец, крестьянин по происхождению, мальчиком пошел работать на ткацкую фабрику, со временем стал компаньоном хозяина, а затем открыл собственное дело и стал купцом. Мать Чайнова происходила из культурной образованной семьи, была в числе первых выпускниц Петровской земледельческой и лесной академии¹.

В этой же академии в 1906–1910 гг. учился Чайнов. Его учителями были специалисты-аграрники профессора Д.Н. Прянишников, А.Ф. Фортунатов, Н.Н. Худяков.

Во время обучения жизненной страстью молодого Чайнова становится наука. Но, человек в высшей степени общественный, он занимается ею как делом, преображающим жизнь людей. Такое понимание общественной роли науки проистекало у него из представлений, почерпнутых прежде всего в студенческо-преподавательской среде.

¹ Ныне Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева.

Двадцатилетним студентом 3-го курса Чайнов пишет первую работу. Его интересует кооперация в сельском хозяйстве Италии. Он говорит об экономическом возрождении Италии и связывает его прежде всего с кооперированием сельского хозяйства, когда тысячи бедных маленьких хозяйств сливались в различные союзы и на началах самодеятельности создали мощную экономическую организацию кредита, закупок, сбыта, организовали производственную кооперацию, поддержали дело агрономической помощи крестьянам.

Вскоре появилась и вторая работа Чайнова «Общественные мероприятия по скотоводству в Бельгии», написанная после того, как он, студент выпускного курса, в течение двух месяцев работал в этой стране. В ней он снова поставил вопросы, тесно связанные с отечественной практикой, в частности — о сохранении лучших пород животных.

В 1910 г. молодой ученый был оставлен для подготовки к преподавательской работе при кафедре сельскохозяйственной экономики. Он занимался исследованиями по аграрной экономике и преподавал в высших учебных заведениях Москвы, много публиковался: регулярно выходили его научные труды по теории крестьянского хозяйства и кооперации. В 1912 г. Чайнов был направлен в научную командировку, он посетил Англию, Францию, Германию, Швейцарию, Италию. В том же году при поддержке В.К. Дмитриева и В.О. Борткевича издал «Очерки по теории трудового хозяйства» в двух томах [2].

Общественно-политическая и научная деятельность Чайнова связана с кооперативным движением. С 1915 г. он непреременный участник высших органов российской кооперации. Чайнов и его единомышленники в революционный период пытались превратить кооперативные организации не только в экономическую, но и социально-политическую самостоятельную силу. Кооперативное движение выдвигает его в последнем составе Временного правительства на пост товарища (заместителя) министра земледелия.

А.В. Чайнов — активный участник событий Февральской революции 1917 г. Оказывая решительную поддержку Временному правительству, он считал необходимой консолидацию общественных сил, чтобы справиться с усугублявшимся

разорением страны. Преодолению продовольственного кризиса Чаянов посвятил лекции и статьи в прессе [3].

Ученый поддерживал создание системы продовольственных комитетов: губернских, уездных и волостных, избираемых демократическим путем и подотчетных народу [4], стремился способствовать радикальным преобразованиям в сельском хозяйстве. На Всероссийском кооперативном съезде (25–27 марта 1917 г.) Чаянов был избран членом Совета Всероссийских кооперативных съездов — высшего органа управления кооперативным движением.

После октябрьского переворота А. В. Чаянов преподает в Петровской академии и в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, создает самостоятельный Научно-исследовательский институт сельскохозяйственной экономики и возглавляет его. Он занимает руководящие посты в российской кооперации — в Центросоюзе, является членом коллегии Наркомата земледелия, представителем его в Госплане. В 1919 г. ученый издает «Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации». С 1919 г. в Народном комиссариате земледелия готовит план восстановления сельского хозяйства, возглавляет научный семинарий по сельскохозяйственной экономике и политике. В 1921–1923 гг. Чаянов — член коллегии Наркомзема РСФСР. В 1922 г. на базе семинария в Петровской академии организуется крупный научно-исследовательский институт, руководство которым поручается А. В. Чаянову.

На 1920-е гг. приходится расцвет научной деятельности ученого. В 1922–1923 гг. он совершает полуторагодовую зарубежную командировку: посещает США, Германию, лично знакомится с ведущими зарубежными учеными-аграрниками, издает в Берлине свой главный научный труд «Учение о крестьянском хозяйстве».

По возвращении из командировки Чаянов продолжает работу в Наркомземе, много сил отдает преподавательской работе, руководит институтом сельскохозяйственной экономики. Период 1923–1927 гг. — наиболее плодотворный в жизни ученого, именно тогда вышли его основные обобщающие труды «Организация крестьянского хозяйства» (1925), «Краткий курс кооперации» (1925), «Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации» (1927).

Для выяснения экономических отношений в деревне летом 1925 г. НИИ сельскохозяйственной экономики, возглавляемый А. В. Чаяновым, проводит ряд экспедиций. Результаты экспедиций позволяют ученому установить шесть основных социальных типов крестьянских хозяйств. Главное, к чему всегда стремился он, — получить «массовые данные» об экономических явлениях, пробах и тенденциях. Такой подход выработался у молодого ученого, когда А. В. Чаянов проводил в 1910–1912 гг. исследования денежных бюджетов крестьянских хозяйств и издал работу «Опыт анкетного исследования денежных элементов крестьянского хозяйства». Уже в советское время эти исследования он продолжил с целью выяснить условия успеха кооперирования крестьянских хозяйств.

А. В. Чаянов активно участвовал в экономической деятельности большевистского государства. Он входил в руководство ряда кооперативных и государственных учреждений Советской России. Специалисты его научно-исследовательского института в двадцатые годы разрабатывали пакет краткосрочных и долгосрочных проектов, прогнозов государственной экономической политики. С 1918 по 1930 г. Чаянов опубликовал более двух десятков статей по теории и практике советской государственной экономики.

В связи с начавшейся политикой свертывания НЭПа после дискуссии о дифференциации крестьянства (1927 г.) на Чаянова обрушиваются несправедливые гонения. Он обвиняется в стремлении увековечить неэффективное мелкое крестьянское хозяйство, позднее его назовут «неонародником» и идеологом кулачества. В 1928 г. ученый покидает пост директора института.

1 июля 1930 г. Чаянов был арестован — осужден по сфабрикованному делу о вымышленной Трудовой крестьянской партии. Открытого суда над ним не было, он был приговорен к пяти годам тюремного заключения.

Сначала Чаянов некоторое время сидел в Бутырской тюрьме, где работал над двумя книгами. У его сына Василия Александровича Чаянова сохранилась тетрадь в простом коленкором переплете. Ее пожелтевшие страницы исписаны жидкими, выцветшими фиолетовыми чернилами. С одного конца тетради — заметки по истории западноевропейской гравюры, с другого — наброски статьи «Внутрихозяйственный

транспорт. Материалы к пятилетке 1933–37 года». Тетрадь эта заполнялась в камере тюрьмы. Видимо, А.В. Чайнов искал в работе хоть какое-то отвлечение от кошмарных реалий, может быть, надеялся, что записи пригодятся в будущем. Не пригодились.

Затем ученый был сослан в Казахстан. Чайнов приехал в Алма-Ату в первой половине 1932 г., а в 1933–1935 гг. работал в Казахском сельскохозяйственном институте им. Л.И. Мирзояна. Как и в Москве, он не только преподавал, но и занимался приобщением студентов к искусству. Поставил на сцене институтского клуба 11 пьес и организовал издание «Ежегодника СХИ». Кроме занятий в институте, Чайнов работал старшим экономистом-аналитиком Наркомата земледелия в балансовой группе планово-финансового отдела, в 1935–1936 гг. — в выставкоме по подготовке к Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 28 июня 1935 г. срок ссылки Чайнова был продлен на три года. В конце 1936 г. он был арестован еще раз, но вскоре выпущен. Е.Д. Эйгинсон, бывший студент Казахского сельскохозяйственного института, случайно встретил Александра Васильевича неподалеку от тюрьмы. Он оброс бородой, был одет в рваную телогрейку, подошвы его ботинок обмотаны проволокой.

В марте 1937 г. А.В. Чайнова вновь арестовывают и 3 октября приговаривают к расстрелу. В тот же день он был расстрелян. Чайнов погиб в возрасте 49 лет.

* * *

Труды А.В. Чайнова не получили в свое время объективной оценки. Между тем для воссоздания исторической картины развития нашей страны в переходный период и нашей экономической науки такая оценка необходима.

Правда об А.В. Чайнове и аграрниках 1920–1930 гг. позволит стереть белые пятна в истории нашего сельского хозяйства, ибо эти ученые с необычайной научной добросовестностью исследовали состояние русской деревни кануна коллективизации.

А.В. Чайнова можно назвать певцом крестьянской кооперации. Он научно обосновывал направление «путем кооперации». Ученый писал, что «в отношении земледелия идея

кооперации имела не меньшее значение, чем все крупнейшие технические завоевания».

А.В. Чайнов задумывался о будущем. Руководимый им институт разрабатывал модель «местных комбинатов», включающих заводы по переработке сельскохозяйственной продукции, склады, элеваторы, холодильники, ремонтные мастерские и зерноочистительные пункты, сеть дорог и средства обслуживания транспорта, а также электрификацию, тракторизацию и оборудование тепловыми двигателями.

Мы должны сегодня ясно представлять себе, что концепции А.В. Чайнова несут печать известной отвлеченности от общей атмосферы, создавшейся в стране в те годы, но это не лишает конкретные наблюдения ученого их научного значения. И издание трудов Чайнова определяется не только потребностями восстановить историческую истину.

Оценивая исследования А.В. Чайнова, президент ВАСХНИЛ академик А.А. Никонов выделяет в них самое ценное для нас: *«Труды выдающегося русского и советского экономиста профессора Александра Васильевича Чайнова, посвященные организации крестьянского хозяйства, формам сельскохозяйственной кооперации, оценке земельных и других ресурсов, подъему Нечерноземья, агропромышленной интеграции, созданию крупных хозяйств, не утратили своего значения и в наши дни. Особенную актуальность приобретают идеи Чайнова в период перестройки народного хозяйства страны».*

Речь идет об аграрно-экономических работах, написанных А.В. Чайновым в разные годы и посвященных проблемам развития крестьянского хозяйства и интенсификации сельского хозяйства, практическим вопросам кооперативного строительства, финансированию кооперации, кредиту, прогнозу развития отрасли, пространственному размещению предприятий, организации и планированию сельскохозяйственных работ.

Зарубежными предшественниками Чайнова принято считать немецких экономистов Т. Гольца, Ф. Эрбо и швейцарского аграрника Э. Лаура. Их теории, в которых сформулированы принципы эффективного хозяйствования на крупных капиталистических фермах, Чайнов творчески переработал для условий семейно-трудовых хозяйств в России. Большое влияние на взгляды Чайнова оказали также работы немецких

экономистов И. Тюнена и А. Вебера по рациональному размещению производительных сил в масштабе региона и народного хозяйства в целом.

НЭП — самое интересное явление в стране, в политике большевиков, в деятельности интеллигентов-экономистов, стоящих не на большевистской платформе. Во времена НЭПа Чаяновым были созданы труды по теории семейно-трудового крестьянского хозяйства и кооперации, по практическому применению теоретических знаний и рекомендаций, проводились обследования крестьянских хозяйств в различных районах страны.

В конце 1980-х годов СМИ сотрясали сенсации: НЭП изобретен вовсе не В. И. Лениным, а Н. И. Бухариным, или Ю. Лариным, или Л. Д. Троцким. Политическая атмосфера НЭПа определялась большевиками Л. Д. Троцким, Н. И. Бухариным, Г. Я. Сокольниковым, Н. Осинским... Однако истоки НЭПовской политики следует искать и во влиянии небольшевистской среды и обязательно учитывать роль А. В. Чаянова и Н. Д. Кондратьева.

Исходя из здравого смысла, после периода военного коммунизма в стране не случайно ввели НЭП. Период 1920-х годов, период НЭПа именуют «золотым веком» экономической мысли в СССР. Господство марксизма (В. И. Ленин, Н. И. Бухарин, Г. М. Кржижановский, Е. А. Преображенский, Г. Я. Сокольников) не исключало альтернативных течений. В науке трудились экономисты, считавшие себя марксистами, но не входившие в коммунистическую партию, — В. А. Базаров, А. А. Богданов. Существовали направления немарксистской мысли, чьи представители (Н. Д. Кондратьев, С. А. Первушин, Л. Н. Литошенко, А. В. Чаянов, Л. Н. Юровский и др.) добивались результатов в развитии как экономической теории, так и новой хозяйственной практики. К числу последних направлений относится организационно-производственная школа (Н. П. Макаров, А. Н. Минин, А. А. Рыбников, А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев и др.). Школа возникла в дореволюционный период в связи с быстрым ростом крестьянских кооперативов, но пик ее практической и творческой деятельности приходится на период НЭПа. Признанным лидером организационно-производственной школы, автором ее основополагающих идей стал А. В. Чаянов.

Чаянов не собирался ограничиваться русским крестьянством, которое обходилось без наемного труда, но распространял свои идеи на Индию, Китай, а также на большинство европейских и неевропейских стран: Бразилию, Мексику, Турцию, Нигерию, Индию и Индонезию. Его теорией зарубежные ученые пользуются и сегодня в теоретических, эмпирических и практических целях, поскольку она наилучшим образом — среди существующих в мире моделей — описывает развитие третьего мира.

А. В. Чаянов и М. И. Туган-Барановский

Двое ученых навеки связали свои имена с кооперацией. Среди первых работ, которые были выпущены в серии «Экономическое наследие» издательством «Экономика» в 1989 г., идут книги М. И. Туган-Барановского «Социальные основы кооперации» и А. В. Чаянова «Крестьянское хозяйство».

На их трудах основаны базовые принципы, устремления кооперации. Эта информация позволяет кооперативному движению развиваться с большей доходностью.

Центр кооперативной деятельности зарождается в Москве в Университете имени А. Л. Шаняевского. Здесь в июле 1915 г. организуется Всероссийский центральный кооперативный комитет, сформировавшийся в 1917 г. во Всероссийский Совет кооперативных съездов. В 1917 г. этот Совет выдвигает кооперацию в качестве самостоятельной общественной организации на политическом поприще [5]. Здесь сосредоточились лучшие кооперативные силы экономической науки и практики.

Чаянов прочно утвердился в этой среде в качестве секретаря кооперативного отдела. В 1919 г. вышла его книга «Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации». В том же году в Университете имени А. Л. Шаняевского третьим, дополненным изданием вышла книга М. И. Туган-Барановского «Социальные основы кооперации» [6]. Странным кажется то, что у Туган-Барановского в работе нет ссылок на труды Чаянова², но еще более

² При комментировании книги М. И. Туган-Барановского издательство сослалось на работу А. В. Чаянова 1919 года, подчеркнув общее во взглядах авторов.

странным можно считать, что и Чайнов в своей книге не сослался на Туган-Барановского. Можно высказать предположение, что Туган-Барановский не увидел у молодого автора сильных сторон теории, а вот А.В. Чайнов... Вопрос остается открытым и любопытным.

Также открытым остается вопрос: как идеи кооперации двух ученых рассматривать в связи со столыпинской реформой, с НЭПом, со сталинской коллективизацией?

А.В. Чайнов и С.А. Первушин

В ранний период научной деятельности С.А. Первушин занимался проблемами крестьянского хозяйства и методологией бюджетных исследований семейных предприятий в деревне. Важно отметить, что А.В. Чайнов, С.А. Первушин, Н.П. Макаров и А.А. Рыбников разработали приходно-расходную книжку, учитывающую не только денежный, но и натуральный оборот ценностей в крестьянском хозяйстве.

В своей работе «Из области методологии бюджетных исследований» [7] С.А. Первушин пишет о главных типических затруднениях, встречающихся при бюджетном исследовании, и ссылается на А.В. Чайнова: «Регистратор, опрашивавший уже несколько хозяйств, бывает часто повинен в невольном прямом подкаже цифр» [8]. Здесь А.В. Чайнов видит отрицательное влияние опрашивающего статистика.

В 1910–1917 гг. в «Трудах статистико-экономического отдела Московского земства» и отдельными изданиями были опубликованы работы Сергея Алексеевича по вопросам статистики бюджетов и постановки бюджетных исследований, а в 1917 г. — работа «Влияние дороговизны и подъема цен на народное потребление в военные годы 1914–1916». В этот период С.А. Первушин вел научную полемику с А.В. Чайновым по проблемам бюджетных исследований в работах «К вопросу о постановке бюджетных исследований: Две приходно-расходные записи крестьян Московского уезда», «Из области методологии бюджетных исследований».

А.В. Чайнов ответил на выдвигаемые С.А. Первушиным положения в статьях «Из области методологии бюджетных исследований (по поводу критических работ Первушина С.А.)» [9] и «Мера точности бюджетных данных (Ответ С.А. Первушину)».

А.В. Чайнов и Н.Д. Кондратьев

Н.Д. Кондратьев и А.В. Чайнов активно сотрудничали, хотя и расходились во взглядах на пути преобразования сельского хозяйства. В 1917 г. участвовали в разработке эсеровской программы и аграрной реформы в Главном земельном комитете. В последнем составе Временного правительства Кондратьев — товарищ (заместитель) министра продовольствия, Чайнов — товарищ министра земледелия.

После октябрьского переворота профессора Петровской сельскохозяйственной академии А.В. Чайнов и Н.Д. Кондратьев организуют научные институты: Кондратьев — Конъюнктурный, Чайнов — Институт сельскохозяйственной экономики. Об огромной роли, которую играл А.В. Чайнов в деятельности Наркомзема, говорит тот факт, что в ноябре 1921 г. он выступал перед президиумом Госплана с докладом «Генеральный план Наркомзема на 1921–1922 гг.». Под руководством Н.Д. Кондратьева разработан план развития сельского и лесного хозяйства (пятилетка Кондратьева): 1923–1928 гг.

А.В. Чайнов и Н.Д. Кондратьев навеки связаны общей судьбой — трагедией дважды несправедливо осужденных и дважды реабилитированных ученых-энциклопедистов, бескомпромиссно преданных научной истине, вернувшихся в ореол мирового признания.

А.В. Чайнов и В.И. Ленин

В теме «В.И. Ленин и экономисты — его современники» отношения В.И. Ленина и А.В. Чайнова занимают особое место. В кооперативном движении Чайнов был сторонником компромисса между Советской властью и кооперацией, провозглашая возможность их сотрудничества при сохранении кооперацией самостоятельности в своей хозяйственной деятельности. А.В. Чайнов — член кооперативной делегации 18 ноября 1918 г., ведущей переговоры с В.И. Лениным о судьбе Московского народного банка, принадлежавшего кооперации. Двое ученых, Н.П. Макаров и А.Н. Челинцев, эмигрировали, обидевшись на национализацию большевиками Московского народного (кооперативного) банка — главного кредитного центра кооперации, но Чайнов уговорил их и других кооператоров — разработчиков семейно-трудовой теории вернуться на родину.

Во многом благодаря усилиям А.В. Чайанова был восстановлен мир между крестьянством и властью. В этой связи интересны подробности снятия коллективизатора С.П. Середы с поста народного комиссара земледелия. На девятом съезде РКП (б) (29 марта — 5 апреля 1920 г.) была принята военно-коммунистическая по духу резолюция «Об отношении к кооперации». Имея целью «превращение старой мелкобуржуазной кооперации в кооперацию, руководимую пролетариями и полупролетариями», РКП (б) логично отняла у Центросоюза, губсоюзов и местных потребительских обществ сельскохозяйственные, лесные, промышленные и прочие отделы и передала их ВСНХ, Наркомпроду, Наркомзему и другим советским органам. Следствием стало то, что в указанных органах появились здравомыслящие люди. В декабре 1920 г. Наркомпрод предложил премировать «старательных хозяев». С.П. Середа выступил против: «Неверно ставить ставку на старательного хозяина, а надо поставить ставку ... на коллективность». И сразу же лишился поста наркома. С.П. Середа не знал, что предложение Наркомпрода было поддержано В.И. Лениным.

Почему В.И. Ленин внезапно выступил в поддержку кулака? Очевидно, он раньше других увидел, что аграрная политика грозит катастрофой, и стал искать альтернативу. Именно в это время В.И. Ленин знакомится с трудами А.В. Чайанова. Обычно непримиримый к любой точке зрения, отличной от его собственной, В.И. Ленин высоко оценивал идеи ученого и встречался с ним. Работая над статьей «О кооперации», Ленин держал на письменном столе первое издание книги Чайанова «Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации» (1919)³. В рабочей библиотеке В.И. Ленина находились 6 его работ, которые вождь использовал при написании статьи «О кооперации».

Чаянов высоко оценил ленинскую статью, он считал, что «кооперация делается одной из основ нашей экономической политики» [10]. Статья сразу же после опубликования заставила читателей взглянуть по-новому на кооперацию как на метод организации нового общества.

³ В 1920 г. Чайанов написал утопическую повесть «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», подписавшись псевдонимом Ив. Кремнев. Повесть была напечатана по личному распоряжению Ленина.

В феврале 1921 г. В.И. Ленин предложил ввести Чайанова в состав руководства главной экономической цитадели большевиков — только что образованного Госплана. А.В. Чайанов не принял этот пост, ибо в том же феврале стал полноправным членом Коллегии Наркомзема и должен был представлять Наркомзем в Госплане. Кроме того, Чайанова включают в состав комиссии по продналогу, разработавшей и принявшей «Основные принципы построения продналога», с введения которого начался НЭП.

В период НЭПа Ленин написал две статьи, посвященные кооперации. После этого слово «кооперация» стало самым популярным в стране. Для Чайанова, у которого кооперативное движение было главной научной и практической задачей, такое внимание страны к кооперации стало серьезной проблемой. В связи с ленинскими статьями Чайанов в переизданной работе «Краткий курс кооперации» замечает: «Когда в наши дни говорят о будущем деревни, то чаще всего возлагают свои надежды на кооперацию... Однако это вовсе не означает, что многие отчетливо понимают сущность кооперации, ее основные идеи и организационные принципы». Ученый разъясняет свою мысль на конкретных примерах и говорит о том, что будущее сельского хозяйства за кооперацией: «Это будущее заставляет нас видеть в нашей работе... будущий грандиозный социально-экономический переворот, превращающий распыленное стихийное крестьянское хозяйство в стройное хозяйственное целое, в новую систему организации земледелия, и вполне согласиться с мыслью предсмертной статьи Ленина о том, что развитие кооперации совпадает с развитием социализма».

Теория чайановской кооперативной коллективизации опиралась на реальные процессы развития кооперации в деревне 20-х годов и не противоречила ленинскому кооперативному плану. Но если у В.И. Ленина на переднем плане был социально-политический аспект преобразования производственных отношений, то у А.В. Чайанова — скорее технологический. В отношении срока перехода «к крупному производству на началах добровольного объединения» В.И. Ленин писал, что таковое на основе кооперативной политики может произойти «в неопределенный срок» [11], и Чайанов стоял на таких же позициях.

Ленин в статье «О кооперации» выдвинул общую идею о возможно более плавном и безболезненном продвижении крестьянского хозяйства к социализму через использование выгод кооперации, но не уточнил, какие именно виды кооперативов он имел в виду. Скорее всего, предполагалось использовать все формы кооперации, включая производственную. В этом смысле чайновская концепция вертикальной кооперации отличалась от ленинской.

А.В. Чайнов неоднократно подчеркивал свою солидарность с высказываниями Ленина о социализме как строе «цивилизованных кооператоров». Близость их позиций, конечно же, не следует преувеличивать. Но многие положения Чайнова — о самостоятельности кооперативов, их связи с рынком, добровольности и постепенности процессов кооперирования — вполне созвучны НЭПовским выводам Ленина.

Взгляды А.В. Чайнова на кооперацию не были неизменными. Социально-экономические сдвиги, происходившие в стране, ленинские оценки сущности кооперации при социализме, естественно, вносили уточнения в его позиции. А.В. Чайнов писал: «Процесс перерождения внутреннего социально-экономического содержания кооперативного движения, при замене политического господства капитализма властью трудящихся масс, с особенной ясностью был освещен в предсмертных статьях В.И. Ленина о кооперации» [12].

Жизнь приблизила сроки, возможности и необходимость социалистического переустройства деревни. Отсюда возникает чайновский план «кооперативной коллективизации». Суть его — придание сравнительно медленному эволюционному процессу постепенного кооперирования несколько большего акцента на создании производственных форм. «Единственно возможный в наших условиях путь внесения в крестьянское хозяйство элементов крупного хозяйства, индустриализации и государственного плана, — писал А.В. Чайнов, — это путь кооперативной коллективизации, постепенного и последовательного отщепления отдельных отраслей от индивидуальных хозяйств и организации их в высших формах крупных общественных предприятий» [12].

Ленинские идеи о кооперировании крестьянства легли в основу резолюции XIII съезда РКП (б) «О кооперации» и «О работе в деревне».

А.В. Чайнов и Н.И. Бухарин

После смерти Ленина Н.И. Бухарин оставался толкователем ленинизма и охранителем НЭПа. Он отказывался от укоренившихся большевистских представлений: «Коллективные хозяйства — это не главная магистраль, не столбовая дорога, не главный путь, по которому крестьянство пойдет к социализму... Столбовая дорога пойдет по кооперативной линии»⁴.

«Взгляды Бухарина (имелась в виду его теория вставания кулака в социализм. — Б.М.) в значительной степени сходятся со взглядами народников типа Чайнова...» [13].

В 1930 г. большинство участников I Всесоюзной конференции аграрников-марксистов переходили от политико-научных оценок к политическим обвинениям, напрямую связывая «чайновщину» с правым уклоном в ВКП (б), с Бухариным. Начиная борьбу с Н.Д. Кондратьевым и А.В. Чайновым, Сталин готовился к уничтожению ленинской гвардии, они явились предтечей уничтожения правой оппозиции в партии и «любимца партии и Ленина» — Бухарина. Большинство большевиков, с которыми работали Кондратьев и Чайнов, оказались в ГУЛАГе.

Есть версия о том, что Чайнова судили как активного борца с коллективизацией и идеологического защитника семейно-трудовых хозяйств, объединяющих нежелающих вступать в колхозы. Вполне очевидно, что здесь А.В. Чайнов проходил как единомышленник Н.И. Бухарина — политического противника Сталина в деле коллективизации и индустриализации страны.

А.В. Чайнов и И.В. Сталин

Интересно проследить, как идеи кооперации Чайнова соотносились с политическими курсами Ленина и Сталина.

Если взгляды А.В. Чайнова на кооперацию не противоречили ленинскому кооперативному плану, то они встали поперек той политики в деревне, которая стала проводиться Сталиным через три года спустя смерти Ленина, после XV съезда партии (1927 г.). Практические моменты концепции Сталина о переходе деревни

⁴ Подчеркивая важность своей аргументации, Бухарин повторяет это заявление на четырех официальных собраниях в марте и апреле 1925 г., в том числе и на Первой конференции колхозников.

к социализму были во всем противоположны убеждению Ленина.

Чем дальше, тем больше кооперативная коллективизация не вписывалась во все ускоряющийся темп преобразования деревни. А самого А.В. Чаянова все чаще называют буржуазным или мелкобуржуазным профессором. Его взгляды квалифицируются как «неонароднические», далекие от понимания задач сталинского социалистического строительства.

Роковую роль для А.В. Чаянова и его соратников сыграла дискуссия 1927 г. о дифференциации крестьянства. Назрел вопрос о расслоении класса крестьян: куда он идет? Интенсивно ли происходит расслоение? Происходит ли вымывание середняка? Представляет ли опасность кулачество? Все эти вопросы имели важное практическое значение и для судеб крестьянства, и для страны в целом.

Однако объективная научная полемика была подменена избиением не согласных с точкой зрения так называемых аграрников-марксистов. Сталин и его ближайшее окружение, противореча здравому смыслу в реализации кооперативного плана, руководствовались иными идеями и методами, способствуя закату НЭПа. Для них одной из целей при проведении сплошной коллективизации (начиная с 1929 г.) оказалась максимально возможная перекачка средств из аграрного сектора в индустриальный, выколачивание максимальной «дани» с крестьянства.

Естественно, концепция А.В. Чаянова шла вразрез и с подобной целью, и со средствами ее обеспечения (административное объединение крестьян в колхозах, жестокое подавление всякого сопротивления «сплошной коллективизации», массовая высылка не только кулаков, но и части зажиточных середняков, установление закупочных цен на колхозную продукцию на уровне, который был ниже действительной стоимости в 10–12 раз). Не случайно в речи на Конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. Сталин произнес: «Непонятно только, почему антинаучные теории «советских» экономистов типа Чаяновых должны иметь свободное хождение в нашей печати...» [14]. На Конференции на ученого набросился Л.Д. Троцкий, потом — Г.Е. Зиновьев, а затем — и все участники конференции. Взгляды Чаянова и представителей его школы были объявлены антимарксистскими; в вину ученому вменялись желание

сохранения индивидуального крестьянского хозяйства, недооценка роли пролетариата, защита интересов кулачества. Чаянова стали незаслуженно числить идеологом кулачества, «ярким противником» социализма и марксизма.

Проведение курса, намеченного И.В. Сталиным, а главное, форсирование темпов реконструкции требовало не столько добросовестного изучения положения дел в деревне, сколько устранения инакомыслящих. «Сталин, отождествляя себя с государством, не проводил различия между политической оппозицией и государственной изменой» [15]. Политическая дискредитация, сопровождавшаяся, как правило, репрессивными мерами, была самым действенным способом решения вопроса.

Так был создан миф о Трудовой крестьянской партии, так возникло «Дело ТКП». Родились термины «чаяновщина» и «кондратьевщина» как синонимы антинародного и антинаучного подхода к развитию сельского хозяйства. На десятилетия в могильниках спецхрана исчезли книги исследователей, полные размышлений и поисков. Вместе с тем практика коллективизации показала, что утверждение монополии на истину в оценке тенденций экономического развития явилось серьезной помехой в развитии аграрного сектора страны.

Кооперация оказалась в тисках сталинского социализма. Идеи Чаянова разошлись со сталинским курсом, и это стало причиной репрессий против самого Чаянова и его сторонников.

Чаяновская доктрина кооперации

С возвращением имени и идей Чаянова встал вопрос о пересмотре истории кооперации. Кооперация выдвигалась во главу сельского хозяйства, ибо у нее складывался свой путь, в годы сталинизма нарушенный колхозным строем. За минувшие семь десятилетий советской власти подросло несколько поколений сельских жителей, которым подлинные идеи кооперации неизвестны и чужды. Именно поэтому сегодня стоит вопрос о возрождении сельскохозяйственной кооперации. За последние годы было несколько попыток совершенствования аграрных отношений: в начале 1950-х, в середине 1960-х, в начале 1980-х в связи с принятием Продовольственной программы СССР и, наконец, на начальном этапе современной реформы. В разной мере все эти попытки были направлены главным образом на

внедрение в сельское хозяйство рыночных отношений, хозяйственного расчета; на повышение хозяйственной самостоятельности производственных единиц. Решалась судьба земли, колхозов, совхозов, а с 1990-х гг. — фермеров.

В наши дни, когда возрождающееся кооперативное движение делает новые шаги, очень важно с самого начала правильно понимать сущность, задачи, принципы сельскохозяйственной кооперации, видеть объективные условия и перспективы ее роста, представлять все многообразие форм и их взаимодействие. В сельском хозяйстве предстоит переводить вектор на кооперацию.

Если взглянуть на публикации о чайновской кооперации последних 25 лет, прошедших после реабилитации трудов ученого, можно увидеть, с каким трудом кооперация пробивает свой путь, который оказался сродни малому бизнесу.

Чаяновская кооперация как общественное движение — на той стороне истории, где прогресс. Чайнов построил универсальную систему кооперативных форм. Классификация и систематизация — обязательные элементы научного познания наблюдаемых явлений и объектов. Чайнов видел основу классификации в самом производственном процессе. Он сам сравнивает свою классификационную систему с периодической системой элементов Менделеева в том смысле, что она оставляет пустые места там, где возможна некая новая кооперативная форма.

Ученый рассматривает диалектику кооперативных форм, их взаимную обусловленность, организующее воздействие на все сельское хозяйство. Вначале возникают наиболее простые формы кооперации — потребительские и закупочные товарищества. Они подготавливают почву для организации сбытовых кооперативов. Последние реформируют сельское хозяйство в сторону его наибольшего соответствия рыночной конъюнктуре. Тогда и создаются кооперативы по переработке сельскохозяйственного сырья. Наконец, на основе созданной высокоорганизованной системы сельскохозяйственной кооперации появляются производственные формы — машинные, мелиоративные и водные товарищества, племенные союзы и т. д. В завершение «вся система качественно перерождается из системы крестьянских хозяйств, кооперирующих некоторые отрасли своего хозяйства, в систему общественного

кооперативного хозяйства, построенную на базе обобществления капитала, оставляющую техническое выполнение некоторых процессов в частных хозяйствах своих членов почти что на началах технического поручения».

В своих поздних работах конца 1920-х гг. Чайнов несколько изменил мнение о коллективном земледелии. Возможно, это произошло в силу нарастающего колхозного движения в стране, и честный ученый не мог не считаться с экономической реальностью, вероятно, это было следствием общественно-политической ситуации в СССР.

Таковы общие черты кооперативной теории Чайнова. Развитие кооперации в годы НЭПа, мировой опыт подтверждают ее правильность. К сожалению, в нашей стране кооперативное движение волевым усилием государственного аппарата сталинского режима было направлено по другому, далекому от здравомыслия, не магистральному руслу. Но насильственное сведение всех кооперативных форм к колхозу привело в конце концов к потере им своей кооперативной сути.

Теория А. В. Чайнова явилась вершиной развития теоретических воззрений на сельскохозяйственную кооперацию в России. Приведем важнейшие положения А. В. Чайнова о кооперации.

«Крестьянское хозяйство противостоит во всей своей ничтожности и слабости ожесточенному напору мощных капиталистических предприятий, получающих свои прибыли за счет недоплаты за продукты крестьянского труда и переплаты за покупаемые крестьянами товары. Перед нами обычная картина глубочайшего захвата крестьянских масс торговым капиталом и подлинный боевой социально-экономический фронт борьбы за уровень оплаты крестьянского труда... Поэтому для крестьянских хозяйств приобретает исключительное значение единственно надежный выход из положения — возможность путем кооперирования многих тысяч хозяйств создать свои крестьянские специальные могущественные организации, организующих денежный бюджет крестьянства при помощи создания своих — крестьянством обслуживающих и крестьянством управляемых крупнейших торговых аппаратов» [16].

Чайнов писал: «Для нас возможен единственно верный путь спасения, неизвестный

и закрытый капиталистическим организациям, — путь этот: переложить тяжесть удара на плечи... русского крестьянского хозяйства. Нужна кооперативная общественная жизнь, кооперативное общественное мнение, массовый захват крестьянских масс в нашу работу».

В настоящее время сделанные Чаяновым выводы полностью подтверждаются на практике. Исходя из необходимости учета соотношения размеров территории хозяйств и размещаемых на ней производственных факторов, аграрное законодательство современных развитых стран Европы и Америки воздействует на формирование оптимального размера сельхозпредприятий, устанавливая зачастую принудительность такого формирования и неблагоприятные последствия для предприятий, выходящих за рамки признанных государством оптимальных размеров.

Земельное законодательство стран СНГ не учло разработок Чаянова и пошло по другому пути — ограничению права частной собственности на землю и права пользования ею. Подобные ограничения, препятствующие формированию оптимальных размеров хозяйствующих на земле субъектов, могут иметь самые отрицательные последствия.

В настоящее же время, когда для России нет, по крайней мере, сиюминутной угрозы ее существованию, как никогда необходим возврат к идеям А. В. Чаянова с учетом сложившихся в стране реалий: поддержке трудовых крестьянских хозяйств, включая кооперативы — колхозы, и развитие кооперативных форм сельскохозяйственных товаропроизводителей, обеспечивающих предоставление им всего комплекса услуг, включая переработку и сбыт их продукции.

Руководитель кооперации в стране должен иметь статус члена правительства. Тогда кооперация «выстроится» и проявится как система обеспечения уверенности в завтрашнем дне.

Возвращение трудов ученого

Труды А. В. Чаянова не получили в свое время объективной оценки, но сейчас наступил момент, когда реабилитация ученого подкрепляется публикацией его наследия. В издательстве «Экономика» готовятся к выходу его избранные экономические произведения. Мне как издателю ясно, что прорыв на фронте экономической науки невозможен без пополнения интеллектуального «рациона» экономистов. Думаю,

что такому пополнению «рациона» будут способствовать труды, исследования А. В. Чаянова.

Возвратить труды А. В. Чаянова читателю, и притом не только читателю-специалисту, но и широкому читателю, важно еще по одной причине. В пылу идеологических схваток 1920–1930-х гг. было рождено и еще недавно имело широкое хождение представление об идейно-нравственной неустойчивости, характерной для настроения и поведения интеллигенции того времени. Возникновению этой версии способствовала и выпускаемая тогда литература. Созданные ею персонажи-интеллигенты если не совершали диверсий, то, во всяком случае, нуждались в серьезной «перековке», чтобы стать Гражданами. Издание трудов А В Чаянова, как и издание работ близких ему по духу ученых 20-х годов, позволяет нам представить подлинный, а не выдуманный духовный облик народного интеллигента, бескомпромиссно преданного научной истине, которая неотрывна для него от судьбы «нашей демократической государственности».

Но Чаянов был не только глубоким экономистом, но и одаренным писателем, серьезным исследователем русского искусства и знатоком истории Москвы. Он собирал книги о Москве, произведения живописи и графики. В 20-е годы под псевдонимом Ботаник X он опубликовал в московских издательствах пять маленьких повестей, стилизованных под русскую прозу начала XIX века: «История парикмахерской куклы, или Последняя любовь московского архитектора М», «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей», «Венецианское зеркало, или Удивительные похождения стеклянного человека», «Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина, описанные московским Ботаником X и иллюстрированные фитопатологом У. М.», «Юлия, или Встречи под Новодевичьем».

Доктор филологических наук М. Чудакова пишет о чаяновской гофманиаде, предвосхищавшей булгаковскую. Кстати, М. А. Булгаков был знаком с творчеством А. В. Чаянова. Художница Н. А. Ушакова, иллюстрировавшая повесть «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей», подарила книгу автору еще ненаписанного романа «Мастер и Маргарита». М. А. Булгаков был потрясен совпадением своей фамилии с фамилией героя-повествователя

в книге Чайнова (повесть издана в 1922 г.). А нас сегодня не менее потрясают слова, произнесенные сатаной в повести А.В. Чайнова: *«Беспредельна власть моя, Булгаков, и беспредельна тоска моя; чем больше власти, тем больше тоски...»*

Возможно, что в творческой биографии М.А. Булгакова повести А.В. Чайнова сыграли роль своего рода мощного импульса. Но повести экономиста-аграрника предвосхитили не только булгаковскую гофманиаду, но и гофманиаду, ставшую реальностью в научной жизни 1930-х годов. От нас зависит, чтобы гофманиада такого рода впредь оставалась только достоянием художественной литературы.

Реабилитация Чайнова

Как незаконно репрессированный Чайнов был реабилитирован в 1956 г.. Обвинения по делу «Трудовой крестьянской партии» «за отсутствием события или состава преступления» были сняты с него постановлением Верховного Суда СССР 16 июля 1987 г. по протесту Генерального прокурора СССР А.М. Рекункова, Верховный Суд страны прекратил уголовное дело за отсутствием состава преступления.

28 сентября 1987 г. в конференц-зале ВАСХНИЛ (Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина) английский профессор Теодор Шанин выступил с лекцией «А.В. Чайнов в мировой экономической науке». Многие из собравшихся впервые услышали имя Чайнова, за полтора месяца до этого прочитав в газете «Московские новости» материалы «круглого стола», собранного журналистом Львом Воскресенским с участием докторов наук Н.К. Фигуровской, В.Л. Данилова и М.О. Чудаковой, где рассказывалось о реабилитации 15 ученых-аграрников, репрессированных в самом начале тридцатых годов по обвинению в подготовке антисоветских заговоров и кулацких мятежей. По именам двух главных обвиняемых «преступная организация» получила тогда название «кулацко-эсеровской группы Кондратьева–Чайнова».

В докладе на конференции, посвященной 100-летию А.В. Чайнова, академик А.А. Никонов сказал: «... Не пепел смерти этих выдающихся людей сегодня нас должен занимать, а здоровое дерево жизни, их богатое научное наследие, научные выводы, выдержавшие исторические испытания и сохранившие свою актуальность до наших дней».

27 ноября 2013 г. Межвузовскую студенческую конференцию в МГУ «А.В.Чайнов — мыслитель, ученый, гражданин» профессор А.Г. Худокормов открыл такими словами: «Александр Васильевич Чайнов принадлежал к той плеяде русских ученых, которые упорно искали пути развития страны, ее обновления, разрабатывая общие закономерности, глубоко проникая в специфику сельского хозяйства. Чайнову был присущ глубочайший патриотизм. Его научные концепции вытекали из жизни и были направлены на поиск путей органичного развития хозяйственных форм и социальных процессов».

В настоящее же время, когда для России нет, по крайней мере, сиюминутной угрозы ее существованию, как никогда необходим возврат к идеям А.В. Чайнова с учетом сложившихся в стране реалий. А именно: поддержка трудовых крестьянских хозяйств, включая кооперативы — колхозы, и развитие кооперативных форм сельскохозяйственных товаропроизводителей, обеспечивающих предоставление им всего комплекса услуг, в том числе переработку и сбыт их продукции.

Использование экономического наследия А.В. Чайнова — длительный и неторопливый процесс, в котором его произведения, публикации о нем, создание именных институтов, центров и фондов, проведение научных конференций — необходимые условия воплощения идей ученого о кооперации. В этом отношении Н.Д. Кондратьеву повезло больше.

* * *

А.В. Чайнов, Н.Д. Кондратьев, Н.И. Вавилов. Они возвращаются к нам в ореоле мирового признания. Свидетельства тому — издание восьмитомного собрания сочинений А.В. Чайнова во Франции, широкая известность его трудов в Венгрии, Польше, Англии, Японии, Индии, США, в странах Латинской Америки. Работая в чрезвычайно неблагоприятных для науки условиях, А.В. Чайнов создал труды, которые давно признаны за рубежом и являются гордостью русской науки.

Литература

1. Книжное обозрение. 1988. № 4.
2. Кондратьев Н. Д. Суздальские письма. М., 2004. С. 100
3. Власть Народа // Русские Ведомости. 1917. № 34.

4. Чайанов А. В. Продовольственный вопрос. Лекции, читанные на курсах по подготовке работников по культурно-просветительной деятельности при Советах студенческих депутатов в апреле 1917 г. М., 1917. С. 33.
5. Чайанов А. В. Крестьянское хозяйство. М., 1989.
6. Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М., 1989. С. 41.
7. Первушин С. А. Из области методологии бюджетных исследований. СПб., 1912. С. 16–23.
8. Чайанов А. В. Лен и другие культуры в организационном плане крестьянского хозяйства Нечерноземной России. М., 1912.
9. Вестник сельского хозяйства. 1912. № 48. С. 3–6.
10. Чайанов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1927. С. 25.
11. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1967. Т. 43. С. 227.
12. Чайанов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1927.
13. Итоги объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) 17–21 декабря 1930 г.
14. Труды 1-й Всероссийской конференции аграрников-марксистов. Т. 1. М., 1930.
15. Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1958. С. 628.
16. Чайанов А. В. Основные идеи и формы сельскохозяйственной кооперации М.: Наука, 1991. С. 36.
- nye na kursakh po podgotovke rabotnikov po kul'turno-prosvetitel'noy deyatelnosti pri Sovetakh studencheskikh deputatov v aprele 1917 g.]. М., 1917. P. 33.
5. Chayanov A. V. Farm household. [Krest'yanskoe khozyaystvo]. М., 1989.
6. Tugan-Baranovskiy M. I. Social foundations of cooperation. [Sotsial'nye osnovy kooperatsii]. М., 1989. P. 41.
7. Pervushin S. A. From the methodology for fiscal studies. [Iz oblasti metodologii byudzhetsykh issledovaniy]. Peterburg 1912. P. 16–23.
8. Chayanov A. V. Flax and other crops in terms of organization of peasant farming. [Len i drugie kul'tury v organizatsionnom plane krest'yanskogo khozyaystva]. Mosk. Gub. М. 1912.
9. Gazette of Agriculture. [Vestnik sel'skogo khozyaystva]. М. 1912. № 48. P. 3–6.
10. Chayanov A. V. The basic ideas and forms of organization of agricultural cooperation. [Osnovnye idei i formy organizatsii sel'skokhozyaystvennoy kooperatsii]. М., 1927. P. 25.
11. Lenin V. I. Complete set of works. [Polnoe sobranie sochineniy]. Т. 43. P. 227.
12. Chayanov A. V. The basic ideas and forms of organization of agricultural cooperation. [Osnovnye idei i formy organizatsii sel'skokhozyaystvennoy kooperatsii]. М.: 1927.
13. The results of the joint plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the CPSU (b) 17–21 December 1930. [Itogi ob»edinennogo Plenuma TsK i TsKK VKP (b) 17–21 dekabrya 1930 g].
14. Proceedings of the 1st National Conference of Marxist Agrarians. [Trudy 1-y Vserossiyskoy konferentsii agrarnikov-marksistov», t. 1, М., 1930].
15. Bernal Dzh. Science in the history of society. [Nauka v istorii obshchestva]. М., 1958. P. 628.
16. Chayanov A. V. The basic ideas and forms of agricultural cooperation. [Osnovnye idei i formy sel'skokhozyaystvennoy kooperatsii] М.: Nauka, 1991. P. 36.

Referens

1. Book Review. Knizhnoe obozrenie. 1988 № 4.
2. Kondrat'ev N. D. Suzdal letters. [Suzdal'skie pis'ma]. М., 2004.
3. People power. [Vlast» Naroda] // Rus. Vedomosti. 1917, № 34.
4. Chayanov A. V. Food question. Lectures given in courses to prepare workers for cultural and educational activities at the Council of Students' Deputies in April 1917. [Prodovol'stvennyy vopros. Lektsii, chitan-

УДК 330.8

Жан Тироль – лауреат Нобелевской премии по экономике 2014 г.

РАТНИКОВ ГЕРМАН НИКОЛАЕВИЧ,*студент 2-го курса финансово-экономического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации***E-mail:** ger-ratnikov@yandex.ru

Jean Tirole – Nobel Prize in Economics in 2014

RATNIKOV GERMAN NIKOLAEVICH,*Second-year student of the faculty finance & economics of Finance University under the Government of the Russian Federation***E-mail:** ger-ratnikov@yandex.ru

В 2014 г. Нобелевская премия по экономике была присуждена французскому экономисту Жану Тиролу за работу «Анализ рыночной власти и регулирования».

Члены Нобелевского комитета ставят Тиролу в заслугу то, что он «превосходно показал, как экономическая теория может приобретать огромную практическую значимость».

Жан Тироль опубликовал более 100 научных работ по экономике и финансам, он автор шести книг. Тироль внес вклад во многие области микроэкономического анализа. Одна из самых известных его работ — теории коллективных репутаций — развитие концепции модели Акерлофа о рынках с асимметричной информацией. Эта теория формализует и описывает в виде математической модели такие понятия, как репутация, качество (товара, услуги), честное поведение. На концепции, предложенной Тиролем, базируются многие новые работы других авторов по близким темам, в частности по коррупции в обществе.

До изысканий нобелевского лауреата исследователи и чиновники пытались применять антимонопольные меры, общие для всех сфер экономики, например ограничивали цены или запрещали сотрудничество между крупными конкурентами. Тироль же пришел к выводу, что такие меры не всегда действенны, а иногда просто вредны, и предложил подходить индивидуально

к каждой отрасли. Разработанные им методы позволяют монополиям работать более эффективно и при этом не ограничивать конкуренцию.

Тироль писал о теории отраслевых рынков, игр, стимулов в поставках и регулировании; о пруденциальном регулировании банков, конкуренции в телекоммуникациях и теории финансов. В 1999 г. Жан Тироль в соавторстве с экономистом Матиасом Деватрипом опубликовал классическую статью «Адвокаты» (Mathias Dewatripont M., Tirole J. Advocates). В ней ученые убедительно показали, что отход от состязательности в суде в пользу установления объективной истины неизбежно приводит к выборочному рассмотрению доказательств. Сравнивая процесс, где доказательства «за» и «против» собирает беспристрастный участник, с процессом, где есть прокурор и адвокат, ищущие противоположные доказательства, ученые установили, что в модели, где получение доказательств затратно и их не сфальсифицировать, нельзя построить такую систему стимулов, чтобы заставить беспристрастного участника найти объективную истину. Только в процессе с конфликтующими сторонами возможно обнаружить полный набор доказательств «за» и «против».

Про освоение новых технологий Жан Тироль говорит в третьей части своей книги «Рынки и рыночная власть: теория организации

промышленности», там, где анализирует поведение фирм в условиях олигополий и увеличивающейся вследствие этого цены выхода на рынок. А вот первые две части книги посвящены различным подходам к максимизации прибыли и возникающему в результате феномену монопольного поведения. Причем во всех его проявлениях — от проблем качества продуктов и их рекламы, дискриминации поставщиков и до статистического исследования динамической ценовой конкуренции. «Отсутствие регулирования на таких рынках часто приводит к социально нежелательным результатам — немотивированному росту цен или сохранению на рынке компаний, которые выживают, блокируя выход на рынок более эффективных конкурентов. Меры регулирования или конкурентной политики должны быть тщательно адаптированы к условиям каждой конкретной отрасли», — пишет ученый [1].

Основной труд ученого — «Рынки и рыночная власть: теория организации промышленности» (*The theory of industrial organization*). В ней Тироль в первую очередь концентрируется на стимулах и целях деятельности организации, а именно: придерживается гипотезы максимизации прибыли (основная цель фирмы — получение максимально возможной прибыли; при наличии альтернатив выбирается тот проект, который принесет большую прибыль). Однако стимулы организации могут быть различными и вступать в противоречие с полным страхованием. Ж. Тироль рассматривает более подробно модель с двумя сторонами при наличии риска и дохода (некоего пирога).

Сторона, не склонная к риску, должна получить полную страховку (т.е. должна иметь постоянный доход при любых условиях). Сторона, не склонная к риску, предпринимает какое-то ненаблюдаемое действие, которое влияет на размер делимого пирога (в стохастическом смысле), и это действие ей дорого обходится. Нейтральная к риску сторона замечает только реализацию пирога (уровень прибыли). Не склонная к риску сторона при данном доходе (который не зависит от этой реализации) не имеет стимулов для напряжения сил, потому что усилия не повлияют на ее доход. В этом состоит конфликт полного страхования и стимулов. В действительности выбор между целями страхования и стимулирования в общем приводит к тому, что стороны имеют

и субоптимальное страхование, и субоптимальные прибыли.

Существует один случай, когда конфликт не возникает. Обе стороны являются нейтральными к риску, так что сторона, которая осуществляет ненаблюдаемое действие (агент), не нуждается в страховании. Другая сторона (принципал) может гарантировать, что агент примет совместно оптимальное решение путем продажи ему пирога, т.е. принципал получает трансфертную цену независимо от размера пирога, а агент становится претендентом на остаток (*residual claimant*). Так как ожидаемый доход агента равен ожидаемому размеру пирога, он имеет стимул для выбора оптимального действия, т.е. действия, которое максимизирует ожидаемый размер пирога, очищенный от затрат на самоосуществление действия. При этом агент принимает на себя весь риск, но это не имеет значения, поскольку он нейтрален к риску. Остаточные претензии к стороне, которая осуществляет ненаблюдаемое действие, предлагают довольно общее решение проблемы стимулов. Для агента, не склонного рисковать, претензии на остаток находятся в противоречии с задачей страхования [2, с. 56]. Нахождение схемы оптимального стимулирования, когда агент не склонен к риску, является сложной задачей, по мнению Ж. Тироля.

Помимо стимулов, Тироль подробно рассматривал конкуренцию на рынке (причем не только непосредственно конкуренцию, но и различные ситуации, складывающиеся на рынке: монополии, олигополии и т.п.; особенно подробно изучал монополии).

В качестве примера рассмотрим конкуренцию на продуктовом рынке и принятие неэффективных решений. Конкурирующая фирма, которая принимает неэффективные решения (например, по поводу технических приемов), несет убытки, потому что она не может просто переложить свои дополнительные затраты на покупателя (рыночная цена принимается как данная). Фирма поэтому вынуждена искать новые и лучшие решения, чтобы выжить. Следовательно, фирмы в условиях конкуренции в большей степени вынуждены сокращать затраты и нацелены на то, чтобы быть более эффективными. Почему же зачастую выбираются неэффективные технические приемы? Возможно, ответ нужно искать в проблемах делегирования и контроля [2, с.74].

Ученый считает возможным существование эталонной конкуренции. Из возможности существования такого типа конкуренции вытекает один очевидный эффект. Акционеры конкурентной фирмы могут связать вознаграждения менеджеров с прибылями конкурентов или с рыночной ценой, которая была бы невозможной, если бы фирма была монополией.

Очевидно, когда предельные затраты производства (которые абсолютно коррелируют у фирм) низки, предпринимательские фирмы расширяют свой выпуск. Менеджеры управленческих фирм, если они не очень реагируют на денежные стимулы, пользуются любой возможностью, чтобы выполнять свою работу некачественно. Если доля предпринимательских фирм увеличивается, выпуск тем самым становится более чувствительным к снижению затрат. В хорошие времена это снижает рыночную цену, ослабляя таким образом влияние низких затрат на прибыль. В частности, прибыли управленческих фирм становятся менее чувствительными к внешней неопределенности, когда доля предпринимателей увеличивается. Это облегчает контроль со стороны акционеров, что имеет результатом меньшую степень отлынивания от работы. В той степени, в какой предприниматели выступают как символ конкуренции, большая конкуренция на рынке продукта приводит к увеличению эффективности работы в управленческих фирмах.

К несчастью, этот результат чувствителен к виду функции полезности менеджера. Если менеджеры существенно реагируют на денежные стимулы, большая доля предпринимателей увеличивает расхлябанность в управленческих формах. В своем учебнике «Рынки и рыночная власть: теория организации промышленности» Тироль приводит более подробные примеры с математическими моделями [2, с. 74].

Также ученый описывает так называемые «захваты» — получение одной компанией контроля над другой без желания последней. Захваты, однако, имеют свои пределы. Необходимо собрать дорогостоящую информацию неэффективности фирмы и данные о возможностях ее улучшения. Сторонние деятели имеют стимул для сбора информации и несения затрат по захвату только в том случае, если они могут извлечь значительные прибыли в результате таких действий.

Однако, С. Гроссман ((1900–2006 гг.) — британский ученый экономист, основными сферами интереса которого являлись теории контрактов, теории фирмы, корпоративные финансы, и О. Харт (род. 1953 г.) — американский экономист, работавший над теорией рациональных ожиданий в условиях асимметричной информации [3], подчеркивали потенциальную проблему «свободного наездника» (*free-rider*), которая может устранить этот стимул. В случае захвата акционер может не захотеть продавать свои акции, потому что, если сохранит их, он может воспользоваться увеличением цены акции, которое будет вызвано налетом. С другой стороны, налетчик может получить прибыль, только если цена предложения акций окажется ниже, чем цена после захвата. Следовательно, он не может одновременно и купить акции, и получить на них прибыль.

Существуют выходы из проблемы «свободного наездника». Например, «разбавление» — положение в уставе фирмы, позволяющее удачному налетчику продать часть активов фирмы другой компании, собственником которой является налетчик, на невыгодных условиях для меньшинства акционеров или выпустить новые акции. Это действие равносильно вознаграждению налетчика и поощряет захваты.

Еще одной возможностью является то, что захват может быть предпринят крупным акционером. Даже если другие акционеры вольны «проехать» за его счет (путем непредоставления своих акций), крупный держатель акций, по крайней мере, воспользуется увеличением цены своих собственных.

Эти факторы, направленные против «свободного наездника», сами имеют пределы. С одной стороны, поскольку разбавление является в основном подарком для налетчика, заинтересованные акционеры могут не разрешить осуществлять его в большом масштабе. Более того, суды США сдерживают его применение. С другой стороны, крупные акционеры интернализуют только увеличение цены своих акций. Они не принимают в расчет положительные внешние эффекты для других акционеров, так что стимул к наблюдению за фирмой для ее захвата может быть слишком незначительным.

Потенциальное сопротивление налету со стороны нынешнего менеджмента является вторым ограничением действенности захватов. Менеджеры могут сделать фирму непривлекательной для

налетчика через антитрестовский суд или при помощи «отравленных пиллюль» (*poison pills*). Если это не сработает, они могут вступить в сговор с налетчиком и выкупить его акции фирмы (если такие имеются) за существенное вознаграждение выше рыночной цены в обмен на то, что он подпишет соглашение о бездействии, которое запретит ему владеть акциями в течение определенного периода времени.

Другие акционеры могут значительно пострадать в результате маневра «зеленый шантаж» (*greenmail*), потому что захват не осуществится (менеджмент не сменяется), и фирма купит долю налетчика по высокой цене. Наконец, протест менеджеров можно устранить (например, предложив «золотые парашюты» для отставленных менеджеров), но только посредством значительных затрат.

Эти эффекты могут в некоторой степени объяснить наблюдение американского экономиста, профессора Гарвардского университета Ф. Шерера (сделанное до последней волны захватов), основной смысл которого заключался в том, что имеющиеся в распоряжении доказательства обеспечивают в лучшем случае только слабую поддержку гипотезы о том, что захваты вырабатывают эффективный дисциплинирующий механизм против отступлений от максимизации прибыли [4].

Угроза захвата может иметь своеобразное влияние на работу менеджеров. Во-первых, снижает стимулы менеджеров к осуществлению долгосрочных инвестиций, так как они могут не воспользоваться полученными прибылями. Это значит, что менеджеры проводят близорукую политику.

Во-вторых, она разрушает стабильность работы менеджеров и усиливает их озабоченность своей карьерой, что может привести к управленческим решениям, противоположным интересам фирмы.

В-третьих, она сокращает срок взаимоотношений менеджеров с работниками и может мешать развитию доверия между ними.

Одной из центральных позиций в исследованиях Жана Тироля была монополия: даже при наличии патента неограниченной длительности возникает проблема присвоения общественного излишка (здесь излишек выступает скорее в результате введения новой техники, чем новых товаров). Кроме того, помимо каких-либо

стратегических намерений, от введения инноваций монополист выигрывает меньше, чем одна из конкурирующих фирм, так как монополист «возмещает себя» (*replaces himself*), в то время как конкурирующая фирма становится монополией. Этот результат является следствием различных исходных условий — монополист стремится «почивать на лаврах». Это свойство, которым мы обязаны американскому экономисту, лауреату Нобелевской премии К.Д. Эрроу, называется эффектом возмещения (*replacement effect*).

Помимо этого, монополисту совсем не обязательно в патентной гонке вводить инновацию раньше новичка — фирмы, входящей в отрасль. Необходимо принять в расчет эффект замещения (т.е. тот факт, что монополист уже получал монопольную прибыль до инновации и, следовательно, торопится гораздо меньше начинающего с нуля новичка).

Как отмечают в своей книге Р. Джилберт и Д. Ньюбери (американские экономисты, изучавшие стимулы монополий, стремящихся запатентовать альтернативные технологии для ограничения входа на рынок), монополист может стремиться получить право собственности на инновацию, даже если он не станет ее использовать [5]. Так происходит, например, если патент связан с производственной технологией, которая не является наилучшей для монополиста. Единственная цель патентования — удержать новичка от конкуренции. Схожая ситуация может создаваться, когда продуктовая инновация недостаточно дифференцируема от продукта монополиста. Единственная цель овладения патентом в таком случае — предотвратить затраты, связанные с введением этого продукта. Монополист может, однако, завладеть правом собственности на продуктовую инновацию с целью избежать конкуренции. Таким образом, эффективность может быть объяснением «помещения на полку» (*shelving*) патента [2, с. 615].

Кроме того, интересными представляются патентные гонки. Рассмотрим два противоположных случая, связанных с двумя различными формами ренты, которую предполагает новая технология.

В первом случае предполагаются две фирмы и технологическая инновация. Так как осваивающий первым получает от инновации больше, обе фирмы стремятся обойти конкурента, освоение вторым всегда невыгодно. Конечный

итог — диффузия с большим запаздыванием среди этих двух фирм. Действительно, в нашем крайнем случае первый осваивает «раньше», а его соперник не осваивает никогда. Более того, монополия рента, связанная с освоением, полностью растрочена из-за дороговизны раннего освоения.

Во втором примере освоение продуктовой инновации вызывает немедленную имитацию. Следовательно, можно ожидать снижения побуждений к освоению. Освоение откладывается и возникает одновременно для двух фирм. Таким образом, ключ к определению времени освоения в случае концентрированной отрасли — скорость, с которой освоение имитируется.

В заключение следует сказать, что Жан Тироль исследовал не специфику инноваций в контексте монополий, а общий подход к введению инновационных продуктов, патентные войны и т.п. Поэтому данный подход будет актуален всегда, независимо от вида и рода инноваций.

Ученый внес огромный вклад в развитие экономики, исследуя монополии и другие виды рынков. Его математические модели являются исключительными, так как могут быть

применены на практике почти без изменений и дополнений.

Литература

1. URL: <http://library.fa.ru/exhib.asp?id=76>.
2. Тироль Ж. Рынки и рыночная власть: теория организации промышленности /под ред. В.М. Гальперина и Л.С. Тарасевича. СПб.: Экономическая школа, 1996.
Tirol' Zh. Markets and market power: the theory of industrial organization [Rynki i rynochnaya vlast': teoriya organizatsii promyshlennosti] /pod red. V.M. Gal'perina i L.S. Tarasevicha. SPb. Ekonomicheskaya shkola, 1996.
3. Grossman S., Hart O. The Costs and Benefits of Ownership: A Theory of Vertical and Lateral Integration // The Journal of Political Economy. 1986. Vol. 94. N 4.
4. Scherer F. Industrial Market Structure and Economic Performance. 2nd ed. Chicago: Rand — McNally, 1980
5. Gilbert R., Newbery D. Preemptive Patenting and the Persistence of monopoly: Comment // Ibid. 1984 Vol. 74